

Гай Юлий
Орловский

Длинные Руки
удар в спину

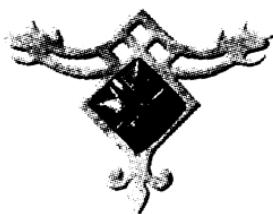
Гай Юлий Орловский

Длинные Руки
удар в спину

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ричард Длинные Руки
Ричард Длинные Руки — быв Господь
Ричард Длинные Руки — наследник Господь
Ричард Длинные Руки — сенатор
Ричард де Амадифи
Ричард Длинные Руки — властелин трех замков
Ричард Длинные Руки — виконт
Ричард Длинные Руки — барон
Ричард Длинные Руки — герл
Ричард Длинные Руки — граф
Ричард Длинные Руки — бургграф
Ричард Длинные Руки — лейтенант
Ричард Длинные Руки — герцог
Ричард Длинные Руки — обер-граф
Ричард Длинные Руки — коннетабль
Ричард Длинные Руки — маркиз
Ричард Длинные Руки — пресс-граф
Ричард Длинные Руки — лорд-протектор
Ричард Длинные Руки — майордом
Ричард Длинные Руки — маркиграф
Ричард Длинные Руки — штурм
Ричард Длинные Руки — брейтграф
Ричард Длинные Руки — вильдграф
Ричард Длинные Руки — юнграф
Ричард Длинные Руки — конюх
Ричард Длинные Руки — герцог
Ричард Длинные Руки — зулус
Ричард Длинные Руки — барон
Ричард Длинные Руки — курфюрст
Ричард Длинные Руки — пресфюрст
Ричард Длинные Руки — ландесфюрст
Ричард Длинные Руки — граф
Ричард Длинные Руки — князь
Ричард Длинные Руки — зуффеншт
Ричард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ричард Длинные Руки — князю
Ричард Длинные Руки — принц-консорт
Ричард Длинные Руки — быв-принц
Ричард Длинные Руки — зуффеншт
Ричард Длинные Руки — курфюрст
Ричард Длинные Руки — зуффеншт
Ричард Длинные Руки — принц королем
Ричард Длинные Руки — зуффеншт
Ричард Длинные Руки — принц-деспот
Ричард Длинные Руки — король
Ричард Длинные Руки — король-консорт
Ричард Длинные Руки — монах
Ричард Длинные Руки — монахиня
Ричард Длинные Руки — принц калемберийской монахи
Ричард Длинные Руки — калемберийский монах
Ричард Длинные Руки — властелин Багровой Звезды зла
Ричард Длинные Руки. Ричард и Великие Маги
Ричард Длинные Руки. В замке

Ричард Длинные Руки. Удар в спину

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

ФиЧ@РД
Длинные Руки
удар в спину

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Иллюстрация на переплете художника *В. Коробейникова*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Ричард Длинные Руки. Удар в спину / Гай Юлий Орловский. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-04-098471-8

Несерьезное с виду дело оказалось крохотной вершиной огромного айсберга. А императорское окружение — слишком сложной и сбалансированной системой власти, из которой нельзя вытащить и кирпичика.

Но звездный лорд Ричард, повелитель демонов, все же рискнул...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098471-8

© Орловский Г.Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая

Глава 1

Жанна-Антуанетта еще всхлипывала, когда в кабинет торопливо вошли Альбрехт и Келляве, за ними грузно вдвинулся дородный сэр Рокгаллер, градоначальник захваченной столицы.

Альбрехт с порога окинул цепким взглядом комнату, на мгновение задержал его на вытирающей слезки кружевным платочком маркизе.

А когда повернулся в мою сторону, на его строгом лице читалось, что все беды на свете от женщин, начиная с тех, что пошли от глупого поступка Евы.

— Садитесь, — велел я, — без церемоний. Мы в полевом лагере, хоть это и дворец. Появился враг и уже нанес первый удар.

Сели молча, очень серьезные и настороженные, только на лице Келляве приступило нечто вроде злого удовлетворения, наконец-то зримый враг, с которым можно скрестить мечи, да еще Альбрехт чуточку дернул щекой, дескать, сколько было этих ударов, и все еще первый?

Я пересказал услышанное от Жанны-Антуанетты, все продолжили хранить молчание,

только быстро схватывающий Альбрехт вздохнул и покачал головой.

— Подметное письмо, — проговорил он с неудовольствием. — Конечно, пусть его проверят специалисты Норберта. Наш доблестный граф... или он уже герцог?.. подмял под себя и местную тайную службу, но даже это вряд ли что-то даст в данном случае. Придется ждать их требований. Кстати, я понимаю жажду сэра Ричарда встретить ясно осозаемого врага и вступить с ним в бой, но этот случай вряд ли дает нам достойного нашей силы и моши врага.

Сэр Келляве и Рокгаллер даже не переглянулись, но по их лицам видно, согласны с Альбрехтом, тот быстрее всех схватывает любую ситуацию и делает самые разумные выводы, словно не благородный рыцарь высокого происхождения, а торговец какой.

Рокгаллер сказал несчастным голосом:

— Зато по требованиям поймем, кто они и чего добиваются. С другой стороны, вот так взять и дать им преимущество?

Келляве вздохнул, от него тоже требуется высказать свое мнение, а это труднее, чем махать мечом.

— Сэр Ричард, — сказал он с холодноватой отстраненностью, — предпочитает действовать в интересах империи, не примешивая ничего личного. А интересы державы говорят, что это личное дело маркизы.

Альбрехт и Рокгаллер молча перевели взгляды на меня. В их глазах читалось, Келляве прав, маркиза слишком ничтожная величина для империи. А личные проблемы все, кроме императора, должны решать самостоятельно.

Строгие, осознающие груз ответственности, шутка ли — подмяли империю! — глядят на меня выжида-

юще и требовательно. Сейчас мы не шайка баронов, с мечами в руках отстаивающие свои крохотные земли, под нашей властью такое, что уже все начали побаиваться раствориться в необъятной империи.

— Личное, — согласился я, — мы все должны отделять личное от государственного, что пока удается, мы же с Севера! Но в деле маркизы есть одна крайне неприятная деталь...

Келляве задвигался в кресле, доспехи протестующе звякнули.

— Ваше величество?

Я пояснил:

— Согласившись принять ее в качестве лица империи, я тем самым подставил и ее под удар.

— Империю? — уточнил Келляве.

— Маркизу, — ответил я. — Сейчас она важный и дорогостоящий бренд. Некая заметная деталь в политико-экономической модели империи. Переходом от Скагеррака в наши ряды принесла важные имиджевые очки команде реформаторов. Терять эти очки разве не государственная оплошность?

— Так мы не теряем, — напомнил Келляве. — А муж... что муж? Мы даже не знали о нем. Не жалко.

Маркиза вскочила и метнула в его сторону взгляд, полный негодования и ярости.

— Сэр! — вскрикнула она звенящим от ярости голосом. — Я здесь!

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да! Маркиза, подождите, пожалуйста, в соседней комнате. Мужской разговор, да еще людей благороднейшего происхождения, бывает не для женских ушей.

Альбрехт встал, галантно провожая ее, отвел в сторону внутренних помещений моих императорских

апартаментов, а там плотно прикрыл за нею толстую дверь, чтобы не оставалось ни самой крохотной щели.

— Ты куда отвел? — спросил я, когда он вернулся и сел. — Дверь в оранжерею справа.

— Да ладно, — ответил он. — У вас и туалетная комната как спальня. А цветы от слез вянут.

Я повернулся к внимательно слушающим Келляве и Рокгаллеру.

— Не буду напоминать о довольно оскорбительном желании этих неизвестных лиц как-то влиять на вашего императора! Даже руководить им.

Альбрехт, сильно морщась, прервал бесцеремонно:

— Позвольте, Ваша Звездность, но я что-то не усмотрел желания влиять на вас!

Остальные промолчали, но я видел на их лицах тоже самое выражение подчеркнутого и даже демонстративного непонимания.

— Бросьте, принц, — сказал я. — Вы же прекрасно понимаете, что сочту себя задетым. На это и был расчет.

Он взглянул на меня исподлобья.

— Что, правда, уже принц?

— Разве нет? — переспросил я. — Ладно, потом разберемся. В общем, герцог, вы уже знаете, мы все здесь сидим как на иголках в ожидании удара с той стороны, откуда не ждем. Возможно, это как раз тот случай.

Рокгаллер покряхтел, подвигался в кресле, устраиваясь, как королевский пингвин в утесах.

— Что за удар, — переспросил он, — если не вовлечена армия?

— Уж вам-то не знать, — сказал я с укором, — вы и на Севере не были только лихим рубакой. Удар может

быть таким, что армия не успеет и хрюкнуть, а не то что почесать задней лапой за ухом.

Келляве произнес с ноткой недоумения:

— Муж для маркизы почему-то много значит, кто бы подумал?.. Обычно для женщин значение имеет только размер его доходов, а также длина титула...

— Вы правы, сэр Гастон, — сказал я. — Но если маркиза так привязана к мужу, то без него ей будет не совсем. А это скажется на ее облике, что бросит некоторую тень на облик представляемой ею империи. Потому давайте думать, как ей помочь, потому что это в интересах нашей империи. Мне за державу обидно, а вам?.. Ладно, можете не отвечать.

Рокгаллер проговорил после паузы:

— Установить наблюдение за маркизой. С кем общается, кто к ней подходит... Даже кому кивнет, улыбнется. Как улыбнется.

— Привлечь магов, — предложил Келляве. — Чтоб никто незримником не прошел. У охраны есть амулеты?..

— Снабжены, — ответил я. — Спрошу у Карла-Антона.

Альбрехт прервал:

— Ваше величество, а почему его не позвали? Он как человек благородного происхождения вполне вхож в наш круг.

Келляве кивнул и добавил с уважением:

— К тому же так много сделал для нашей победы над филигонами!

Я сказал громко:

— Карл-Антон!.. Вы меня слышите?.. Повелеваю явиться на военный Совет в моем кабинете!

С минуту все сидели в тишине, наконец в дверь стукнули, заглянул Периальд.

— Ваше величество, — провозгласил он зычно, подражая то ли дворецкому, то ли церемониймейстеру, хотя вряд ли знает между ними разницу, — к вам сэр Карл-Антон!

— Пусть войдет, — распорядился я, отметив для себя, что Периальд назвал его сэром, а это значит, слух о благородном происхождении чародея уже прошел по дворцу, а то и по городу.

Дверь распахнулась шире, Карл-Антон вошел все в том же плаще с откинутым на спину капюшоном, в шляпе с высокой тульей и в сапогах из грубой кожи.

На лицах собравшихся отразилось удовлетворение, маг еще в большей степени, чем они, верен одежде Севера.

Я кивнул чародею на свободное кресло:

— Садитесь, благородный сэр. У нас уже началось обсуждение, но пока ничего не решили. Дело в том...

Карл-Антон опустился в кресло, не снимая шляпы, обычай гильдии, что даже выше законов, повелевают оставаться в шляпе. Держится, как заметил я, со скромным достоинством именно так, как от него и ждут.

Я пересказал суть проблемы, Альбрехт тихонько переговаривался с Келляве, Карл-Антон осторожно слушал и помалкивал, понимая деликатность своего положения, хотя тайна его благородного происхождения и раскрыта, но все же чародей, адепт нечистой магии, хотя и как бы на стороне церкви, но все-таки не совсем свой.

— Мне нужно подержать в руках то письмо, — проговорил он наконец. — Если без защитных заклятий, то могу узнать, кто отправлял... Или место, откуда...

Я кивнул Альбрехту, он быстро подошел к двери комнаты, куда отвел Жанну-Антуанетту, приоткрыл и крикнул:

— Маркиза!.. Ох, простите, я в задумчивости ничего не видел... Его величество изволит велеть вам со всей возможной скоростью доставить перед его как бы светлые очи то самое письмо... Но все же не торопитесь в таком деликатном деле...

Через минуту дверь распахнулась. Мимо Альбрехта промчалась с пунцовыми щеками Мария-Антуанетта, на бегу обеими руками подбиравая длинный подол платья.

На этот раз Альбрехт проводил ее лишь вежливым поклоном, бегать несолидно даже герцогу, а уж тем более принцу, если это не на войне, конечно.

Хруерт едва успел распахнуть перед нею дверь. В коридоре мелькнуло удивленное лицо Периальда, котому едва не угодила в объятия.

Нас окатила волна нежных духов с примесью тепла ее тела.

Хруерт не успел закрыть дверь, как нечто огромное и тяжелое отпихнуло его, в кабинет ворвался Адский Пес с горящими, как раскаленные уголья, глазами.

— Ваше величество, — прокричал из коридора Хруерт. — Ваша собачка! Она сама...

— Закрой дверь, — буркнул я.

Бобик быстрым взглядом окинул стол, но там ни жареного гуся, ни кабанчика, ни даже пирогов с мелкими птичками, которые просто обожает, разочарованно вздохнул и с размаха плюхнулся на пол у моих ног, придавив ступни.

Карл-Антон кивнул в сторону двери:

— Ваше величество... это стоит вашего вмешательства?..

— Вообще-то женщины ничего не стоят, — согласился я. — Но некоторые, если верить поэтам, ценятся ну прям как не знаю что. К счастью, политика далека от поэзии, она смесь математики и бесстрастной расчетливости богомола. А расчеты показывают, что, защищая ее, защищаем себя...

— В известной степени, — сказал он.

Я кивнул:

— Да, конечно. Словом, устанавливаем скрытое наблюдение за нею и ее окружением, Карл-Антон проверит письмо, а мы додумаем остальные меры защиты.

— И нападения, — договорил Альбрехт. — Я просто не могу представить, чтобы сэр Ричард только защищался.

Я промолчал, приходилось и защищаться, и по зорно удирать, и быть схваченным, но историю пишет победитель, а в ней я проеду на белом коне от первой страницы до последней, милостиво улыбаясь и разбрасывая пряники под ликующие крики благодарного народа и взлетающие кверху лифчики и трусики. Ах да, их пока еще не придумали.

Рокгаллер вздохнул так тяжело, что заколыхались два подбородка, а третий раздвинулся по груди, подобно взопревшему тесту, готовому в печь.

— А что за противник, — поинтересовался он задумчиво, — которого не страшит Багровая Звезда? Такого и вообразить не могу.

— Либо в таких глубинах земли, — сказал я медленно, — куда разрушительная мощь Маркуса не дстанет... либо где-то слишком высоко.

Альбрехт прервал:

— Простите, ваше величество, но есть более простой вариант.

— Слушаю, — сказал я недовольно.

— Просто спрятались, — ответил он, — так что не найти. Либо в Запретных Землях, что остаются целыми даже после визитов Маркуса, либо здесь же в Волсингейме, но хорошо законспирированы. К примеру, это все задумала и осуществляет герцогиня Херствардская, на которую уж никак не подумаешь...

Келляве буркнул:

— В Запретных Землях сами в тюрьме. Если бы только могли выйти... интриговать не стали бы.

— Могли одичать, — предположил я. — В изолированных общинах так всегда. Для высоких технологий нужна человеческая масса хотя бы в пять-десять тысяч тонн живого веса. Ладно-ладно, отвлекся. Тоже думаю, скорее всего, хорошо спрятались.

На меня посматривают несколько странно, снова не поняли, почему не хочу спорить, властелин тоже постепенно превращается сперва в заложника своих лордов, а потом обычай, моды...

Хорошо, мелькнула сердитая мысль, хоть не любовниц. Тогда вообще кранты. Хотя могут присобачить и такое, раз уж хочу помочь маркизе, даже военный совет созвал. Все еще не понимают, что борюсь не за нее, ставки куда выше.

Глава 2

Явился запоздавший Норберт, слегка запыхавшийся, но по движениям и лицу незаметно, только воинственно поднятые кончики усов слегка распрямились, а для всегда ровного Норберта это уже заметный признак.

Бобик проснулся, вылез и помахал ему хвостом, Норберта любит, тот всегда принимает от него пойманную в дороге добычу и никогда не говорит, что все, хватит.

Альбрехт и Рокгаллер начали быстро посвящать начальника разведки в проблему, я постучал кончиками пальцев по столу, дробь показалась похожей на грозный топот скачущей рыцарской конницы. Норберт взглянул с вопросом в глазах, взгляд серых глаз тверд и прям, как и сам Норберт.

— Пока маркиза несет письмо, — сказал я, — уточним бытовые мелочи. Сэр Норберт, как там Скагеррак?

— Все тихо, — ответил он четким голосом. — Даже чересчур.

— Как это?

— Ощущение такое, что затаился, — пояснил он. — Но гонцы так и шмыгают. И конные, и багерные.

— Это не преступление, — сказал я, — может быть, шлет поздравления с днем рождения или свадьбой. Карапуз будем за действия, мы же местами демократы, а на остриях своих рыцарских копий принесли мир и гуманизм. Сэр Рокгаллер?

Рокгаллер начал было вынимать грузное тело из тесного для него кресла, но Альбрехт придержал за плечо, Рокгаллер послушно опустился и ответил уже сидя:

— Все спокойно, ваше величество!.. Я поначалу даже спать не мог, все старался понять, чего все такие. Заговоры выискивал, ко всему присматривался...

— И как?

— Все спокойно, — повторил он с ноткой удивления. — Похоже, им без разницы, кто император.

А все мы, что обидно, вроде труппы бродячих актеров, что дает представление. Дескать, повеселили благородную публику своей одеждой и манерами и уйдем дальше...

— Очень точное определение, — сказал я. — Спасибо, сэр Рокгаллер! Сэр Норберт, что насчет безопасности нашей империи?

Норберт, что не успел сесть, повернулся ко мне, прямой, как рыцарское копье, сухой и костистый, даже с виду твердый, как ствол матерого дуба, взглянул сурово и прямо.

— Ваше величество, — ответил он бесстрастным голосом, — тревожных новостей нет, хотя, конечно, кто знает, что на дальних рубежах. Но я послал с вашего разрешения на все кордоны наших людей. А что касается маркизы...

— Да, слушаю.

— Вокруг нее вьется много народа, — сообщил он, — а теперь, когда у нее такое положение, будет еще больше, но все... безобидные. Светские хлыщи. Такие даже шнурки себе сами завязать не смогут, могут быть опасны только своей непроходимой дуростью и наглостью. Вообще-то можно от них изолировать...

Я покачал головой:

— Не нужно. Пусть все идет, как и прежде.

Дверь приоткрылась, вполглаза заглянул Хрурт:

— Ваше величество!.. Маркиза...

— Впустить! — велел я.

Он открыл дверь шире и ждал, наконец раздался далекий стук каблучков. В кабинет влетела Жанна-Антуанетта, с раскрасневшимся лицом и заплаканными глазами, в руке сиротливо трепещет клочок бумаги.

Бобик поднял голову, посмотрел на нее мрачно, но бумага не кусок мяса, и он уронил голову на лапы и кончики моих сапог.

— Ваше величество...

Я в нетерпении выхватил из ее руки обычный листок бумаги с криво нацарапанным буквами, всего две фразы: «Маркиз умрет, если не будете выполнять наши условия. Первое и единственное требование: герцогство Клауренское должно получить автономию».

Альбрехт принял из моих рук листок, прочел про себя, затем уже ясным и четким голосом повторил все вслух.

Рокгаллер и Келляве молчали, Альбрехт взглянул поверх послания на меня:

— Ваше величество?

Я кивнул на застывшую в ожидании Жанну-Антуанетту.

— Маркизе неинтересны детали мужских разговоров, принц... то есть герцог, проследите, чтобы отдохнула, но отведите вон в ту комнату, там что-то вроде зимнего сада.

— Может, — предложил Альбрехт ядовито, — сразу в спальню? Уже почти ночь... Утешите плачущую женщину.

— Нет, — отрезал я, — у меня здоровые мужские вкусы, предпочитаю утешать веселых и хихикающих. Желательно дурочек.

Альбрехт галантно подал руку маркизе. Она чуть коснулась кончиками пальцев его руки и, одарив меня негодящим взглядом, отправилась с ним в что-то вроде зимнего сада, хотя, как думаю, здесь зимы не бывает.

— Кое-что проясняется, — сказал я, когда за ними захлопнулась дверь.

Теперь уже Рокгаллер задвигался, спросил с подозрением:

— А... что?

— К сожалению, — ответил я, — противник не требует ни мешки с золотом, ни бриллианты, ни даже место на троне в каком-либо королевстве. Это говорило бы о недалеком уме и скромных амбициях... Но требование автономии какому-то герцогству... гм... это уже серьезнее.

Альбрехт вернулся такой же строгий и серьезный, садиться не стал, прошелся вдоль стола и остановился за широкой спиной тучного Рокгаллера.

Келляве бросил на него косой взгляд.

— Да что там, — проворчал он, — за герцогство такое особенное? И где оно?.. Их тут как муравьиных куч в старом лесу.

— Пошли проверим, — пообещал я. — Но дело не в особенности, а в том, что подталкивают к некоторым действиям, что за рамками обычного шантажа. Это интересно и... тревожно.

Альбрехт сказал серьезным голосом:

— Требование может оказаться ложным ходом. Да-да, чтобы отвлечь наше внимание.

Рокгаллер сказал с сомнением:

— Если срочно пошлем свою армию, чтобы не допустить вольностей, то засветимся, как любит говорить наше величество?

Я взглянул на скромно молчавшего Карла-Антона.

— Карл... А вы что притихли? Вы единственный, кто хоть что-то может сказать об этом письме!.. Если о вас забыли, напомните сами! У нас тут без церемоний, мы не на параде.

Альбрехт без всякого выражения на лице протянул ему листок. Карл-Антон опустил его на стол, прикрыл ладонью и устремил взгляд в далекую стену с портретами прежних императоров.

Мы терпеливо ждали и даже не двигались, дабы не нарушить сосредоточение мага, наконец Карл-Антон вздохнул, взял листок и переложил на стол поближе ко мне.

В глазах чародея я уловил глубокое сочувствие.

— Ничего, — сказал он. — Кроме следов маркизы и герцога Альбрехта, абсолютно ничего. А это значит, очень умелые люди сняли их целиком и полностью.

— А что, — спросил я, — были?

Он кивнул:

— Всегда остаются. Дайте мне любое письмо из тех, что поступают вам от придворных, я скажу от мужчины или женщины, как выглядят и где живут, а также в каком здравии, какие у них привычки, пристрастия, что предпочитают на завтрак, а что на ужин... Да и многое чего еще!. А если я их видел при дворе или вообще где-то, назову имена и титулы.

— Значит, — пробормотал я, — все-таки что-то о противнике узнали. Среди них есть маги. И нехилые, верно?

— Сильные, — подтвердил он. — Так чисто убрать очень нелегко. Заклятие должно быть в самом письме, пока его нес посланец, чтобы убрать и его следы, а затем исчезнуть, потому что по заклятию тоже можно узнать многое... А у нас абсолютно чистое письмо.

— А по чернилам? — спросил я.

— Черника с сажей, — ответил он. — Как и везде, или сажа в масле.

Я сказал медленно:

— Но черника местная отличается по составу от черники, что растет в соседнем королевстве. Даже от той, что на той стороне реки.

Он посмотрел на меня с уважением.

— Правда? Хотя да, там же другая земля. Где-то суглинок, где-то подзол... Да и вообще черника, что выросла на том месте, где сгнил дуб, хоть на чуть-чуть должна отличаться от той, что выросла на месте сгнившего вяза... Я над таким не задумывался, но вы, ваше величество, откуда такое знаете?

— Император должен знать все, — сообщил я величественно. — Тем более ваш император! Знание — сила! Значит, если по письму ничего, будем искать другие пути и возможные возможности. Невозможные тоже рассмотрим, но чуть погодя. Помогите сэру Норберту расставить сети на таинственного гонца с письмами.

Он поклонился:

— Слушаюсь, ваше величество.

Я сказал значительно и для всех:

— Пока в нашем Багдаде все спокойно, сосредоточимся на этой угрозе. Будут какие-то идеи, выслушаю с интересом.

Альбрехт первым поднялся, подавая и остальным сигнал, коротко поклонился. Сэр Рокгаллер напялил на голову богато украшенную золотом шляпу ярко-синего цвета с белоснежными перьями, Альбрехт поправил манжеты, только Норберт не повел и бровью, камзол на нем сидит, как собственная кожа, а шляпы еще не завел, достаточно и тронутых сединой коротко подрезанных волос.

Все медленно направились к выходу. Я выждал, а когда последним взялся за дверную ручку Альбрехт, сказал с угрозой:

— Герцог, а вы куда?..

Он вздохнул.

— Ах да, что мы за мужчины, забываем о женщинах... Но, может, оставить? Утешите...

— Забирайте, — велел я. — Я пока что не Иисус Христос, слава богу. Утешать плачущих и ревущих на моей доблестной груди — не моя епархия. У них кроме слез еще и сопли.

— У красивых женщин? — спросил он с сомнением. — Я уверен, они идеальны во всем.

— Еще встретим таких, — заверил я. — Наш поход только начался! Чудовищ встречали, встретим и женщин.

Он вздохнул, отправился в зимний сад, пусть он не зимний и не сад. Я опустился за стол и сделал вид, что как солидный государственный деятель занимаюсь бумагами и судьбами империи, тревожить меня в таком состоянии непозволительно и чревато для державы.

Жанна-Антуанетта вышла с Альбрехтом под руку, то есть слегка касаясь его предплечья кончиками пальцев в ажурной перчатке. Несмотря на блестящие от слез глаза, лицо ее ангельски прекрасно, спина прямая и полна достоинства, а низкий вырез платья заставляет забыть даже о дивной прическе с голубыми волосами.

Я приподнял голову от бумаги и сказал усталым голосом и с предельным оттенком доброжелательности:

— Спокойной ночи, маркиза!.. Мы сделаем все, чтобы решить!

— Спокойной ночи, ваше величество, — прошепела она слабым от слез голосом, — я верю вам...

— Умом мое величество не понять, — согласился я, — аршином общим не измерить. Отдыхайте, маркиза.

До вечера успел принять лорд-канцлера и графа Никласа Томандера, оба набрали штат в свои департаменты и пришли за подтверждением о расширении полномочий, а также выслушал сообщение, что постоянно прибывают послы из королевств, где храбрые да инициативные, пользуясь моментом, пока коронованные властители в глубине пещер ожидают конца света, захватили троны и спешно прислали своих доверенных людей, стараясь заручиться моей поддержкой и обещая полное и беспрекословное послушание.

— Принимайте, — разрешил я. — Для прежних королей мы узурпаторы, а эти сами узурпаторы, так что будут нам верны за поддержку их узурпаторства, которое назовут как-то иначе.

Граф Варессер поклонился:

— Мудрое решение, ваше величество.

— Но вы недовольны? — поинтересовался я.

— Конечно, — ответил он. — Это неправильно с точки зрения права и законности, однако в данной ситуации стоит держаться реальности. Вы решаете правильно, ваше величество! И даже без колебаний.

— Без мук совести? — уточнил я. — Совесть политика должна быть гибкой. Будем придерживаться варианта, что бессовестно было покидать народ на гибель и прятаться в пещеры!.. Неважно, что другого пути выживания не было. Народу нужны эмоции, а не убедительные расчеты.

Он поклонился, отступил.

— Ваше величество, не засиживайтесь на работе. Уже поздно. Доброй ночи!

Я посмотрел в окно, в темном небе ярко блестят звезды, под столом шумно сопит Бобик, иногда дрыгает во сне лапами, пихая меня в сапог.

Уловив паузу, молча подремывающий на приставном стульчике у двери Хрурт встрепенулся, вскочил.

— Ваше величество!.. К вам герцогиня Херствардская. Впустить?

— И давно она в коридоре? — спросил я. — Впусти, конечно.

Герцогиня вошла быстрыми шагами, присела в поклоне, но тут же по моему жесту поднялась.

— Самантелла, — сказал я, — вы великолепны, но чем-то озабочены?.. Сядьте, пожалуйста.

Она послушно опустилась именно в то из кресел, на которое я указал взглядом, всплеснула руками.

— Ваше величество, я, как вы и велели, собираю слухи и настроения двора. Все жужжат, обсуждают каждый ваш шаг, как и ваших приближенных, что и понятно, но этих разговоров становится больше, и в них все больше, уж простите, осуждения.

Я пожал плечами.

— Но мечи в наших руках?

Она улыбнулась.

— Я же вижу, вы не всерьез!.. Ваше величество, я знаю, на Севере люди свободнее в выражении чувств. А здесь не только Юг, но столица империи Волсингейн, а в ней императорский дворец, в котором все сложнее, невероятно сложнее, чем где-либо!.. Я понимаю ваше желание вести себя по-северному, однако же...

Я сказал с неудовольствием:

— Иначе мир рухнет?

Она ответила мягко:

— Пойдет трещинами, а это серьезно. И совершенно не нужно вам. Если и собираетесь что-то менять, а вы собираетесь, чувствуя, словно приближение грозы, то умоляю, нужно медленно, постепенно, постоянно прислушиваясь к высшему обществу! Прислушиваясь очень внимательно и настороженно.

Я поинтересовался:

— Это вы к чему, герцогиня?

Она чуть улыбнулась.

— Вы уже поняли, ваше величество. Да-да, в интересах империи Жанну-Антуанетту нужно приблизить. Приблизить по-настоящему. Вы плохо умеете притворяться, великий завоеватель!.. По вашей реакции вскоре все поймут, что Жанна-Антуанетта только идет с нами, но вам не близка. А это хоть и не очень большой, но все же урон репутации. А зачем?

Я вскочил, некоторое время постоял, грозно высясь над столом и упираясь в него обеими пятернями.

Герцогиня встала и присела в реверанс, виновато опустив голову. Я сказал, сдерживая раздражение:

— Нет, Самантелла! Нет. Во всякой случае, не в этот раз. У нее несчастье!.. С моей стороны будет не совсем красиво. Как будто пользуюсь случаем.

Она подняла голову, взглянула мне в глаза.

— Вы слишком щепетильны, — сказала она с укором. — Императорам это не свойственно.

— Я не урожденный император, — огрызнулся я. — До того как я стал им, я был человеком!

— Это заметно, — сказала она со вздохом. — Вы даже были хорошим человеком, как иногда кажется. Хорошо, спокойной ночи, ваше величество!

Пришлю вам Мишеллу. Она в самом деле милая и чудесная...

— Нет уж, — сказал я сварливо, — если уж взяли на себя обязанность следить еще и за уровнем моего тестостерона, то сегодня поддерживать его в норме предстоит вам!

Она ответила негромко, пряча улыбку за низким поклоном:

— Как скажете, ваше величество. Не знаю, что такое тестостерон, но сделаю все для вашего здоровья и хорошего расположения духа. Ваше слово выше любого в империи!

Глава 3

Проснувшись на рассвете, я сотворил чашку крепкого горячего кофе, а когда рядом завозилась и начала открывать глаза герцогиня, приложил палец к ее губам.

Она поняла, кивнула одними ресницами. Я передал ей чашку, а себе сделал другую. Герцогиня как можно неслышнее приподнялась, опираясь спиной на изголовье, приняла чашку, ухватившись за изящную фарфоровую ручку.

Я молча сделал глоток, горячий напиток еще не коснулся гортани, но я ощущил, как побежал по жилам и нервной сети, поднимая их с постели, ибо мир несовершенен, а кто, если не мы?

Герцогиня осторожно коснулась губами края чашки, я видел, как расширились и затрепетали крылья изящно вырезанного носа, а глаза заблестели.

Приблизив губы к моему уху так, что коснулась, прошептала едва слышно:

— Ваше величество... а это разве не магия?

— Нет, — ответил я так же тихо, — это волшебный напиток!..

Она улыбнулась.

— Хорошее объяснение. У вас все получается хорошо, ваше величество. И даже этот кофе.

— Польщен, — ответил я тоже шепотом.

Я осушил до дна первым, выждал, когда герцогиня справится с содержимым своей, принял из ее руки и осторожно, стараясь не стукнуть донышком, опустил обе на столик рядом.

Через минуту по ту сторону полога послышались деликатное покашливание, шаги, но полог распахнулся без всякой деликатности.

Принцесса Джеззэфина грациозно присела, а принц Кегельшир со всей почтительностью поклонился. Оба нарядные, но строгие, исполненные величия и значимости момента и государственной важности церемонии.

— Доброе утро, ваше величество... доброе утро, ваше высочество...

— Утро доброе, — ответил я бодро.

С постели мы слезли по разные стороны, герцогиню одевают ее фрейлины, меня лица из самых знатных семей империи. Штаны несли из дальней гардеробной, передавая из рук в руки от баронов к графам, те вручали герцогам различных оттенков знатности и родства, а дальше всего пять-семь принцев с поклонами друг другу, пока престарелый Шильдерер не опустился на одно колено и держал их растопыренными, чтобы я не промахнулся, вставляя ногу.

Я вяло подумал, что это еще ничего, а вот когда несут таким же макаром жаркое из императорской

кухни, то успевает не то чтобы остыть, но и замерзло бы, будь здесь зимы.

Дальше церемониальный завтрак, когда мы с герцогиней отведывали блюда, а за нашими спинами торчало человек двадцать из числа все тех же знатнейших семей империи, а вдоль противоположной стены еще человек тридцать, тоже знатнейших и благороднейших, уже напудренных и накрашенных, словно для ночных развлечений.

Обязательную чашку горячего крепкого кофе делать за столом не стал, это возвысит меня, как мага, но умалит достоинство императора, любой властелин выше всякой работы.

Ладно, в придворном этикете не предусмотрено, что император не может создавать напитки в уединении или в узком кругу с друзьями. А в постели буду и впредь успевать, до того как «высшие лица империи» раздвинут полог.

Герцогиня сказала тихохонько:

— Ваше величество, а почему никто из ваших героев не присутствует при вашем завтраке?.. Предпочитают при обеде?

— При обеде и я не буду, — сообщил я. — Сожру что-нить на бегу, у меня работы полно!.. И все мои люди прежде всего работники.

Она взглянула с непонятным выражением, как можно признавать себя работником, это же самый низший класс, высший никогда не запятнает себя никакой полезной работой.

Двое слуг с абсолютно нейтральными лицами вошли в зал, держа за ручки носилки с огромным тортом посередине, герцогиня переключила внимательный взор на это произведение искусства, а я уже

прикидывал, что сделать уже сегодня, чтобы отвести от себя неприятную угрозу шантажа.

— Ваша светлость, — сказал я тихонько, — не обращайте на меня внимания, ешьте. Я углубляюсь в высокие думы.

Она улыбнулась уголками губ.

— Да, о женщинах думаете меньше всего. Хотя все женщины империи думают о вас, ваше величество!

— Спасибо, — ответил я шепотом, — умеете аппетит испортить.

— Ох, — сказала она виновато, — я вам испортила?

— Щас, — сказал я злорадно, — так я и дам испортить!.. Император без аппетита — горе для страны!.. А я о ней забочусь, кто бы подумал. Потому ем хорошо и много. Нельзя ли поторопить десерт?.. Что-то завтрак затягивается.

— Все рассчитано по минутам, — напомнила она. — Вот уже пять тысяч лет!

Я криво улыбнулся, смолчал, на такие темы мужчине даже говорить неловко, и больше не реагировал ни на смену блюд, ни на яркие пятна придворных, что передвигаются вдоль стен согласно дворцовому протоколу, тихие и почтительные, благоговеющие от восторга, что допущены лицезреть всевластного императора за утренней трапезой.

В моем мире абсолютной властью обладали разве что фараоны, как затем шахи, падишихи, султаны и халифы. На более молодом Западе к абсолютной власти так и не успели прийти: в ходу сперва были советы племен, которые переродились в парламенты, сенаты, конгрессы, а в России нашли третий путь: там было самодержавие, ограниченное светскими салонами.

Здесь же самодержавие было ограничено властью Великих Магов, но я смел эту власть... и только сейчас с испугом понимаю, что ничего взамен предложить все еще не могу.

Но смирились бы с моей властью, как и меня абсолютно не устраивала их власть. Раздумывать и планировать было некогда, Маги вот-вот выйдут и вернутся в свои Башни, так что я поступил, как и поступают в цугцванге да еще и в цейтноте.

И вот сейчас власть над властью императора исчезла. Это примерно так, как если бы в Средневековой Европе вдруг исчезла церковь, что скрепляла ее в единое целое и задавала смысл жизни и существованию. Церковь помазывала на царствие, а отлучение было приговором для любого короля. Императоры получали корону только из рук Папы Римского, что превыше всех императоров на земле.

И вот теперь...

Закончил завтрак я, надеюсь, по протоколу, хотя и не старался, об этом позаботилась герцогиня, поднялся из-за стола с мыслью, что у меня нет опоры ни на оставшуюся на северном континенте церковь, ни на здешних Великих Магов, а без опоры даже не знаю что получится. Здесь не поможет ни Маркус, ни моя общая продвинутость, когда все население империи, от самого верха и до низа, даже не понимает, чего я хочу...

Я вздрогнул, обнаружив, что уже иду по широкому коридору в сторону лестницы, справа сэр Альбрехт, а слева граф Келляве. Мой инстинкт опасности не сработал и не предупредил, значит, все еще не враги.

— Нет, — сказал я зло, — и не уговаривайте! Отца Дитриха с его армией попов сюда не позову! Во всяком случае, не скоро.

Они взглянули с удивлением, Альбрехт заметил бесстрастно:

— Мы о нем и не заикались... Хотя раз уж вы вспомнили, то можно...

— Нельзя, — отрезал я, поинтересовался уже более мирно: — А как вы сумели отрезать длинный хвост этой праздной публики, что, согласно протоколу, тащится следом?

Они переглянулись, Альбрехт заметил холодновато:

— А это не вы сами их... остановили? Я что-то не заметил за сэром Гастоном, чтобы он как-то заметно...

— Да и я за вами, — ответил Келляве. — Может, герцогиня, что управляет всем этим действом? А то и сам сэр Ричард воспользовался каким-то знаком, что желает без сопровождения?...

— Просто оскалил зубы, — предположил Альбрехт, — а то и зарычал. Это тоже действует.

— Да, — согласился Келляве, — сэр Ричард зубы ощеривает все чаще. Хотя мог подмигнуть какой-то с вот такими. А вот альтанка, а там его кто-то уже ждет, томясь мукой сладкой...

— Тогда свернем, — предложил Альбрехт. — Или нет?

Я поморщился:

— Вот так легко все сворачивают на треп, когда нужно о серьезном. Давайте о наглых шантажистах. Что известно?

Келляве благоразумно промолчал, хотя его набундюченный вид сказал за него многое.

Альбрехт поинтересовался:

— А что могло измениться за короткую летнюю ночь? Люди Норберта еще не добрались, думаю, до того герцогства. Зато здесь двор оживает...

Во дворе за ночь прибавилось стражников в форме с золотистыми ремнями, вставками, даже шлемы из металла, блистающие золотом, хотя вряд ли это золото.

Сэр Юстер, командир императорской стражи, добирает комплект взамен разбежавшихся, а также тех, что ушли со Скагерраком, зато новых даже ночью гонял на плацу, обучая непривычной для них службе при дворце с придворными особенностями.

Экипажей в отведенном для них месте тоже прибавилось. Возвращаются убежавшие в свои имения ввиду конца света знатные и знатнейшие лорды и лордессы. Разумеется, еще не все. Кто-то не верит, что опасность миновала, другие выжидает, как поведут себя странные завоеватели.

Завидев нас, навстречу поспешил Норберт, взмахнул рукой в воинском приветствии. Взгляд прям и суров, словно допытывается, не разлагаюсь ли уже в этом слишком уж южном климате с очень доступными женщинами и вообще вольностями. Особенно когда мы завоеватели, бери все, что хочешь.

— Сэр Норберт, — поприветствовал я. — Как жизнь?

Он не стал рассказывать, как у него с жизнью, ответил кратко:

— Установлен кордон в три ряда. Один заметный и два тайных. Сэр Карл-Антон очень помог.

— Да-да, — сказал я, — с этого момента подробнее!

Он взглянул с некоторым неудовольствием.

— Что касается самой маркизы, то наблюдение за нею плотное. Все подходы к ее дому просматриваются днем и ночью. Ожидаем уже сегодня...

— Почему сегодня?

— Интуиция, — ответил он уклончиво. — Раньше — чересчур, позже — слишком. Сегодня самое время. Вряд ли хотят тянуть, давая вам время подготовиться и передумать.

— Хорошо, — ответил я величественно. — Кто в команде захвата?

— Умелые, — сообщил он. — Я поручил Чекарду, а тот все на лету хватает.

— Он хороший, — согласился я. — Чекард!

Чекард подбежал словно из ниоткуда, вытянулся, четкий, бравый и с выпяченной, как у боевого петуха, грудью.

— Ваше величество?

— Когда схватите гонца, — велел я, — немедленно оторвите воротник.

Норберт усмехнулся, отступил на шаг, я взглянул на него и ответил, что да, не задерживаю, это мы с Альбрехтом и Келляве три бездельника, дефилируем, он удалился, собранный и деловитый, абсолютно не старающийся быть у императора в приближенных, а я повернулся к Чекарду.

Тот коротко поклонился:

— Да, ваше величество, как скажете...

Я увидел, как он дико скосил глаза в сторону своего плеча, сказал с сердцем:

— Да не свой воротник! Его!

— Все сделаем, — сказал он с облегчением, потом осторожно поинтересовался: — А зачем отрывать?

Я объяснил с высоты своих знаний:

— Там может быть зашито заклятие! Убьет его мгновенно, как только укусит себя за воротник, дабы не раскрыть тайну при допросе третьей степени. Ясно? Стандартная практика. Все так снаряжают.

Он посмотрел на меня с великим уважением.

— Вон оно у вас как... Даже стандартная... Все сделаем, ваше императорское величество!

Келляве промолчал, Альбрехт вздохнул.

— Даже не слышал, чтобы кусали себя за воротник.

— Дикари, — определил я. — Умереть за отчество — это же прекрасно! Любой дурак сможет красиво пасть в яростной битве с мечом в руке, а вот в тайной войне спецслужб такой чести удостоены только избранные... Это подвиг во славу!

— Тех, кто послал?

Я развел руками:

— Солдаты тайных служб гибнут безымянными. Награды и льготы получает семья. А за что — не разглашается. Но несмотря ни на что, кусать себя за ворот обязательно!

Чекард подтянулся, ответил четко:

— Сделаем, ваше величество!.. Оборвем не только воротник, но и рукава! А то вдруг и там заклинание...

Я поморщился:

— Связанные за спиной руки вряд ли укусит... Выполняйте!

Глава 4

Келляве проследил взглядом, как Чекард на бегу прыгнул в седло коня, даже не коснувшись стремени, на лице задумчивое выражение, словно пытался

вспомнить, мог ли так сам в далекой молодости, а я сказал Альбрехту:

— Нужна подробная карта империи Скагеррака!.. С учетом наших запросов! Сегодняшних.

Он кивнул:

— Уже делают. Сэр Норберт распорядился нанести на существующие... Думаю, уже мог и закончить.

Келляве встрепенулся, сказал живо:

— Сэр Ричард, ну что вы так?

— Ну? — спросил я с неудовольствием.

Он сказал внушительным тоном, но с поспешностью:

— Ваше величество, так и мы привыкнем называть ее его империей! Хотя это вообще-то Клондзейд, именуемый империей Изначального Света! А Скагеррак — это один из ее бывших правителей, еще помните такого?.. Всего лишь! Либо Клондзейд, либо империя Ричарда Длинные Руки!

Я сказал с подчеркнутой виноватостью в голосе, надо почаще показывать соратникам, какие они умные:

— Вы правы, граф, слишком большое значение придаем личности в истории! На самом деле исторические процессы важнее, а также закономерности развития и появление новых слоев общества типа разночинцев и карбонариев.

Он вряд ли что-то понял, судя по его лицу, но остался доволен как моим ответом, так и собой, вроде бы возразил мне, поправив самого императора, но одновременно и польстил, что вообще-то даже для опытных царедворцев из южан верх умелого поведения при дворе.

Альбрехт взглянул с иронией, но смолчал так красноречиво, что я почти услышал, как он говорит: «Успех

в войне или в строительстве всегда приписывают одному. Ни толпа, ни биографы не обращают внимания на общие труды».

Мы продолжали медленно двигаться по аллее, Альбрехт и Келляве со снисходительностью вельмож отвечали на поклоны прогуливающихся придворных, я наклонял голову совсем изредка, делая вид, что весь в государственных размышлениях о величии империи.

— Вся операция по захвату дерзких, — спросил он, — поручена сэру Норберту?

— А также герцогу Альбрехту, — добавил я и уточнил в задумчивости: — А он точно не принц?..

— Идите к дьяволу, ваше величество, — сказал Альбрехт с сердцем. — У вас же всегда была память, как вот эти булыжники, по которым идем! Ничто ее не брало.

— Хорошее сравнение, — ответил я беззлобно, — просто в самом деле не могу вспомнить. Собирался же в честь столь великой победы над Югом всех соратников перевести на ступеньку выше. В смысле, баронов в графы, герцогов в принцы... хотя бы выборочно, но не помню, сделал ли...

— Разве что в мечтах, — сказал он.

— Почему?

— А нет великой победы, — напомнил он. — Юг почти не заметил нас. Живет своей жизнью!.. Настолько велик и огромен, что проглотит нас и тоже не заметит, как проглотил и что проглотил.

Я подумал, кивнул:

— Неприятно такое узнать, герцог. Да, теперь вижу, что прежний герцог. Доброго слова от вас не услышишь!.. Но вообще-то как-то случайно вы угадали. Я вот мудростью беру, а вы постоянно угадываете.

Южане у нас ничего не взяли, хотя победители и даже спасители мы, а мы уже и одеваемся, как они, и манеры перенимаем, и наша северная мораль под их солнцем тает, как лед под жаркими лучами... Даже как снег, что совсем обидно. Что докладывают наблюдатели?

— За маркизой? — уточнил он. — Ждут. Им подглядывать за красивой женщиной еще как нравится. Окна в ее покоях по вашему приказу всегда распахнуты, а они как вороны на дереве перед ее покоями... Во дворе она тоже частенько появляется без сопровождающих. Да и двери в ее апартаменты не заперты.

— Не слишком очевидно?

— Наш противник понимает, — напомнил он, — что установим наблюдение.

— А мы понимаем, — ответил я, — что он понимает. Ладно, посмотрим, кто кого перенаблюдает. Господь испытывает всех, кого считает достойным, потому трудностям нужно радоваться, хотя у меня с гражданским чувством нелады. Если человек дермовый, Господь на него вообще внимания не обращает, зато достойных подвергает всяким тяжким испытаниям.

— Ох, — сказал он с тревогой, — не нравятся мне такие речи.

— Мне тоже, — согласился я. — Лучше бы других испытывал, верно?.. Вот-вот.

Он полюбопытствовал:

— А чем же вас испытывает, сэр Ричард?.. У вас все как по маслу у богатого крестьянина.

— Да? — спросил я. — Любой крестьянин живет в сто тысяч раз счастливее и беспечнее!.. Свободен и ни за что не отвечает. А на меня Господь взваливал ношу все тяжелее и тяжелее, но я кряхчу и как-то ухитряюсь

тащить, хотя бы и ползком... И вот в конце концов послал мне последнее испытание, самое тяжелое...

Он спросил тихонько:

— Багровую Звезду?

Я взглянул на него искоса.

— А-а, поняли? Вот-вот. Испытание безграничной властью! Как распоряжусь?..

Он промолчал, потом взглянул искоса.

— А почему вы решили, что это последнее испытание?

— Типун вам на язык, — сказал я в сердцах, — и на все прочие места!

Впереди на аллее раздались испуганные крики, через пару мгновений из-за роскошнейших вечноцветущих кустов выметнулся зловеще-черный пес, громадный и устрашающе мускулистый, да еще с багровыми, как раскаленные угли, глазами.

Придворные с облегчением вздыхали, когда он проскакивал мимо, и вслед ему старались выдавать улыбки, собачка принадлежит его величеству, а это значит, в адрес его любимца непозволительно не то что грубого слова, но даже взгляда.

Правда, насчет подружиться с ним даже подумать страшно, хотя еще никого не съел и даже не оторвал руку или ногу, но на такого даже смотреть страшно.

Келляве потрепал зверюшку по крупной лобастой голове, у быка и то меньше, Альбрехт небрежно чеснул вдоль хребта, крупных и мускулистых собак любят все, кто их не боится.

— Похоже, — сказал Келляве веселым голосом, — есть новости!

Он кивнул в сторону ворот, там в распахнутые створки влетел на легком горячем коне бездоспешный

всадник и, завидев нас, развернул коня и лихим на-
метом понесся в нашу сторону.

Бобик заинтересованно вышел вперед, всадник
бестрепетно обогнул его по дуге, там Келляве уже
протянул требовательно руку. Гонец на ходу вложил в
растопыренные пальцы лист бумаги, конь послушно
остановился, часто поводя раздувающимися боками.

Не говоря ни слова, Келляве передал бумагу Аль-
брехту, а тот мне. Я развернул вчетверо сложенный
лист, там всего две короткие фразы: «Не пытайтесь
нас обмануть. Мы знаем о каждом вашем шаге».

Альбрехт молча принял из моей руки записку, про-
чел и передал Келляве, а я пытался выжать как можно
больше из краткого послания. Было бы больше слов,
хоть каких, было бы лучше понять противника. А так...
Знают о каждом шаге, это значит всего лишь то, что
так написали, но, с другой стороны, это не значит, что
в самом деле знают. Такое можно написать заранее, я
точно не буду сидеть сложа руки, они это понимают.

Не упомянули о моих возможностях, хотя это не
значит, что не знают. Хотя, думаю, могут узнать о том,
как я получил во владение маркизат Черро, а это уже
важные сведения.

Как и то, что сейчас я властелин Багровой Звезды
Зла.

Тревожное в том, что посмели обратиться с таким
дерзким требованием, словно абсолютно уверены, что
моя армия могучих демонов, сокрушивших мощь Ве-
ликого Мага Гаториуса в его же крепости, бессильна
перед их мощью и что даже всесильный Маркус не
справится с ними, а это уже очень серьезно.

Потому это «Не пытайтесь нас обмануть», можно
трактовать не как опасение с их стороны, что могу об-

мануть, хотя хочется понимать именно так, эта строка может быть простым нежеланием, чтобы я тратил время на безуспешные попытки.

Конечно, можно бы задать проверочный вопрос типа «А что я ел на обед?», но это слишком по-детски, и вряд ли станут отвечать. Не только из опасения раскрыть источник при дворе, а вообще это не уровень общения солидных взрослых людей.

Альбрехт первым нарушил тяжелое молчание:

— Ваше величество?.. Игнорируем?

— Я бы с удовольствием, — ответил я вяло, — но, кто бы подумал, даже такая мелочь может пошатнуть устои!

— Ваше величество?

Я пояснил:

— Могут понять, что императору был брошен вызов, а он не ответил... А раз другим не ответил, то и нам не ответит...

— Тогда что?

— Встретимся, — ответил я, — через час в моем кабинете. Но только с сэром Норбертом и теми, кто под рукой. Остальные пусть работают, не отрывайтесь от дела.

Альбрехт по дороге остановил одного из слуг и велел найти герцога Дарабоса. Его императорское величество изволит, а это значит, хоть умри, но выполнит быстро и качественно.

В кабинете мы втроем только-только рассаживались, когда двери распахнулись, из коридора быстрыми шагами вошел сэр Норберт, прямой и с суровым ничего не выражавшим лицом.

Я кивнул ему на пару свободных кресел.

— Сэр Норберт... успели что-то узнать? Что за герцогство? Почему именно ему свободу от тирании?

Он сел, все такой же прямой, не касаясь спинки кресла, но и не укладывая локти на края столешницы.

— Ваше величество, — ответил ровным голосом, спокойным, но лишенным почтительности, — там не сказано насчет свободы от тирании. Что вы так уж сразу обиделись? Только ограниченная независимость в решении внутренних проблем. А так герцогство из империи выходит и не пытается. Во всяком случае, об этом не сказано.

— Но если имеется в виду?

— Тогда сделка с обменом недействительна, — уточнил он ровно.

Альбрехт со своего края стола подал голос:

— А что насчет налогов в королевскую казну?

— Похоже, — ответил Норберт, — платить не отказываются.

— Подумаем, — ответил я. — Независимость и свобода от тирании не одно и то же, хотя близко. Так что за герцогство?

Он сказал торопливо:

— Клауренское, весьма заурядное, с десяток городов и около сотни сел, населения не больше ста сорока тысяч, столица Арпань, расположена на правом берегу Коттена.

— Стандарт, — сказал я в нетерпении. — А чем-то особенным? Из-за чего кому-то важнее независимость герцогства? Независимость от империи может обернуться зависимостью от других игроков. Скажем, в землях много рутения, трансурановых элементов, гелия-три?.. Ладно-ладно, вижу по вашему лицу. Это такие магические элементы, что дают большую силу

королям, которые ими обладают! Императоры тоже не прочь завладеть и... в общем, владеть.

Он в затруднении поморщил лоб.

— Да что-то не припоминаю. Разве что пара Зачарованных Мест... Или одно? Да, именно одно...

— Ну-ну!.. Вспоминайте, сэр Норберт!

— Но совсем хилое, — признался он. — И места почти не занимает. Начинается в болоте, даже болотце, заканчивается в месте, куда только дурак забредет. Там дремучий и зловонный лес, хотя в нем можно бродить и собирать грибы, зверье не водится, птиц нет, разве что муравьи, но и они не птицы вроде... Одна поляна совсем гиблая. Кто туда нечаянно зайдет, сразу как камень в воду... и уже не возвращается. Местный фольклор или правда, еще не проверяли.

Я повернулся к Альбрехту:

— Запомнили? Если там не обнесли те места флагами, надо самим.

Он посмотрел с подозрением:

— Уж не собираетесь ли...

— Надо, Федя, — сказал я твердо. — Если не мы, то кто?.. Пять тысяч лет прошло, а в Багдаде все спокойно?.. Даже больше, чем пять тысяч!.. Сколько бы Маркус ни прилетал, а Зачарованные Места даже с места не сдвинулись! Обидно и даже оскорбительно. Хотя меня тогда на Маркусе не было, а вот был бы я филигоном...

Он посмотрел на меня почти с отвращением, словно я вообще-то похож на филигона, по крайней мере манерами.

— Ваше величество, — сказал он, — успокойтесь, а то у вас ноздри раздуваются и гнев в ясном когда-то взоре... Вы не в ответе за прошлое.

— Человек за все в ответе, — возразил я величественно, — а император и вовсе может что-то подправить даже в прошлом. А то и вовсе переписать летописи, чтобы как надо, а не как всего лишь было! Детей нужно учить на возвышенных и даже возвышающих примерах.

Он поклонился.

— Понял, ваше величество. Думаю, сэр Альбрехт уже подумывает пригласить художников?

Альбрехт злорадно ухмыльнулся, схватил на лету, а я спросил с непониманием:

— Зачем?

— Парсуну писать, — объяснил Норберт. — В гордой позе и попирающего ногой... ну, что-нить крупное. Или очень-очень крупное!

— Только после полной и окончательной победы, — отрезал я, — а пока отыщите мне то герцогство на карте. Багеры туда как?..

— Уже смотрел, — ответил он. — Багеры проходят над ним, сверху все хорошо просматривается. Герцогство вообще-то мелкое, по населению скорее баронство, но по территории чуть ли не королевство... Наверное, какие-то древние привилегии. Остатки причальной башни еще видны. Так что да. Они по своей воле отсоединились и убрали причальные башни.

— Тем более, — сказал я. — Бунтовщики! Сепары. А я за единую и неделимую.

Он посмотрел на меня сурово и в то же время одобрительно.

— Да-да, конечно. Вы да чтоб выпустили что-то из своих когтей?

— Разве это не в наших интересах?

— Конечно, — согласился он. — Пока волны самого дальнего из морей не омоют копыта наших коней.

— У меня длинные руки, — напомнил я. — Длинные и загребущие! Государь с короткими обречен. Кто не гребет, того самого гребут. Вперед и с песней под знаменем Дарвина!.. Для технологического рывка в государстве должно быть не меньше десяти миллионов морд!.. Что смотрите? Ах да, вы и цифер таких не слышали... Так что никаких свобод и демократий!.. Империя единая и неделимая — вот девиз прогресса! И без таможенных пошлин...

В дверь заглянул Хруерт:

— Ваше величество!.. Члены вашего высокого совета! Впустить или гнать?

— Перестань со своими шуточками, — сказал я строго. — Демократ хренов! Больше почтения к аристократии!

Он в качестве извинения распахнул и вторую половинку массивной двери, в кабинет начали входить члены Тайного Совета и наиболее высокопоставленные из правительства. Все неспешно, но быстро, раз уже я здесь, непозволительно заставлять ждать самого императора.

Торопливо сели и сразу застыли, глядя на меня, только сэр Улагорнис некоторое время двигал задницей по сиденью, словно пытался ухватить ею за шляпку вбитый туда гвоздь.

Отдельной группкой держатся четверо из местных: граф Джюлиан Варессер, лорд-канцлер то ли Клондзейда, то ли империи блистательного Ричарда Длинные Руки, Грейгер Армстронг, владетель каких-то значительных земель империи, рядом с ним граф Ни-

clas Томандер и граф Франк Хьюстон, все трое рекомендованы в правительство герцогиней Самантеллой Херствардской, так как прошлый император практически сослал их в ссылку, отстранив от двора, теперь преданы мне, как вернувшему их ко двору.

Все уже в курсе дела, вижу по лицам, смотрят на меня, серьезные и внимательные, у всех облик высших государственных деятелей, то есть лица крупные, изрезанные глубокими складками и морщинами, глаза с двумя-тремя ярусами мешков, а еще крупные нижние челюсти, так что смотрятся внушительно, но, полагаю, в Высший Совет империи их брали не за достойную почтения внешность.

Граф Джуллан Варессер как лорд-канцлер империи заговорил осторожно первым:

— Ваше величество, поступок шантажистов дерзновенен и неслыханен. Вы, очевидно, уже знаете, как собираетесь поступить?

— Еще не знаю, — ответил я честно. — Выслушаю сперва ваши мнения, а потом выйдете из этого кабинета с моим... Но пока его нет, а это значит, буду составлять из синтеза ваших. Или на отскоке от ваших мудрых речей.

Альбрехт и Норберт помалкивают, как и осторожный Улагорнис, что все никак не умостится на деревянном сиденье, дают возможность выказать себя местным.

Граф Никлас Томандер проговорил с вопросительным оттенком в голосе:

— Как насчет личной встречи?

— Пока ни слова, — ответил я. — Что и понятно, зачем им раскрываться?

Он уточнил:

— Тогда можно предположить, что доставивший подметное письмо мог быть нечеловеком?

Я кивнул, хотя такое не приходило еще в голову, подумал с похвалой, что не зря созвал Совет, вдруг да еще какие-то дельные идеи выловлю.

— Верно, сэр Никлас. Это учтем и дадим нашим службам на проработку.

— А если письмо подбрасывает кто-то из местных слуг, — сказал граф Хьюрстон, третий из рекомендованных герцогиней. — Которые работают и живут при дворце?

— Тоже возможно, — ответил я, — хотя, как мне кажется, действовали как-то иначе. Могущественные люди, если они люди, не станут прибегать к таким простым действиям, свойственным слабым магам или правителям невысокого ранга. Судя по уверенному тону письма, они в самом деле ощущают свою мощь. Возможно, она вполне реальна.

Сэр Улагорнис скривил лицо, и лицо застыло в мутильном напряжении, словно наконец-то захватил шляпку гвоздя и пытается тащить, не давая выскользнуть.

— Ваше величество, — сказал он с усилием, — а не мог письмо доставить некий демон?

— У демонов нет своей воли, — напомнил я. — В нашем мире.

Он торопливо уточнил:

— А если на службе Странствующего Мага? Эти Странствующие, говорят, бывают сильнее Великих... Что опаснее, не ищут убежища в пещерах.

— Могут бродить неузнанными, — поддержал граф Хьюрстон. — А вдруг даже здесь?

Лорд-канцлер поморщился, вставил вежливо, но ответил с нажимом в голосе:

— Слухи. Как всегда, преувеличены и раздуты досужими людьми, обожающими всякие стр-р-р-рашные тайны. И призванные дестабилизировать... да-да, дестабилизировать...

Он взглянул на меня с вопросом в глазах, я величественно наклонил голову.

— Мыслите абсолютно государственно, дорогой лорд-канцлер.

Он продолжил, заметно подбодренный:

— Я не вижу причину, по которой маг, достигший определенной монеты, не выстроил бы себе Башню, где мог бы совершенствовать свое мастерство без посторонних помех! Если этого не сделал, у него нет достаточной монеты.

Я кивнул, соглашаясь, но сэр Улагорнис так печально съежился, что я ответил мягче:

— Возможно, какие-то причины есть, нам неведомые. Не станем эту возможность вычеркивать, но перенесем в конец списка.

— Длинного списка, — согласился лорд-канцлер. — Представляю, какой он у вас!..

— И пополняется вашими усилиями, — ответил я любезно.

Альбрехт коротко усмехнулся, но это заметил разве что наблюдательный сэр Норберт, тем временем Улагорнис задержал дыхание, наконец вздохнул с таким облегчением, будто все-таки сумел вытащить проклятый гвоздь.

— Ваше величество, — сказал он с радостно заблестевшими глазами, — а что, если сделать вид, что

соглашаетесь на их условия? Они обрадуются, начнут давить, чуточку раскроются...

Лорд-канцлер чуть наклонил голову, соглашаясь, игру нужно принимать, а там дальше видно будет, кто кого переиграет.

Неглупых деятелей порекомендовала герцогиня, подумал я. В интригах и переговорах чувствуют себя, как хищные шуки в прозрачной воде. Хорошо ориентируются и хорошо соображают. Не перечат, мои интересы соблюдают и стараются действовать в их русле, потому что мои интересы — их благополучие и безопасность.

Глава 5

Норберт и Альбрехт слушали, не вмешиваясь, а когда короткое совещание закончилось и местные вышли из кабинета, а с ними и Улагорнис с его гвоздем, Норберт взглянул на меня в упор.

— Но если примете их условие...

— Ну-ну?

— Представляете, — договорил он, — что начнется?.. Все наши северные скажут, из-за бабы наш лорд, за которым шли через бури и войны, готов поставить на кон все наши завоевания!

— Почему на кон? — ответил я. — Мы еще не знаем, что хотят эти наглецы. А вдруг желаю нам великого счастья?

— Великого счастья желает только церковь, — уточнил Альбрехт. — И то не в этой жизни.

Норберт продолжал смотреть на меня в упор, как учитель на увиливающего от ответа ученика, а во-

иинственно приподнятые кончики усов стали еще выше.

— Ваше величество, — произнес он с холодком, — а как насчет общественности? Вы обещали прислушиваться к голосу народа!

— Обещал, — подтвердил я. — Но народ в его лучшем проявлении — это моя армия и я!.. К себе и прислушиваюсь. Да и вообще, сэр Норберт, это игра. Не относитесь так уж серьезно! Посмотрим, кто кого переиграет. Я тоже не Ванька-Пряник.

Альбрехт повернулся к Норберту:

— Дорогой друг, а вы не заметили, что наш лорд часть побед одержал не в свирепой битве с мечом, а как бы помягче... в таких ситуациях? Нет-нет, я не говорю, что жульничал, блеф — искусство войны, а во-все не то, что вы подумали... да и я тоже. Наш великий вождь велик даже в малом.

Я сказал с неудовольствием:

— Герцог, вы не упускаете случая укусить. Ладно, вступаем в игру. Соглашаемся на их заведомо невыполнимые и бесчестные условия.

— А там нарушим соглашение и схватим? — спросил Норберт. — Ого, мы уже принимаем привычки бесчестного Юга!

Альбрехт поднялся, дружески хлопнул его по плечу.

— Пойдемте, дорогой друг. Я уверен, да и вы знаете, наш лорд соблюдает правила рыцарской чести!..

— А когда не соблюдет, — добавил Норберт, — то успевает объявить их не соответствующими нашему кодексу!

Он тоже встал, поклонился.

— Ваше величество...

— Сэр Норберт, — ответил я.

Альбрехт поклонился с еще большей учтивостью, хотя и без размахивания шляпой.

Когда вышли из кабинета, я некоторое время смотрел им вслед, словно рассматривал прямые спины с красиво развернутыми плечами. Все чаще не останавливаю и не поправляю соратников, когда вместо привычного «сэр Ричард» обращаются королевским, даже императорским титулом.

Да и ладно, если им так удобнее вашевеличествовать, то мне пофигу. Люблю их, как старых, что прошли со мной с самого начала, так и тех, кто присоединился позже, еще не зная, что выйду победителем.

Разве это не лучшее доказательство, что со мной не из корысти?

Дверь за обоими давно захлопнулась, а я все еще смотрел в обшитую золотыми накладками поверхность, стараясь отогнать мысль, что люди меняются, даже старые соратники могут однажды встать на другую сторону, но помахал ладонью, отгоняя демократические мысли, и резко поднялся.

— Хурт!

Дверь распахнулась, вполглаза заглянул Периальд и, прежде чем я успел что-то сказать, проревел трубным голосом:

— Ваше величество... Его светлость сэр Карл-Антон!

Я поморщился.

— Ты уже прям церемониймейстер! И голос, и фигура...

— Стараюсь, — сообщил он гордо. — Вдруг да уdstoите!..

— Почему бы и нет? — ответил я. — Долго ли? Но чтоб телохранитил, как и раньше. А также бдил, тащил и не пуштал!

— Это само собой, — ответил он счастливо, весь сияя, — от этого никогда ни за что! Но церемоний... мейстер!.. Это же ого-го!.. Вот что значит вовремя подменить Хурта!

— Звучит, — согласился я. — Надо будет дать тебе еще и звание престиджитатора. Впусти, Карла-Антона, а то за растопыренным хвостом уже и забыл, зачем заглянул?

Он охнулся, исчез, тут же через порог ступила высокая костлявая фигура в длинном халате и в широко-полой шляпе с высокой тульей, отличительный знак магов и чародеев.

— Ваше величество...

Он приподнял край шляпы, открывая костлявое, как у щуки, лицо с глубоко запавшими глазами, кожа похожа на кору дерева, такая же толстая и с морщинами, что не меняются столетиями.

Я приветливо помахал из-за стола рукой:

— Заходите, Карл, присаживайтесь. Мы же маги, к чему нам церемонии! Император я в последнюю очередь, это рутина, а магством горжусь. Это искусство, обещающее вырасти из коротких штанишек и стать высокой наукой!

Он степенно подошел к столу, на этот раз через плечо перекинута сумка из потертой кожи неизвестного мне зверя. Широкий ремень врезается достаточно сильно, но чародей выглядит довольным и бодрым.

— Ваше величество, — сказал он с вежливостью человека интеллигентной профессии, — как вы и вели, принес еще часть разгаданных амулетов.

Я уточнил с укором:

— Карл, попросил, а не велел!

— Просьба императора, — ответил он учтиво, — равна приказу. Да мне и самому жаждалось. Не представляете, как хотелось разгадать их возможности. В этом же вся наша жизнь, ваше величество! Понимать и разгадывать!

— Понимаю, — ответил я со вздохом, — потому так и популярна археология.

— Археология? — спросил он заинтересованно. — Это что?

— Грабеж могил, — объяснил я, — закамуфлированный не то под науку, не то под искусство, хотя там не пахнет ни тем ни другим. Но мы отвлеклись, сэр Антон. Да сядьте же!

Это прозвучало как приказ, он послушно сел, снял с плеча сумку. В его руках не казалась тяжелой, но когда опустил на стол, столешница из толстого старого дуба крякнула и заметно прогнулась.

Я взглянул на чародея с интересом:

— Хороший улов?

— Увы, — ответил он скромно, — не очень много.

Я смотрел, как бережно вытащил из кармашка сумки несколько амулетов, кольцо, выложил их на краю стола цепочкой, а потом перевернул уже и саму сумку.

Посыпалась, как мелкая сверкающая рыбешка, куча амулетов, талисманов, ярких и блестящих. В центре столешницы выросла играющая всеми цветами радуги горка драгоценностей, но не простых, что хранятся в шкатулках, то как раз носимые, либо расположив их под горлом или на груди, либо прицепленными к одежде, как броши или медали, а еще с дюжину колец и перстней.

— Здесь не все, — сказал я сварливо, — признавайтесь, остальное бессовестно сперли?

Он ответил с улыбкой, показывая, что ценит юмор:

— Если присвою хоть камешек, узнаете, уверен. Только потому ничего не изъял, а то бы, конечно. Здесь то, что удалось понять, как действует.

— Поймете и остальные, — заверил я с оптимизмом.

— Может быть, — сказал он многозначительным тоном, — вы поймете раньше.

— Ну-ну, — ответил я, — у меня другая специализация.

— Боюсь и представить, — сказал он. — Вот эти, ваше величество...

Я не стал снова напоминать, что я для близких сторонников сэр Ричард, тем более что мы наедине, а не на официальном приеме, а он принялся подробно объяснять свойства этих амулетов, и чем ценятся эти кольца и особенно перстни, умеющие поглощать рассеянные в воздухе частицы магии.

— А-а, — сказал я, — а как вообще-то, роясь в той горе амулетов, как свинья в желудях, идея присвоить... пусть не все, а самые мощные? Сама возможность сильно допекала?

Он вздохнул, взглянул искоса, во взгляде промелькнуло смущение.

— Ваше величество...

— Не стесняйтесь, — сказал я подбадривающе. — Мысли — это всего лишь мысли. Решения — это другое.

— Вы правы, — ответил он. — Но вы гораздо интереснее, ваше величество. Я не верю, что вы сын герцога Готфрида. А то, что незаконнорожденный от какой-то крестьянки — прекрасный повод скрыть, откуда вы на самом деле. Я уверен, что вы не из этого мира...

Он умолк как бы на полуслове, давая мне возможность досказать остальное, взглянул остро.

— Ну-ну, — сказал я.

— Вы из некого Скрытого королевства! — выпалил он, не сводя взгляда и отслеживая каждое движение моих лицевых мускулов. — Вы знаете то, чего не знают лучшие умы ни на Севере, ни на Юге!.. Хотя за Юг не очень уверен, но, как мне кажется, и на Юге не знают, иначе здесь бы мир был бы другим.

Я ощущил, как внутреннее напряжение постепенно разжимает железную хватку на моей груди, вздохнул, а в глазах Карла-Антона мелькнуло разочарование.

— Интересное предположение, — сказал я.

Он ответил с печалью в голосе:

— Да ладно, уже вижу, мимо... Вы нечто еще более таинственное, ваше величество!.. Потому не премняю возможность находиться рядом с вами, учиться у вас, узнавать... на все эти талисманы!.. Хотя, конечно, все мощные и ценные амулеты Великие Маги унесли с собой, а это так, для них вообще мелочь, почти мусор... Хотя вот этот хороший, предупреждает о наличии незримых магических ловушек!

Я сделал отматающее движение.

— Всего-то? И слишком громоздкий. К тому же я и так их вижу благодаря дару предков. А как вы?

Он довольно улыбнулся.

— А я научился видеть за полгода обучения.

— Тогда просто оставьте, — велел я. — Подарю кому-нибудь. А что это за странная брошка?

— Помогает увеличивать мужскую мощь, — сообщил он. — Ну, ту самую, о которой мужчины беспокоятся больше, чем о крепости мускулов.

— Мимо, — сказал я, — не жалуюсь.

— Но вроде бы можно увеличить...

— Не надо, — оборвал я. — Император я или просто самэць?.. Я должен императорствовать, а не. Когда все женщины доступны, то это уже что? Вот-вот, не весьма. Мне нужно, чтобы хоть малость, но ломались. Но, конечно, не слишком.

— Тихо, — предупредил он, — стены имеют уши.

— Простите, — сказал я, спохватившись, — похоже, я выболтал стратегическую тайну, очень важную для наших противников. Но то, что я ее выболтал, не значит, что сказал истину. Иногда говорим то, что хотим, чтобы о нас так думали, а на самом деле мы проще и примитивнее.

Он сказал суховато:

— Ваше величество, в вашем случае совсем наоборот.

— Как это?

— Дураком прикидываетесь, — сообщил он.

— А-а-а, — сказал я с удовольствием, — это да, люблю такое. Это дурак не может прикинуться умным, а я вот обожаю валять дурака... Надеюсь, сэр Карл, мы достаточно запутали стены с ушами?

Он усмехнулся.

— Да, вы сказали настолько много, что ошалеют, пытаясь понять, где правда, а где ложный след. Вот этот браслет позволяет лучше слышать запахи...

Я подумал, покачал головой:

— Для такой крохотной функции слишком велик, кольца бы хватило. Отложим. Одарю кого-нить за особые заслуги перед Отечеством.

Он уточнил:

— Наше Отечество уже здесь?

— Где мы, — сообщил я, — там и Отечество. Мы, как Диогены, космополиты, только не мы встраиваемся в местные народы, а их подтягиваем до своего несравненного величия.

— А если их уровень выше?

Я сказал оскорбленно:

— Что значит выше? Зато мы одухотвореннее!..

Значит, выше. И вообще, сэр Карл, не сейте смуту. Мы всегда выше, даже если не выше. Без уверенности в построении светлого дворца счастья не построить и собачью будку.

Он выбрал из кучки пару колец и щелчком послал одно за другом по столешнице ко мне.

— Первое позволяет кваканье лягушек преобразовывать в пенье соловьев, а второе позволяет видеть листву деревьев ярко-красной.

— Хрень, — сказал я. — И Великие Маги тратили на такую ерунду драгоценное время?

Он вздохнул.

— У Великих Магов в запасе вечность, могут и дурью помаяться. Но как вы понимаете, ценные амулеты взяли с собой! Все. Что не поместилось на пальцах и предплечьях, унесли в сумках. Вы бы тоже ничего не оставили!

— Ну да, — согласился я, — кроме мусора. Башни все равно в щебень, потом хрен что найдешь. Даже с демонами. А своя ноша не тянет. Карл, у меня уже мороз по коже, как только представлю, с такой мощью придется сшибиться. Одна надежда...

Он спросил жадно:

— Какая?

— Они же вроде индивидуалисты? Каждый за себя?.. Сидят в Башнях, как пауки, следят ревниво, чтобы никто не нарушил их владений?..

Он подумал, вздохнул, лицо омрачилось.

— Верно, но когда припрут, могут и объединиться. Чтобы после победы снова разойтись по своим королевствам. Так что битва вам предстоит тяжелая, затяжная и с непредсказуемым результатом.

— Только мне?

Он уточнил:

— Вы же все равно во главе и примите основной удар?.. А мы ваша армия, что развивает успех.

Глава 6

Не люблю работать в кабинете, многие творческие натуры предпочитали находиться на природе, в кафе, даже среди толпы, там мысль постоянно перескакивает с одного явления на другое, рождая новые связи, образы, возникают озарения, что немыслимы в тишине кабинета с плотно прикрытой дверью.

Я спускался по лестнице на общий этаж, взглядел на группки почтительно слушающих придворных лорд-канцлера, подумал невольно, что человек с внешностью Джулиана Варессера никак не мог бы родиться крестьянином. Слишком величественен по фигуре, крупной и тяжелой, такое же крупное удлиненное лицо, мощная нижняя челюсть, острый и проницательный взгляд.

Если бы и родился в крестьянской семье, то ушел бы в армию, а там быстро начал бы подниматься по

служебной лестнице от командира десятка новобранцев все выше и выше...

Завидев меня, все торопливо отступили от лестницы и склонились в почтительных поклонах так, что я видел только блистающие серебром парики с рядами идеально ровных локонов по бокам.

Лорд-канцлер тоже застыл в поклоне, я остановился на последней ступеньке.

— Сэр Джюлиан?

Бодро вздернутые кончики его седых усов чуть приподнялись, имитируя улыбку.

— Ваше величество, счастлив видеть вас в добром здравии.

— Где ваш магический посох, сэр Джюлиан?

Он улыбнулся шире.

— То был не посох, а трость, поддерживающая мое грузное хилое тело. Но вы, ваше величество...

Я прервал:

— Составьте мне компанию в незапланированной прогулке, дорогой канцлер.

Он пошел рядом, я нарочито сбавил шаг, все-таки старики, остальные придворные медленно распрямлялись, я чувствовал их взгляды между лопатками, а канцлеру сказал тихо:

— Не распространяйтесь о моей возможности лекаря, я все-таки император! Мало ли чем одарен от щедрот... Может, еще и крючком вязать умею. Но не выказывать же такое, недостойное мужчины-воина?

— Понимаю, — ответил он серьезно, — и молчу. Но от этого моя благодарность не становится меньше. Ваше величество, при дворе высказывают озабоченность...

Он умолк, глядя на меня с нужным выражением.

— Надеюсь, — ответил я, — не политикой?

— Политика двор не интересует, — сообщил он. — Это удел избранных, их горстка, ваше величество. А вот ваш отказ от освященной веками прогулки по саду после завтрака...

Я всмотрелся в него с интересом.

— Что, неужели вас это волнует?

Он ответил с осторожной осмотрительностью государевого человека:

— Вы человек... другой культуры, величество. Я все понимаю, но этот мир очень сбалансирован, что, можно сказать, в его пользу. Не стоит выдергивать даже кирпичика из фундамента... если можно не выдергивать. Император всегда после завтрака и обеда прогуливался по саду в сопровождении придворных, где согласно протоколу каждый занимает свое место. Такая прогулка, как и весь остальной распорядок двора служит подтверждением неизменности и стабильности...

— Сэр Джюлиан, — сказал я дружески, — вы же знаете, что неизменность и стабильность нарушены. Мало того что прежнего императора нет, как и его династии, но власть захватили кровожадные варвары с Севера! Вы-то понимаете разницу, в отличие от тупологовых придворных, у которых только флирт на уме!

Он вздохнул.

— Да я понимаю, ваше величество. Даже то, о чем вы не упомянули, но это самое большое потрясение...

— Сэр Джюлиан?

— Великие Маги, — проговорил он почти шепотом. Мне показалось, что он содрогнулся, а договорил совсем осевшим голосом: — Когда выйдут... что будет?

— Меня тоже пугает, — признался я. — Однако, сэр Джюлиан, что остается? Не отступать же? Многие про-

игрывают потому, что не решаются вступить в битву!.. И когда знаешь, что впереди, какое значение имеет, какую шляпу надел на прогулку?

— Только для крестьян это не имеет значение, — напомнил он мягко, — а человек благородного происхождения обязан думать, что наденет и как пойдет. А в отношении коронованных особ несоблюдение протокола чревато особыми последствиями...

— Почему?

— Сотни послов и дипломатов сразу же начинают выяснять, что стоит за тем, что его величество поменял на шляпе голубое перо на синее? Чем это может угрожать соседним государствам? А уж если поменяет саму шляпу, то это будет вообще потрясение основ!..

Я сказал весело:

— А если отменить эти протокольные прогулки вообще?

Его лицо дернулось, а посмотрел с тихим ужасом, словно я велел всем во дворце на завтрак съедать по большой толстой жабе.

— Как это возможно? Вы не думаете о последствиях!

— Знаете, сэр Джулиан, — сказал я, — между нами говоря, некоторые детали придворного церемониала можно смело отправить в жопу.

Он отшатнулся, шокированный.

— Ваше величество?

— В самую темную, — подтвердил я. — А что не так? Я же северный варвар, грубый и нецивилизованный! Мне можно. Правда, не сразу.

Он, все еще предельно шокированный, сказал тем не менее с предельным достоинством:

— Ваше величество! Весь высший свет ожидает и надеется, что вы увидите все преимущества более цивилизованного образа жизни и возжелаете принять их всем сердцем, душой и мыслями!

— Пусть, — одобрил я. — Пусть ожидает и надеется. Но принимать буду медленно и печально... Нет, печали не будет, но неспешность в реформах — залог успеха!.. Чтобы не наломать дров.

Он насторожился:

— Дров? Каких дров?

— А, — сказал я, — у вас уже и забыли, что дровами топят?.. В общем, я не отказываюсь от придворного этикета и церемониала. Но принимаю в упрощенном виде! Вы же сами понимаете, как опасно давить на свирепого северного варвара, злобного и подозрительного? Да еще с тем, чтобы изменил своим диким и кровожадным привычкам, что всосал с молоком матери?.. А если моей матерью была волчица, а я какой-то Маугли?..

Он помотал головой, отступил на шаг и выставил перед собой ладони.

— Ваше величество!.. Вы не учли, что я, как и многие во дворе, уже знаю, вы — маркиз из королевства Танкмария, и что именно благодаря вашему дипломатическому умению, правда, подкрепленному грубой силой, королю Гессена удалось удержать власть. А будь вы диким варваром, разве смогли бы, несмотря на всю варварскую мощь, стать Властелином Багровой Звезды?

Я посмотрел на него с интересом.

— Вижу, разведка у вас работает!

Он ответил скромно:

— Да вы этого и не скрывали, ваше величество. А мы, естественно, собирали и собираем о вас все,

чего удается достичь для того, чтобы лучше служить вам. И, конечно, каждое слово и каждый ваш жест, наклон головы или особенности походки становятся темой долгих обсуждений и предположений, что бы это значило и чего стоить ждать. Это естественно! Ваши нахмуренные брови могут вызвать потрясение в империи, потому нужно знать заранее, что предпринять...

— Дорогой сэр Джулиан, — сказал я величественно, — я ничего не сделаю, не посоветовавшись с вами и Советом. И, уверяю вас, поступлю, как рекомендует возглавляемый вами Совет. Вы же лучше знаете ситуацию в империи!.. А насчет резких перемен я пошутил. Хотя они будут, но вводить начнем постепенно, чтобы не выдергивать кирпичики, как вы обrazно заметили.

Он поклонился, по моему тону ощущив окончание неформальной аудиенции, отступил и даже помахал над выставленным вперед носком башмака собранными в щепотку пальцами, делая вид, что держит в ней шляпу.

Получилось достаточно величественно, даже значительнее, чем у молодых щеголей с пышными шляпами в руках и веером развевающихся перьев. У них получается несколько суетливо, а в сэре Джулиане чувствуется старая добрая школа.

Женщины откровенно спешат навстречу, приседают, все такие счастливые, радостные, готовые и меня обрадовать всячески, как только восхочу, это в их глазах и на их полыхающих румянцем щечках.

— Леди Эльзивелла, — сказал я, — леди Мирриганна... а вы... ах да, баронесса Истольская...

Они еще больше краснели, польщенные, что сам император запомнил их имена, смотрели снизу вверх

с тем ожиданием на лицах и в позах, что вот сейчас же побегут в постель, стоит только сделать знак, а я со щемом понимал, что вот получил то, о чем большинство мужчин только мечтает: все женщины — мои, но, когда смотрю на этот бескрайний океан склоненных головок с затейливыми прическами и одинаковые низкие вырезы платьев с сочными вторичными признаками, с тоской понимаю...

Хотя даже не понимаю, а даже чувствую, что лучше даже не начинать. Мне все-таки нужно хотя бы малость чувствовать сопротивление, а так почему-то неинтересно.

Странно, это же вроде вершина, никто из женщин не перечит, как раз все напротив, каждая стремится попасть в постель к императору, но что во мне за северное варварство?

Добрался до сада, но пришла мысль, что нужно начать со скайбагеров, потом как-то искать подступы к тем таинственным машинам, что роются очень глубоко под землей, возможно, даже в мантии.

Думаю, там не просто машины, а целые автоматические заводы, что собирают рассеянные элементы редкоzemельных материалов и тупо подают их на поверхность, хотя заказавшие эту работу хозяева давно сгинули...

На обратном пути женщин впятеро больше, я двигался, как через живой цветник, все в розовых платьях, нежно-голубых, солнечно-оранжевых, нигде ни единого темного цвета, все такие радостные и ласкающие взор, вырезы на платьях настолько широкие и глубокие, что вот-вот оттуда выпрыгнут эти ограниченные краем платья нежные полушария, что так и просятся в мои ладони.

Я не увидел ни Мишельлу, ни Жанну-Антуанетту, тем более здесь не будет герцогини Самантеллы, но, чтобы не проходить мимо совсем уж надутым индюком, улыбнулся леди Эльзивелле, известной мне как ближайшая подруга Мишельлы.

— Говорят, красота поддерживает дистанцию?

Она изумленно вскинула длинные ресницы подведенных черной краской век, поспешно заулыбалась еще шире.

— Да, ваше величество, но император вправе сокращать любые дистанции!

Послушала бы ты лорда-канцлера, мелькнула мысль. Тот уверен, что император обязан строже всех придерживаться обычаев, правил и законов, иначе вся империя выйдет из рамок, а потом вовсе рухнет неизвестно куда.

Более того, полагает, что вообще у королей меньше прав быть даже личностями, чем у остальных людей. Я по его взглядам тоже должен быть чем-то вроде бренда, как и Жанна-Антуанетта...

— Люди охотно верят тому, — обронил я, — чему желают верить.

Она с подругами поклонились мне в спину, я успел увидеть, как весь цветник, яркий, щебечущий и пахнущий, сгрудился вокруг осчастливленной Эльзивеллы, жадно выспрашивая, как и что у нее с императором, почему вдруг заметил, почему заговорил, как именно посмотрел и не значит ли это...

Я постепенно ускорял шаг, если новые мысли лучше всего приходят в толпе или вообще на людях, то обрабатывать их лучше в тиши кабинета. Филигранная работа ювелира требует сосредоточения, а я

еще тот ювелир, так на ювелирию, что мир рухнет, если не ту грань отграню...

В моих апартаментах есть лестница, на которую никогда не обращал внимания, назначение ее донельзя пустячное: вдоль стены ведет на длинный балкон вдоль всего зала, а с балкона хозяин может взирать с высоты на придворных, приглашенных по какому-то случаю.

Ни разу не поднимался, незачем, но сегодня что-то кольнуло в задницу: это же мое, надо хотя бы раз посмотреть, как это смотрится сверху, вдруг возжелаю выступить с высоты, как римский трибун.

Пошел по ступенькам, старинным и вытертым по средине, вздрогнул и напрягся, рядом со мной с десятой или одиннадцатой ступеньки появился и так же двинулся наверх призрачный, но все более различимый человек в старинной одежде.

Я невольно замедлил шаг, он повернул голову, рассматривая меня, тоже пошел медленнее, затем остановился. Я с трепетом сердца узнал свое лицо. И вообще моя копия, как рост и сложение, так и все остальное, только одежда старинная, такую носят разве что в империи Германа.

— Выше, — сказал он моим голосом, — есть недобрая комната. Хотя дверь и замурована...

— Дует? — спросил я туповато и ощущил, что голос мой подрагивает, вот-вот дам петуха.

Он покачал головой.

— Можно увидеть некое окно.

— Окно, — повторил я, — во двор?

— Нет, — ответил он, — в нем не то, что во дворе.

А что там, непонятно... Нет, понятное, но у нас там

двор, а в окне лес, озера и трехгранные башни... Слишком близко подходить к стене в том месте не стоит.

Я спросил тихо:

— Оттуда могут ухватить?.. Загребущими?

— Нет, но туда тянет... самого.

— Возвращаются?

— Нет...

— Спасибо, — поблагодарил я, — буду обходить стороной. А вы кто?

Он улыбнулся, взгляд его скользнул на мою левую руку с кольцами, губы шевельнулись, но фигура мимолетно превратилась в быстро исчезающую тень и пропала из виду.

Я остановился, тупо повертел ладонь перед глазами, рассматривая кольца, но ни одно не светится, не нагрелось, вообще не выказывают, какое именно себя проявило.

Ладно, спрошу Карла-Антона, если будет время, что это у меня за фитнес-трекеры, заботящиеся о моем здоровье.

Подумав, что на хрена мне те балконы и без них радости выше крыши, развернулся на ступеньках и пошел обратно. Нужно думать над проблемой маркизы с ее маркизом. Похитители почему-то уверены, уверены твердо, что вне досягаемости моих загребущих, а такое убеждение на чем-то да основывается.

Если это в самом деле так, придется оставить красивый и рыцарский вариант прямого вторжения, когда, вооружившись до зубов, герой проникает в логово врага и крушит там все, в конце обязательная схватка с Главным Злодеем, которого и побеждает из последних сил и на последнем дыхании.

Едва сел за стол, в кабинет робко зашел сэр Джулан, все еще не может привыкнуть, что я разрешил ему входить без доклада.

— Ваше величество...

— Да, сэр Джулан?

Он произнес с поклоном:

— Прибыли послы из королевства Сановер и просят вас защитить их от вторжения со стороны королевства Жмудеррия.

— Военного, — уточнил я, — вторжения? Хотя что это я туплю, других не бывает...

Он сказал вежливо:

— Ваше величество, здесь как раз бывают и другие. Король Драгобард, который не ушел в пещеры, а остался со своим народом, воспользовался открывшимися возможностями.

— Ну-ну?

— Пока остальные монархи в пещерах пережидают катаклизм, — пояснил он, — он поспешно делает то, что раньше ему бы не позволили. И делает хитро, почти не прибегая к армии!.. Захватил все рынки Сановера, как давно планировал, вытеснил из торговых отношений, а теперь захватывает отдельные земли, объявляя их своими.

Я покачал головой:

— Быстро он. Чувствуется кровь основателя новой династии. А хоть какие-то причины для захвата есть?

Он переступил с ноги на ногу, развел руками:

— Ну, как сказать...

Я прервал:

— Так и скажите!

— Король Альказельд, — сказал он торопливо, — который сейчас в пещерах, задолжал ему немалые

суммы. Настолько немалые, что выплатить не в состоянии. Король Драгобард заявил, что не может давать больше отсрочек платежа, потому берет в счет уплаты долга земли Квиляндии и Суспендии. Это такие области, очень богатые.

Я поморщился.

— Это спор экономических субъектов. Здесь в силе область контрактов, а верховная власть не должна вмешиваться, иначе какая экономическая свобода и подъем сельского хозяйства? Пусть все по закону. Как я понимаю, та сторона, у кого доводы шаткие, та и просит вмешаться?

Он развел руками, лицо непроницаемое, своих идей нет, готов выполнять волю императора, но что-то замечаю во взгляде не очень и скрытое, явно для того, чтобы заметил и оценил, что его симпатии на стороне захватчика.

— Да, ваше величество, ваше слово закон, но обычаи не позволяют, местные лорды подали апелляцию...

Я посмотрел ему в глаза.

— Сэр Джулиан, властью нужно пользоваться как можно реже. Тем более в решении экономических вопросов. Потому никакого самоуправства с моей стороны! Я сторонник законности, если она меня не касается. Когда мои интересы не задеты, все должно быть по справедливости!.. И, кстати, сэр Джулиан...

— Ваше величество?

— Вы же лорд-канцлер! Решайте эти мелкие вопросы сами. А мне только бумагу на подпись. Если понадобится. И еще, как бы сказать помягче... больше свободы народу! Я имею в виду такими вот инициатив-

ным королям. Опорой империи должны быть сильные люди, а не мямли. Надеюсь, вы меня поняли.

— Прекрасно понял, ваше величество.

Глава 7

Дверь кабинета распахнул Периальд, но, оттолкнув его, на пороге появился Милфорд, помощник сэра Норберта.

— Ваше величество! — крикнул он звенящим голосом. — Пымали!

— Кого? — спросил я автоматически, спохватился: — Гонца?

— Да, ваше величество!..

— Обезврежен?

— И руки за спиной так, что уже скулит.

— Ко мне, — велел я. — Бегом!.. Сэр Джулиан...

Лорд-канцлер откланялся и поспешил удалился, а через минуту из коридора двое ввели, держа за плечи, низкорослого и неприметного человечка в одежде дворцовой прислуги. Рукава камзола оторваны, на щеке ссадина, один глаз подбит и уже начинает заплывать кровоподтеком.

Следом двигается Чекард, хищный и готовый прыгнуть на пленника в любой момент, как большой кот на мелкую мышь.

Я поднялся из-за стола, даже обошел его и встал с другой стороны, с интересом рассматривая схваченного.

— Точно он?

— Ваше величество, — отрапортовал Чекард, — взяли в момент, когда подбросил письмо!.. В самый-самый! Не отвертится.

— Письмо с вами?

Он сделал шаг к столу, вытащил из-за пазухи листок бумаги и протянул мне.

— Сама маркиза и увидеть не успела!.. Все быстро. Какой-то он совсем... не опасный.

— Зато местный, — определил я. — Я его раз видел, у меня память все схватывает. Только на мой этаж доступа местным слугам нет.

Пленник ответил хриплым голосом:

— Но я уже здесь.

— Но не по своей воле, — напомнил я.

— Уверены? — поинтересовался он. — Думаете, я не мог покончить с собой раньше? Я же догадываюсь, зачем рукава обрывали. Дикари.

Я некоторое время рассматривал его молча, уже чувствуя, что перед моим столом держат не бывшего крестьянина, попавшего из-за старательности в дворцовую прислугу.

Сдержанная интеллигентность чувствуется как в поведении, так и в хорошо построенной речи, где проскальзывают нотки превосходства, которое демонстрировать не старается, но заметно и то, что оно есть и что демонстрировать не старается.

— Имя? — потребовал я.

Он ответил после секундной паузы:

— Кертис, ваше величество.

Я кивнул на него Чекарду:

— Развяжите руки этому Кертису, а то затекут.

— Хорошо, ваше величество, — ответил Чекард, — хотя все равно отрубим, стоит ли возиться?.. А голову потом...

Я взглянул сердито, чего вдруг перечит, потом сообразил, что разведчик старается подыгрывать, насколько понимает ситуацию.

— Развязывай, — распорядился я. — Рубить руки не будем. Просто повесим или посадим на кол. Так красивше.

Чекард, зло ухмыляясь, разрезал веревку на руках пленника. Его подчиненные на всякий случай крепче вцепились в тощие плечи такой ценной добычи, что заинтересовала самого императора.

Я продолжал рассматривать схваченного. Он со вздохом облегчения опустил руки, но массировать не стал, хотя следы от врезавшейся веревки остались глубокие, молодец, терпит.

— Ну и что, Кертис? — спросил я. — Попался, ворона?..

— Да, — ответил он тонким бесцветным голосом. — Ваши люди сработали недурно.

— Ты не слуга, верно? — спросил я. — Давно вынедрился?

— Давно, — ответил он. — Три года, если для вас это важно.

— Не очень, — ответил я. — Итак, ради чего решились нанести мне такое неслыханно мелкое оскорбление, которое смыть можно только большой кровью и бесчеловечными разрушениями?..

Он вскинул голову, всматриваясь в мое грозное, надеюсь, лицо, помедлил, прежде чем ответить:

— Я всего лишь посланник. Но, конечно, могу предположить...

Я вскинул ладонь, он послушно умолк.

— Прежде всего, — сказал я внушительно, — чтобы продолжать разговор, я должен убедиться, что с маркизом все в порядке.

Он ответил смиренно, но с твердостью в голосе:

— С ним все в порядке!

— Да ну, — ответил я нагло, — вот так должен и поверить?

Он слегка поклонился.

— А что остается?

В его тихом интеллигентном голосе почудилась скрытая ирония, я ответил с надлежащей моменту напыщенностью:

— Поверить людям, у которых недостаточно благородства сойтись лицом к лицу? Которые исподтишка и подло похищают людей без их письменного согласия?

— Сэр, — напомнил он, — разве это не оскорбление?

— Верно, — согласился я. — А что?.. Да, оскорбление!

Он умолк, я затаил дыхание, если наш разговор слышат, а это вполне возможно, Карл-Антон предупреждал, то сейчас там идет спор, как вести дела с таким варваром, если из-за своей гордыни и гонора почти готов оборвать этот торг и послать их к такой матери.

Наконец он произнес почти тем же прежним тоном:

— Ваше величество, мои хозяева просто казнят маркиза, если продолжите переговоры в том же тоне...

Я уловил в угрозе нотку поражения, взыграл и сказал с привычной наглостью государя:

— Да хоть щас!.. Мне-то что?.. Его жена больше плачет — меньше пописает.

— Слезы маркизы, — ответил он, — и даже возможный отказ продолжать быть вашей любовницей... что вообще-то маловероятно, мы понимаем, вовсе не сокрушительный удар по вашему положению. Однако

укол болезненный, а зачем это вам, если желаем совсем немногого?

Примирительный тон стал заметнее, я в ответ как бы сделал шаг навстречу, но завуалировал его под обычное любопытство:

— Ну и чего вы бы хотели за его освобождение?.. В случае, если бы я вот с какой-то дури решил ради счастья маркизы... а вы знаете сколько в моей отныне империи маркиз, герцогинь и даже принцесс?.. Да, так вот, если бы спьяну и решил милостиво или даже всемилостивейше пойти вам навстречу?

Он ответил с явным облегчением:

— Мои хозяева, как вы их называете, хотят вообще-то лишь крошки с вашего стола.

— Ну-ну? — сказал я с интересом. — Начало хорошее. Мне нравится. Я хозяйственный и даже прижимистый, но в меру, в меру, не перебарщаю. Так что за крошки?

Он уточнил:

— Даже не крошки, а одну-единственную!.. Которую вы даже не замечаете.

— Подробнее, — велел я.

Он собрался и заговорил ясным голосом вполне развитого человека, явно не слуга, судя по его внятной речи:

— Как вы, возможно, знаете, хотя для императора это и необязательно, кроме ваших двадцати восьми королевств в империи сотня с лишним княжеств, герцогств и даже баронств. Мы хотим, как уже вам сообщили, чтобы крохотному герцогству Клауренскому, которое вы даже на карте не отыщете, предоставили автономию. Вообще идеальным вариантом была бы полная самостоятельность, но герцогство, к сожа-

лению, зажато между королевствами Арелат и Овернией, у него нет выхода ни к морю, ни даже к соседним империям.

Я посмотрел с интересом.

— Там чем же оно вам так интересно?.. Запасами нефти?.. Или ценных ископаемых?

Он едва заметно переменился в лице, а у меня екнуло, не думал, что вот так сразу попаду в цель, но он тут же сказал совершенно спокойно:

— Насколько знаю, ближайшие золотоносные пески расположены в королевстве Базош, а это далековато от границ герцогства. Что такое нефть? Не слышал о таком минерале...

— Но дело в недрах? — уточнил я, наши взгляды встретились. — Что в них ценного?

Он ответил с заминкой:

— Ваше величество, я всего лишь посланец.

— А если спросить строже?

Он прямо взглянул мне в глаза.

— Как только мне станет больно... очень больно, я умру сразу. Очень простое заклятие, ваше величество. И не надо было напрасно отрывать воротник и рукава.

Я сделал отметающий жест.

— Северная специфика. Ничего, скоро все тонкости и южной усвоим. Но верю, верю. Я бы сам не стал доверять простому посланцу что-то важное. Или не простому?

Он посмотрел с некоторым удивлением.

— Ваше величество?

— Ваша речь, Кертис, — пояснил я, — говорит о достаточном развитии. Не простонародном.

— Ваша тоже, — ответил он вежливо.

— Я как раз из простого народа, — сообщил я. — Только у нас весь народ не простой.

Он взглянул на меня с интересом.

— У нас тоже.

Стражники по-прежнему держат его за плечи крепко, не сводя с него злых взглядов, только Чекард поглядывает то на меня, то на пленника, в глазах мелькнуло удивление, как это император может быть из простого народа.

— Ладно, — сказал я, — ты хорошо говоришь и держишься, Кертис, но разговор на этом прекратится, если не получу ясных и четких доказательств, что маркиз жив и здоров.

— Он жив и здоров...

Я прервал отмечавшим жестом:

— Я варвар, на слово верю только варварам. Да и то северным. А вы должны предоставить доказательства ясные и четкие. Я должен увидеть маркиза и поговорить с ним... Хотя на хрена это мне? Пусть маркиза увидит и поговорит! Иначе весь этот разговор в пользу бедных.

Он покачал головой:

— Но это пока невозможно.

Я молча обошел стол, расположился в кресле и, откинувшись на спинку, посмотрел через всю ширь стола так, словно между нами океан.

Кертис напрягся, Чекард и его воины застыли в ожидании приказов.

— Тогда, — произнес я грозно и обрекающе, — к чему этот бессмысленный разговор? Я не допущу обмана!.. Здесь все подлые и постоянно врут!.. Чекард! Выведи его во двор, пусть там срубят голову.

Чекард сказал с готовностью:

— Могу и здесь!..

— Ковры перепачкаешь, — ответил я брезгливо. — Тащи! Переговоры окончены.

Чекард не успел даже кивнуть стражам, те с готовностью подхватили ошеломленного пленника и бодро потащили к двери.

Тот опомнился уже на пороге, закричал, выворачиваясь в их руках в мою сторону:

— Погодите, погодите!.. Разговор возможен...

Я перевел дыхание, сработало, кивнул Чекарду. Тот с показной неохотой и громко бурча, велел своим остановиться, вздохнул тяжко и жестом приказал втащить обратно.

Кертис смотрит затравленно, не так уж и стоек, в глазах страх и в то же время надежда, пошел торг, а умные люди в торге с дикими варварами должны выигрывать.

Я сказал резко:

— Вы там не из благородного сословия! Благородные люди встречают противника с открытым забралом!.. Или даже не знаете, что такое забрало? Прячетесь где-то с кинжалом в рукаве... А раз неблагородные, то и я буду с вами без присущего мне благородства и великой скромности.

Он произнес униженно, как и подобает умному человеку разговаривать со спесивым и недалеким варваром:

— Со всем почтением слушаем вас, ваше величество. С великим почтением.

— Если выполню ваши условия, — сказал я и, заметив вспыхнувший блеск радости в его глазах, уточнил: — Если восхочу выполнить, то где гарантия, что отпустите маркиза, а не возжелаете еще каких-то уступок?

Он сказал таким же робким голосом:

— Мы не благородного сословия, вы правы, но мы немедленно отпустим маркиза.

— А почему, — потребовал я, — я должен этому верить?

— Потому что на соблюдении договоров держится мир.

— Как раз договора и не вижу, — отпарировал я. — Только шантаж, только шантаж!.. И что потом? Снова выкрадете несчастного мужа, чтобы потребовать... что у вас дальше в списке?

Кертис ответил вежливо:

— Нам достаточно независимости герцогства в вопросах экономики и развития. А платить налоги вам будут в прежнем объеме.

— А герцогство вообще платило? — напомнил я.

Он смутился только на миг, но ответил, как мне показалось, искренне:

— Сколько собиралось за год, столько будет отправляться вам в столицу.

— А себе? — поинтересовался я. — На дороги, дураков, фестивали, любовниц и коррупцию?

Он ответил скромно:

— На это идут крохи. Все нужды герцогства обеспечены.

Я подумал, что теперь населению придется работать самому, это может вызвать массовый бунт бездельников, но такую информацию стоит придержать.

— Ладно, — сказал я, — перейдем к следующему вопросу. В чем эта самостоятельность и независимость будет проявляться?

Он развел руками:

— Это такие мелочи, что императору даже неприлично ими интересоваться.

— Я же варвар, — напомнил я. — Весь из себя неприличный по здешним меркам. И не собираюсь ста-

новиться приличным. Опять же по здешним вбоквельным от основного русла цивилизации меркам. Потому выкладывайте.

Он слегка повел плечами.

— Если вам угодно... Наблюдая за герцогством, мы заметили, ему не помешали бы еще две-три дороги, что свяжут города Ильбрук и Опояя.

— А багеры? — поинтересовался я.

— Багеры туда не ходят, — напомнил он. — Багеры над герцогством если и останавливаются, то над пустыми местами. Так что дороги здесь не помешают.

Я в чем-то дал слабину и как-то выдал, что моя ярость не совсем настоящая, он уже собрался и отвечает со спокойным и благожелательным видом, как опытный юрист, защищающий клиента от жалоб новичка.

Все же я старался держать лицо злым и раздраженным, как бы и не догадываюсь, что одна из дорог пойдет к руднику с чем-то особо ценным, а две других просто для отвода глаз, их могут сделать даже более красивыми и нарядными, чем та, важная.

— Так что же?

Он ответил нехотя:

— У нас есть все для счастья. Потому желание облегчить жизнь и другим. Но сил не настолько, чтобы хватило на империю, однако в масштабах небольшого герцогства попробовать можно.

Не потерплю реформаторов, мелькнула злая мысль. Я сам реформатор, обойдусь без соперников.

— Хорошо, — сказал я с величавой небрежностью сатрапа, — пробуйте. Даю соизволение. Где маркиз? Не вижу!

Глава 8

Он помедлил, у меня все больше крепло ощущение, что через него наш разговор слышат его непосредственные хозяева, а то и подсказывают ответы, наконец ответил с осторожностью в голосе:

— Увидеть его можно... Но только увидеть, ваше величество. Сожалею. Он в таком месте, что недоступен даже для вас со всей вашей мощью победителя Великого Мага Гатонеса. И, уж простите, великого властелина Багровой Звезды.

Я сказал бодро:

— Давайте показывайте.

Он сказал виноватым голосом:

— Ваше величество, увидеться с ним можно, но не все так просто... В герцогстве есть такая странная расколотая гора... Как будто острым мечом разрубили от вершины и до подножия. Одна половинка осталась целой. Ее и называют Расколотой. Одна такая на герцогство. Думаю, и на всю империю.

— Ну-ну?

Он сказал с еще большей неохотой, расставаясь с одним из секретов, возможно, самым большим:

— Ночью или вечером можно увидеть на плоской стороне... в общем, можно увидеть маркиза и даже пообщаться с ним. Но стоит ли так утруждаться?..

Мне показалось, что-то недоговаривает, но смотрит честными глазами, как если бы сказал все-все, любой пункт можно проверить и перепроверить, все соблюдено, а если хочу чего-то еще, то об этом в договоре не сказано.

— Ночью или вечером, — повторил я. — Днем, при солнечном свете, значит, не видно. А если плотные тучи и дождь?

На его лице мелькнуло удивление, но совладел с собой и ответил бесстрастно:

— Быстро схватываете, ваше величество. Не случайно вы во главе могучей империи, где кроме моих рук нужна и сообразительность. Да, когда тучи, тоже видно, вы правы. Но слабо, лучше всего ночью.

— Понятно, — ответил я и, видя в его глазах вопрос, добавил: — Слабое колдовство, мои недостает. Но для нас это неважно, верно?.. Я привезу маркизу к той горе! И если не состоится счастливое свидание неутешных супругов, я и герцогство разорю в праведном гневе и благородной ярости!..

Он поклонился, я еще подумал, двигая складками на лбу, так вроде бы и мысли идут шибче, кивнул Чекарду:

— Пленника в отдельную камеру! Возможно, еще поговорим перед казнью.

— Есть, — ответил он четко.

Стражники развернули схваченного и потащили к выходу. Через распахнутую дверь в коридоре мелькнули фигуры Альбрехта, Норберта и еще кого-то из вельмож с Севера.

Альбрехт вошел быстро первым, спросил с середины кабинета:

— Что узнали?

Остальные вошли молча, но остались у двери, в глазах тот же вопрос, только Альбрехт подошел к столу и вперил в меня требовательный взгляд.

— Кое-что есть, — подтвердил я. — Очень им не хотелось, чтобы я хоть одним глазом заглянул в то герцогство! Но заставил чуточку приоткрыться. Сэр Норберт, подойдите, пожалуйста. Нужны ваши самые подробные карты.

Норберт подошел, кивнул в сторону Альбрехта:

— Самые подробные у герцога. Или он все-таки принц?

Альбрехт сказал зло:

— Да пошли вы все... Самые подробные у лорд-канцлера, но, думаю, нашему доблестному вождю не нужны засоряющие его плотную голову подробности. Что нужно конкретно?

— Герцогство Клауренское, — сказал я. — Правда, багеры в нем не останавливаются.

— Разберемся, — пообещал Альбрехт. — Десант готовить?

— Вы прям мысли мои читаете, — сказал я с удовольствием. — Опасный вы человек, герцог! Убивать пора. С дураками приятнее, хоть и неинтересно. Десант готовьте, но занятых не отрывайте, здесь и так работающих с воробышковым носом. Обойдемся теми, кто слоняется из угла в угол, изображая государственную деятельность.

— Я отберу лучших, — сказал Норберт. — Лучших из незанятых, а то бесполезных у нас нет. Не люблю эти странные места, где пахнет колдовством.

— Я тоже, — ответил я. — Обещаю, мы разделаемся с ними еще до прихода сюда церкви. А отец Дитрих просто подчистит.

Оба откланялись и ушли, а я опустился обратно за стол и, уперев лоб в кулаки, старательно перебирал десятки вариантов, постепенно сокращая до тех пор, пока не остались только две возможности укрыться от моих загребущих.

Первый — неведомый враг скрывается на одном из скайбагеров, второй — где-то в Зачарованных Местах.

Все остальные отпадают, Багровая Звезда доставит меня куда угодно в империи, а заговорщики уверяют в своей недосягаемости. Правда, скайбагер тоже в досягаемости, хотя об этом могут и не знать, а вот Зачарованные Места и в предыдущие визиты Маркуса оставались в неприкосновенности.

В момент то ли Великой Войны Магов, то ли глобальной катастрофы удалось закапсулировать часть пространства, сберегая его от разрушения, но, когда отгремели Войны Великих Магов, на земле уже не было тех, кто мог бы снять барьеры, а изнутри то ли не умели, то ли не было сил.

Это можно рассматривать типа того, как при появлении Маркуса все прятались в пещеры. Возможно, в эти места, закрытые мощными силовыми полями, отправили женщин и детей? Это поясняет, почему не могли пробиться обратно, когда здесь погибли все их мужья.

И даже Маркус не мог достать участки пространства, названные в народе Зачарованными Местами. Их вряд ли можно назвать параллельными мирами, не тот масштаб, однако эти земли определенно были вырваны из общего течения времени.

А при появления Маркуса скайбагеры уцелели потому, что он был нацелен на планету, мертвые металлические пылинки, плавающие высоко над атмосферой, его не интересовали, или просто не замечал такую мелочь.

Так что на скайбагерах могла сохраниться как древняя технология, так и потомки тех инженеров. Пусть в виде одичавших, но все же, все же...

Кстати со скайбагеров поверхность планеты мониторить проще. При достаточной мощи аппаратуры

можно наблюдать за любым человеком и даже рассматривать узоры на гребешках в женских прическах.

И, пожалуй, пора бы посмотреть, что там за.

Карл-Антон прошел через двор в сопровождении трех таких же фигур в длинных халатах и в одинаковых шляпах с широкими полями и высокими тулями, но, когда все трое исчезли, я не заметил, хотя следил за чародеем внимательно.

Здесь на Юге даже его ближайшего помощника Зейса не видел, хотя знаю, что чародей захватил с собой несколько человек из младших магов, поклявшихся ему в верности.

Едва фигура чародея исчезла со ступеней здания, в кабинет заглянул Хрут.

— Ваше величество, — провозгласил он, — вас тут ждет наш колдун. Гнать или впустить?

— Давно ждет? — спросил я с интересом. — Впусти.

Карл-Антон переступил через порог, коротко поклонился, знает, что ненавижу глубокие поклоны покорности, а признаю только легкий поклон вежливости.

— Не запыхались? — спросил я. — А то на четвертый этаж так быстро... Садитесь, Карл. Что пьете?.. Вижу, скакете, как кузнец. Не только к двери моего кабинета, для вас любые расстояния не расстояния, верно?

Он осторожно опустился в кресло.

— Ваше величество?

Я пояснил:

— До скайбагера ближе, чем до империи Генриха, которую недавно покинули. Как для вас насчет скакнуть не вдоль, а вверх?

Он заметно напрягся, даже щеки побледнели.

— Сэр Ричард, кузнечики не скачут на любые...

И вообще вы меня пугаете.

— Чем?

Он вздохнул, подвигался в кресле.

— С такой легкостью о таких вещах... Даже простые багеры у меня язык не поворачивается называть простыми! Это для простолюдинов, привыкших видеть их с рождения, привычны, хоть и непонятны, но мудрецы и здесь, уверен, от них в священном ужасе!

Я кивнул:

— Ну да, вы правы.

Он бросил на меня пытливый взгляд.

— Вы, конечно, не в ужасе, тут-то и странность. Вы не простолюдин, и если вас багеры не ужасают своей непонятностью, то получается...

Он умолк, выжидая, я сказал нетерпеливо:

— Да-да, они понятны, как все механизмы. Вас же крестьянская телега не пугает? Багеры те же телеги, только посложнее. Одни ползают по земле, другие по воздуху, а трети вообще за пределами атмосферы.

— За пределами, — спросил он быстро, — за пределами... чего?

Я отмахнулся:

— Выше слоя воздуха, которым дышим. Он толстый, хоть вообще-то тонкий. Ладно, я подумаю, как туда попасть. Как полагаю, это не сложнее придворного флирта. Вдруг таинственный шантажист на скайбагере?

— Он не один, — напомнил он.

— Добраться до одного, — ответил я, — добраться до всех.

Он промолчал, взгляд оставался пытливым, я уже видел, как в его мозгу формируется вопрос, откуда знаю про какую-то атмосферу и ее пределы, если туда даже птицы не поднимаются, но не спросил, только напомнил со вздохом:

— Могу перемещаться, хоть и с большими затратами магии, в места, что хорошо помню. А на скайбагерах не бывал!.. И что это, даже не представляю!.. А вы?

Вопрос был с подколкой, но я ответил мирно:

— Представляю. Так, в общих чертах. Как бы вот.

Он спросил быстро:

— Насколько в общих?

— Если попаду вовнутрь, — ответил я со свойственной мне скромной наглостью, — скорее всего, разберусь. В смысле, чтоб не вдарило. И вообще в общих чертах. Хоть и не сразу. Не на уровне пилота, конечно, это такой кучер или ямщик, а на уровне туриста Ваньки-Пряника в картинной галерее... Правда, это мало что даст для наших приземленных целей, скажу как бы вскользь, но в лоб.

Он смотрел почти с испугом.

— Разберетесь?

— А что сложного? Технологии — не магия. В технологиях все по правилам. Кирпичик к кирпичику, ступенька за ступенькой... Скучно, медленно, зато неостановимо и без всяких там начинаний с нуля, как в магии. Без откатов. В смысле, без отступлений, а только как стая крокодилов вперед и вперед к грядущей эре. Все увидите, сэр Антон! Вы же алхимик, переходная ступень от магии к науке!.. А кольцами на скайбагер никак?

Он покачал головой:

— Увы. Но наука меня теперь интересует все больше.

— Ладно, — сказал я, — соберите все, что знаете о Зачарованных Местах, они же Пятна, Топи, Пустоши, плеши и прочие заколдованные штуки. Среди них могут быть области, никакого отношения к магии не имеющие, эти меня интересуют даже больше, чем уже привычная затрапезная магия.

Он поклонился:

— Все сделаю.

После его ухода, я вскочил, не в силах сидеть за столом, я же император, а не всего лишь президент или канцлер, должен на троне, хотя и на троне скучно и тягостно, а за столом так и вообще, если это, конечно, не праздничный стол с хорошим вином и роскошными яствами.

Хруерт от двери наблюдает за мной из-под прикрытых век, помалкивает. Даже верные соратники, следующие за мной от моего самого первого замка Амальфи, не смеют отвлекать от высоких мыслей.

— Марш в коридор, — велел я. — Мне нужно уединиться.

Он послушно вышел, а я сразу же потер колечко на пальце.

— Серфик, — позвал я. — Давай ко мне. Господин и повелитель изволит.

Мелькнула мысль, что всем нам кажется, весь мир такой, каким видим, хотя собаки видят его иначе, птицы тоже по-другому, а насекомые с их фасеточными глазами вообще...

Для демонов он тоже иной, даже меня видят то ли как клубок нервных нитей, то ли как теплое пятно, хорошо бы учитывать это тоже, но трудно учитывать то, чего не знаешь.

В комнате вспыхнула огненная спираль, крохотный демон на радостях пронесся вокруг меня с изящным вывертом, для него воздух совсем не то незримое вещество, даже не берусь и представить, как и что видит существо из огненного мира плазменных вихрей.

— Господин?

Писк его показался веселым и задорным, я всмотрелся в его крупные глаза, когда завис перед моим лицом, так часто махая крохотными красными крылышками, что слились в розовое марево.

— Хорошо выглядишь, — сказал я. — И морда сытая. Серфик, мне нужен демон, который может подняться до скайбагеров.

— А что это?

— Это те штуки, — пояснил я, — что двигаются высоко-высоко, куда не залетают даже орлы.

— А драконы?

— Тем более, — сообщил я. — У драконов задницы тяжелее супружеского долга. А с супружеским долгом не полетаешь.

Он не понял, пискнул с озабоченностью в голосе:

— Что мне сделать?

Глава 9

Пока я формулировал вопрос, он пометался по комнате, как яркая багровая точка лазерной указки, снова завис перед моим лицом, крохотный, толстенький и с часто-часто машущими крылышками, чем-то похожий на божью коровку, но с большими выпуклыми и совсем не фасеточными глазами.

— Найди таких, — сказал я, — кто поднимется туды. И хорошо бы, чтоб и меня поднял. Помнишь, как я летал на Плантагинете?.. Правда, нызенько-нызенько...

Он спросил тревожно:

— Но куда высоко?.. Если птицы...

— Что там птицы, — ответил я. — Мы же с тобой люди? А люди еще те птицы!

— Так высоко?.. — уточнил он. — Но если туда никто...

— Я там был, — скромно сообщил я. — Даже бывал! Дальше и глыбже. Но мне нужен этот скайбагер для... Хотя вряд ли даже для, но это же моя территория?.. Раз земля, то и воздушное пространство над нею по праву мое!.. И море на двести территориальных миль... хотя могу и больше, пока никто о таких правилах не догадывается. В моих пределах я должен быть хозяином, потому что так начертано судьбой, даже предначертано, ведь судьбу тоже скромно определяю я. Неважно, насколько хорошим хозяином, но раз я он самый, то будь здоров, не кашляй, а хозяйствуй во всю широту и глыбь непонятной человеческой натуры... В общем, поспрашивай там своих. Особенно тех, у кого крылья пошире.

— Сделаю, — пообещал он.

— Лети, — сказал я, — огнекрылый дракон.

Он польщенно пискнул:

— Я еще не дракон!

— Станешь, — пообещал я, хотя, думаю, демоны создавались сразу взрослыми, как муравьи в коконах. — Поспособствуем императорским тайным указом.

Искорка исчезла, вряд ли Серфик задумывается, кем он станет, хотя его создавали как широко специ-

ализированного, предназначенного именно для общения с людьми и способного понимать их простейшие желания.

Вообще-то я хоть и грубая скотина, но чувствительная и заботливая, младших братьев не только никогда не бил по голове, но иногда чесал и даже гладил.

Крылышки бабочкам отрывал только в самом раннем детстве, когда не понимал, что им больно, потому не понимаю людей, что могут причинять кому-то страдания или неудобства просто так, для удовольствия.

К демонам отношение стыдливого рабовладельца, что изо всех сил старается дать им свободу, даже если некоторые не хотят, справедливо полагая, что кто-то другой может ее лишить, а под моей властью они этой несвободы и не чувствуют.

Думаю, кто-то это продумывал до меня, вон для Серфика сделали так, что для него вовсе не мука находится в нашем мире людей, ему самому здесь интересно, но и он может появляться только по вызову, чтоб не надоедал, видимо.

Вечером с гудящей от проблем головой вернулся в спальню часть покоев, это те же роскошные залы, только декорированные под исполнение супружеского долга, красиво, пышно и торжественно, хотя супружеское ложе предусмотрительно снабжено высоким балдахином, а шторы из толстого бархата спускаются со всех сторон, задергиваются плотно и с запасом, можно прятаться от всей этой красоты.

В вычурно изогнутых иссиня-черных подсвечниках торчат столбики ярко-красных свечей, и только в одном одна-единственная белая, но самая толстая, хоть и наполовину сгоревшая.

Я вяло подумал, что в этом какой-то смысл, во дворце все происходит со смыслом, а каждый поступок, как и вещь, имеет несколько толкований, но не императорское дело вникать, потому отмахнулся и потащился к постели.

Бобик приоткрыл один глаз и вяло двинул пару раз хвостом, как бы приветствуя, хотя императора мог бы поприветствовать и более почтительно, но это хамло тут же опустило голову на ковер и снова заснуло.

Хотя у меня есть дар не спать несколько суток подряд, но злоупотреблять им не стоит, организмы у нас хрупкие, пусть надрывают их те, кто живет сегодняшним днем, а я хочу побеждать и завтра.

Дверь приоткрылась, заглянул Периальд, лицо удивленно-виноватое.

— Сэр Ричард... к вам тут герцогиня...

— Ей можно, — ответил я, — хотя я штаны еще не снял...

Он исчез, через полминуты через порог переступила герцогиня Херствардская. Бобик сразу же поднялся и посмотрел на ее руки строго и внимательно, что именно принесла для его бесстыдного покупка.

Она заметно напряглась, однако с тем же строгим и деловитым видом присела в поклоне, хотя тоже не сводит взгляда с Адского Пса, словно и почтительнейший присед предназначался ему.

Я жестом велел встать, кивнул в сторону спального ложа. Она сделала вид, что не поняла, оглянулась на захлопнувшуюся за нею дверь.

— Ваше величество, слуги к вам обращаются по имени?

— Это не слуги, — пояснил я, — боевые товарищи, с которыми начинал путь. Хотите выпить, герцогиня?.. Бобик, ты спи. Спи. Тебе ничего не обломится.

Бобик посмотрел с укором, вздохнул и с грохотом повалился на бок перед кроватью.

Герцогиня покачала головой, а когда заговорила, голос ее был полон сочувствия:

— Ваше величество, у вас на челе печать скорби. Уже ночь, вам нужно выспаться и набраться сил. Я бы посоветовала вообще обойтись без женщин, но в вашем возрасте с этим сложновато, потому взяла на себя смелость сказать Мишелле, что сегодня согреть вашу постель должна она...

Я спросил больше для проформы:

— Почему Мишелла?

— Очень милая и ласковая, — сообщила она. — И понимающая. А вам нужен покой и тепло, которого не даст даже любимая собачка. Хотя еще просилась маркиза Жанна-Антуанетта, но я отсоветовала.

Я дернулся:

— Она? Зачем?.. Ах да, понимаю. Спасибо, герцогиня. Вы очень хорошо чувствуете ситуацию. Просто удивительно, как хорошо.

Она слабо улыбнулась.

— Это я вживаюсь в ваш удивительный характер. Другой бы взял ее в постель в первую очередь! Еще бы. А вот вы...

— Самантелла, — ответил я с чувством сильнейшей неловкости, — ну не могу спать с женщиной, которую собираюсь спасти! Пусть даже не ее, а ее мужа. Это нехорошо.

— Для вас? — ответила она. — Да, для вас... Вы как старинный герой! Судя по древним легендам, именно

они блюли правила чести так... щепетильно. Сейчас изысканность только в одежде и манерах, но не в чувствах, ваше величество. Я даже собой горжусь! Вас понять непросто, а поверить в то, что открылось, еще труднее.

— Герцогиня... вы так заботитесь обо мне, мне уже неловко.

— Привыкайте, ваше величество, — сказала она по-матерински заботливо, — у вас в постели всегда будет какая-то из женщин. Все стремятся стать фаворитками императоров и королей!.. За это место идет ожесточенная война, которую не видно за сладкими улыбками и комплиментами друг другу. А вы еще и властелин Багровой Звезды Зла, что всегда ввергала мир в трепет.

Я ответил мягко:

— Герцогиня... Вы взяли на себя мою защиту с этой стороны, за что я в самом деле благодарен. В самом деле спасибо!

Она улыбнулась.

— Ваше величество!.. Наше благополучие и даже жизни зависят от вас. Потому мы ревностно следим, чтобы у вас все получалось и чтобы вас ничто не отвлекало!

Она снова присела, отступила и быстро вышла в то, что называют коридором, хотя там целая анфилада моих личных покоя с гулким многократным эхом.

Бобик даже не поднял головы, хотя приоткрыл один глаз и достаточно осмысленно посмотрел вслед.

Я только-только успел сбросить сапоги, как Хруерт приоткрыл дверь, в спальню скользнула Мишелла. В самом деле чем-то милая, хотя ее точеное лицо аристократки с гордо приподнятыми скулами и ум-

ными глазами как-то больше идет властной женщине, управляющей крупными корпорациями.

Бобик все же поднял голову и даже дважды вильнул хвостом, но тут же со стуком уронил. Пол чуть дрогнул, но не прогнулся, надежно выстроено.

Мишелла сделала пару шагов, присела в низком поклоне:

— Ваше величество...

Я отмахнулся:

— Мишелла, бросьте. За нами никто не наблюдает. Топайте сюда и лезьте под одеяло.

Она улыбнулась, начала развязывать шелковый шнур у горла. Платье дрогнуло, тяжелым потоком поползло вниз, на полу начало собираться тяжелыми массивными кольцами, пока не образовался широкий колокол.

Я с интересом смотрел, как с трудом переступила через этот ворох, стараясь не помять, я ободрил ее комплиментарным жестом, дескать, мы же взрослые люди, все идет просто великолепно.

Я сбросил брюки и рубашку, как же это хорошо, и как все-таки устал за день, хотя ни разу не брался за рукоять меча и не мчался на арбогастре в сопровождении Бобика через леса и долы солнцу и ветру на встречу, расправив упрямую грудь.

Мишелла торопливо скользнула под одеяло и, натянув край до подбородка, наблюдала за мной из-под прищуренных век. Жемчужный блеск ее глаз виден и в щелочки, все еще настороженная и скованная, я рухнул в постель, перевел дыхание, отдыхать тоже хорошо, кто бы подумал, повернулся в ее сторону.

— Мишелла, вас не напрягает эта обязанность?

Она спросила настороженным шепотом:

— Какая, ваше величество?

— Спать со мной, — объяснил я.

— Ваше величество?

— А вдруг я храплю и лягаюсь?.. И никто, представляете, мне такое не говорит? Может, я и правду не храплю?

— Не храпите, — заверила она. — Ничуточки.

— Правда? — спросил я. — В самом деле?.. А если честно?

— Не храпите, — сказала она умоляюще. — И одеяло не стягиваете!.. Оно такое огромное, здесь пять таких, как я, поместится!..

— Гм, — сказал я в нерешительности. — Но если вдруг захраплю, вы толкните, хорошо?.. Чтоб я повернулся на бок. Договорились?

Она сделала огромные глаза, я залюбовался их не-привычной красотой, таинственной и загадочной, словно за этой жемчужной дымкой прячется необыкновенный мир.

— Ваше величество!.. Ваше высокое внимание подняло меня на такую высоту!.. Даже принц Фенрандзель приударил за мной, не говоря уже о прочих знатнейших лордах. И если бы не ваша грозная слава...

Я сделал отматающий жест:

— Бросьте, Мишелла. Я не стесняю вашу свободу. Вольны общаться со всеми на любом уровне!.. Надеюсь, вы понимаете, о чем я в лоб говорю так иносказательно. То, что иногда спим вместе, не значит, что не можете...

— Ваше величество, — прервала она, — ваша грозная слава отпугнет кого угодно!.. Но флиртовать со мной стремятся все. Это так престижно! Даже распускают слухи...

— Мишелла, — сказал я, — чувствую себя скотиной, что это только слухи.

Ее снежно-белые зубки задорно блеснули в полуслучае.

— Ваше величество, умоляю, не портите такую игру!

— Игру?

Она подтвердила с жаром:

— Еще какую игру!.. При дворе все во что-то играют, это и есть придворная жизнь. Да и вообще... это не разговор на ночь!

— Согласен, — ответил я. — Вы всегда чувствуете... да, вы все чувствуете. Герцогиня права, называя вас очаровательнейшей при дворе и самой... одухотворенной.

Она в изумлении вскинула брови.

— Ваше величество! Бывают ли женщины одухотворенными под одеялом?

Я засмеялся, протянул к ней руку.

— Идите ближе, Мишелла. Не такая уж эта кровать и огромная. А в горизонтальном положении мой могучий мозг не выше других органов.

Проснулась она раньше меня, но не шевелилась, а я, едва разлепил один глаз, тут же приподнял себя в полусидячее положение, стараясь не шелестеть белльем, создал большую чашку горячего кофе, а для Мишеллы тарелку с пирожными.

Она посмотрела с укором, я спохватился, создал вторую чашку. Мишелла приняла из моих рук с виновато-счастливой улыбкой, какое же это восхитительное чувство, когда прислуживает сам император!

Мы успели съесть и пирожные, когда послышались осторожные шаги. Шторы медленно раздвинулись, принц Кегельшир и принцесса Джеззифина смотрят строго, густо напудренные лица непроницаемы, так же густо нарисованные брови изящно приподняты.

За ними целый ряд знатнейших, у всех вместо лиц безукоризненно белые маски с накрашенными щеками, мушками на щеках, лбу и даже на подбородках.

И все-таки этих трутней можно назвать рабочими трутнями, ради этой процедуры слуги расталкивают их и поднимают до рассвета, одевают и ведут, еще сонных, в ту часть здания, где мои апартаменты.

Основная масса придворных спит до обеда, а эти особо знатные и потому допущенные до процедуры одевания императора будут стоять за спинками наших с Мишеллой кресел во время завтрака императора, строго следить за порядком прохождения блюд.

И хотя там своя команда, однако за принцем и принцессой остается окончательный контроль, чистовой, так сказать, красиво ли подают на стол, нет ли лишних жестов, все ли строго, ровно и чинно, как надлежит и как освящено традициями.

Мишелла шепнула:

— Ваше величество, не перекладывайте в мою тарелку лакомые кусочки!

— Почему?

— Пойдут слухи, — сказала она едва слышно. — Начнутся толкования... Это я знаю, для вас это просто жест вежливости, но здесь поймут иначе. Вы император, у вас каждый жест полон значения!

— Ух, — сказал я обреченно, — ладно, я император, не только сижу и ем. Я еще и готовлюсь думать над проблемами. Когда хорошо поем и отдохну.

Вдоль длинного коридора один за другим с обеих стен строго смотрят огромные портреты императоров, преисполненные величия и мудрости в лицах, горящих отвагой.

Публика прогуливается празднично яркая, я в который раз подумал, что вся жизнь при дворце нескончаемый праздник, что вроде бы цель жизни, но мало кто представляет, что, если такую цель каким-то чудом достигнуть, начнется быстрое увядание и даже отмирание такой ветви.

Но если такую диковинную идею высказать вслух, заплюют. Хотя с императором это рискованно, однако даже императоры зависят от общественного мнения, потому разворачивать общество будем медленно и печально, на градус в день, а то и на полградуса в неделю.

В конце коридора двое мужчин резко отличаются от праздничной публики подчеркнуто сдержанным нарядом. Даже суровые лица без намека на улыбку или на готовность улыбнуться, хотя Альбрехт все же кое-что почерпнул из гардероба местных лордов, а вот Норберт верен манере северян как в одежде, так и в оружии.

Беседуют тихо, зорко поглядывая по сторонам, мимо осторожно проходят придворные, почтительно раскланиваются со сладчайшими улыбками, хоть и без размахивания над самим полом или кончиком выставленного вперед сапога шляпами.

Я двинулся в сторону соратников достаточно быстро и с гордо поднятой головой, это чтобы не отвечать на поклоны, только одарил всех застывшей улыбкой, дескать, все хорошо.

На полпути из ряда одинаковых и напудренных выступил на полшага франт в светло-кремовом кам-

золе до середины бедра, под ним белая рубашка-свитер, на шее широкая красная лента с большим кардинальным узлом на верхней части груди, весь нарядный и праздничный, хвост белоснежного парика на затылке перехвачен крупным бантом цвета заходящего солнца.

— Ваше величество...

Я ответил благосклонно:

— Сэр Никлас?

— Ваше величество, — проговорил он почтительно, — не распорядитесь ли послать комиссию для расследования массовых пожаров в королевстве Эдгерия?

Я взглянул на него с интересом.

— Сэр Никлас, у нас есть работающее правительство во главе с лорд-канцлером Джулианом Варессером!.. В котором, как догадываюсь, очень усердно трудитесь и вы, дабы оправдать доверие поручившейся за вас герцогини Самантеллы. А я всего лишь император, за которым верховный надзор, но никак не работа, ха-а!

Он поклонился и поспешно отступил, я прошел мимо. Альбрехт и Норберт слегка наклонили головы в приветствии, Альбрехт сказал с одобрением:

— Осаживаете?.. У них уже началась борьба за влияние. Даже в старых службах, хоть и не так явно, а в вашей так вообще...

Норберт сказал сухо:

— То, что принят по рекомендации герцогини Самантеллы, не дает ему права тянуться к императору через голову лорд-канцлера. Осаживайте резче, сэр Ричард! Такие наглеют быстро. Возможно, не зря им-

ператор Скагеррак удалил его от двора и вообще из столицы.

— Как с интеграцией? — спросил я.

— В двадцати трех королевствах, — доложил он, — высажены десанты. С населением проводятся указанные вами процедуры. Еще пять, которые не стали строить причальные пирамиды, намечены для десанта, которые возглавите...

— А прочие княжества?

— Десяток уже знает о нас, — сообщил он, — но, ваше величество, их сотни! Легализация затянемся. Даже с учетом того, что причальные пирамиды имеются во многих местах.

— Продолжайте, — распорядился я, — независимые герцогства и баронства тоже подгребем под копыта своих коней! Империя превыше всего!

Он кивнул и быстро удалился, сухой, подтянутый и не делающий ни одного лишнего движения. Мне показалось, что в его взгляде мелькнуло что-то вроде: конечно же, империя Звездного Ричарда должна быть и будет превыше всех остальных империй.

Альбрехт продолжал идти со мной рядом, пахнет хорошими духами, одет пышно, но все-таки поверх роскошного камзола блестящая кираса пусть даже дивной работы, а брюки заправлены в сапоги северного края.

— Герцогиня, — проговорил он задумчиво, — старшая любовница, маркиза — официальная, Мишельла... ах да, младшая... И что, это все? Как-то не по-императорски...

Я покосился с подозрением, больно благодушный вид, словно мы на курорте, а не в захваченной державе противника.

— Чего?

— Когда вы были королем, у вас их было больше... Я говорю о любовницах. Это ведь тоже дело государственного уровня?

— А вот и не надо придумывать, — сказал я сердито, — сами знаете, я почти пуританин! И у меня не бывает лишних порочащих связей!.. А вот вы, герцог, не упускаете случая укусить!

— А в чем я вас укусил?

— А что? — спросил я с недоверием. — Не укусили?.. Знаете, я уже привык видеть отметины ваших зубов на своей заднице.

— Даже на заднице? — переспросил он задумчиво. — Гибкий вы человек, ваше величество!..

— А что, — спросил я сварливо, — не укусили?.. Тогда в самом деле все еще герцог... Отвечу сразу, это все! Никаких вбоквельных и прочих связей.

— Что-то стряслось?

Я сказал с достоинством:

— И так их много для человека меча и топора!

Он кивнул, на лице пропустило сдержанное одобрение.

— Верное решение, ваше звездное величество! Слишком много ритуалов. То ли дело на ходу и не снимая сапог! А служанки и поварихи вообще не в счет. Хотя, я слышал, можно и четвертую. Имеется такая вакантная единица в штатном расписании министерства, я проверил.

— Что, — спросил я, — в самом деле проверили?

— Сэр Армстронг уточнял, — пояснил он. — Даже к лорд-канцлеру ходил за разъяснениями. Возможно, хотят кого-то из своих просунуть, но, думаю, за это место будут бороться разные кланы. Правда, не знаю,

бюджет под эту единицу выделен или же в рамках частного предпринимательства... но прецеденты есть, а здесь прецедентное право.

Я посмотрел на него с интересом.

— Хотелось бы зарегулировать? Понимаю вас, герцог. Мне тоже весьма бы. Иногда и вовсе зело. А то распустились со своими королевскими демократиями! Но, с другой стороны, заахнет частная инициатива, так что гайки закручивать хоть и приятно, но чревато.

— Почему?

— Палка о двух концах...

Он подумал, кивнул с задумчивым видом:

— Понял. Значит, четвертая будет тоже. Да ладно, все равно не устоите перед таким напором! Берите тогда дочь какого-нибудь короля, чтоб хоть какая-то и польза. Так они все одинаковы.

— Устою, — ответил я твердо. — Знаю точно, на этот раз точно пристроят шпионку.

Он вздохнул, лицо чуть омрачилось.

— Ходят слухи, даже сэр Раster не устоял.

Я вздрогнул так, что, спускаясь по ступенькам, ухватился за перила.

— Раster? Не вер-р-рю!.. Сэр Раster — это наше все. Это титан, что держит небо на каменных плечах. Ослабнет — и небо упадет. Подобные слухи распускают те, кто жаждет расшатать, размыть наши моральные ценности Севера.

— Я тоже не поверил, — признался Альбрехт. — Потому дал совет сэру Норберту докопаться до источника слухов, порочащих моральный облик нашей победоносной армии.

— И засыпать тот источник, — распорядился я. — Вместе с квакающим оттуда голосом демократии.

Кстати, сэр Альбрехт, мне придется отлучиться на некоторое время.

Он уточнил ровным голосом:

— На Маркусе?

— Почему вдруг на Маркусе? — спросил я с неудовольствием. — Я же могу и ножками-ножками.

— Можете, — согласился он, — но не станете. Ладно, какие указания на время вашей непонятной отлучки?

— Ничего не ломать, — распорядился я. — Поддерживать все как есть. Слишком тут все громадное, а как держится, еще не понял, но все равно взял. Самим повелеваю держаться, не впадать в разврат. Мы поклялись нести в этот мир нашу высокую и нравственную нравственность. Но ненавязчиво, ненавязчиво...

Он поморщился.

— Нравственность? Это вы хотите нести в этот мир нравственность?

В серых строгих глазах я увидел насмешку, поспешил оправдаться:

— Ну ладно, сам я человек безнравственный, зато рациональный, везде ищу только выгоду. Естественно, для своего избирателя. О себе молчу, это по дефолту. Потому поддерживаю и насаждаю нравственность, так как не только выгодна, но и необходима для развития здорового общества.

Он поинтересовался с недоверием:

— Что, правда здорового?

Я отмахнулся:

— Мне вообще-то его здоровье пофигу, но нездоровое увязнет в склоках и гражданских войнах, а я хочу быстрого и бодрого прогресса! Так как империя — это я, мы с нею близнецы и братья.

Он шел со мной рядом, ровный и прямой, как созна, но голова чуть повернута в мою сторону, прислушивается без лести, как преданный соратник, знает себе цену и знает, что я его ценю высоко.

— Похоже, — произнес он одобрительно, — в политике в самом деле собаку съели. А с виду такой...

— Какой?

— Да и послушать, — продолжил он безжалостно, — что несете, очень уж несолидно. А так, с виду, настоящий прожженный политик!

— Политика, — сказал я, — очень безнравственная вещь, но дает высокие нравственные плоды. Не себе, обществу. Мы же себе уже столько нахапали, что можно и о населении позаботиться?

Он промолчал, только с интересом поглядел на величаво проплывающую мимо баронессу Редгрейв.

Я кивнул, сказал понимающе:

— Да, сэра Растера недостает...

Он ухмыльнулся.

— Тоже о нем подумали? Верно, баронесса явно в его вкусе.

— У нее задница, — определил я, — шире империи Германа!.. В этом случае я тоже за демократические ценности.

Глава 10

В огромном холле пятеро дам и трое мужчин окружили Жанну-Антуанетту, явно добиваются ее внимания. Я со спины узнал ее только по мелькающим за их высокими, сильно напудренными прическами мальвининым волосам. Как же, недавно тайная любовница императора, а теперь уже и официальная, с

нею нужно поддерживать общение, как и со всеми, имеющими доступ к властным структурам.

Она, завидев приближающиеся властные структуры в лице нас с Альбрехтом, оставила общество и поплыла навстречу с такой поспешностью, что почти полетела, как перепелка, над гладкой поверхностью пола.

Красивую женщину ничто не портит, она и с заплаканным лицом восхитительна, я залюбовался было, но одернул себя, у нее же скорбь, а я тут во всю пасть, нехорошо, нужно медленно и печально.

— Ваше величество!

— Понял, — ответил я деловито. — Работаем, маркиза. Не покладая, как почему-то говорится, рук. Сейчас намерен нанести визит еще в одно местечко. Не гарантирую, но там могут затаиться наши заговорщики, однако как бы вот! Доверяй, но проверяй, как говаривал Иосиф Виссарионович.

Она выпалила моментально:

— Я с вами!

Альбрехт остановился, как и я, но умело сыграл шагающее дерево, что понимает только птичий щебет и шуршание короедов.

Не люблю трудные разговоры брать на свои плечи, на которых, как известно, не виснет, для того правители и набирают помощников и советников, которые и бывают виноваты, а царь ни при чем, но маркиза смотрит чистыми детскими глазами, я вздохнул и произнес медленно и печально:

— Маркиза... Даже не представляете, в какое болото могу забраться! Любая власть — это болото, а императоры всегда в центре самых громадных боло-

тистых болот, трясинистых трясин и всяких ужасных топей!..

В ее картишко больших глазах промелькнуло подозрение, с чего это император полезет в болото, но сказала так же решительно:

— Я хочу видеть, что вы в самом деле освобождаете моего Антуана!

— Сомневаетесь? — спросил я с грустью.

— Мужчинам нельзя доверять, — ответила она.

— А женщинам?

— Женщинам не доверяю еще больше, — заявила она. — Ваше величество, я могу держаться в седле!

— Здорово, — восхитился я. — А мне казалось, если Господь Бог дал вам такую внешность, то больше ничего и не надо.

— Остальное взяла сама, — ответила она скромно. — Мы выедем сегодня?

— Да хоть прямо сейчас, — сказал я.

— Я готова, — сказала она с вызовом.

— В охотничий костюм переодеваться не будете?

Хорошо. Пойдемте во двор...

Альбрехт чуть приотстал, уступая красивой женщине место справа от императора, сам зашел слева.

Гвардейцы у входа заулыбались, морды, не при виде их светлейшего императора, оба не могут оторвать восторженных взглядов от Жанны-Антуанетты, вот и говори, что простой народ не воспринимает изысканную изысканность и далек от высокой культуры.

С той стороны двери еще двое по обе стороны, оба в нашей северной одежде и доспехах, хотя сэр Юстер, начальник дворцовой стражи, и продолжает доказывать, что их простой суровый облик выбивается из

общей картины изысканного стиля богатой и всемогущей империи.

Я начал спускаться по ступенькам во двор, сам чувствую, как шаги становятся несколько деревянными. Мысленный контакт с Маркусом напоминает ныряние в океан непонятных желаний и стремлений, кое-как выигранил мысль почетче и сообщил ему, что я в таком-то месте пространства, жду.

Альбрехт взглянул на меня вопросительно, я прошелся чуть по двору, остановился, как водится, величественный и загадочный под взглядами прогуливающихся придворных.

Альбрехт вслед за мной задрал голову. В небе появилась багровая точка, я мысленно велел Маркусу снижаться неспешно, чтобы не ввергать в панику и так глядящих со страхом вверх. Все почти уверены, что эта же громадная гора раскаленного металла вот-вот обрушится с грохотом на столицу, разрушит ее целиком и полностью, а щебень вобьет на милю в землю.

Но, кажется, получилось еще страшнее, Маркус все вырастает и вырастает в размерах, на двор пал грозный красноватый отблеск, даже воздух вроде бы стал холоднее, весь Волсингсбор накрыла такая зловещая тень, что далеко в городе в страхе завыли собаки, а здесь гуляющие во дворе придворные бросились, теряя величавое достоинство, под защиту стен.

В глубине двора раздался громкий и уверенный голос Юстера:

— Всем спокойствие!.. Полное спокойствие!.. Багровая Звезда под контролем его императорского величества!.. Никто не пострадает!

Он говорил так властно и уверенно, что придворные во дворе и саду перестали метаться в ужасе,

остановились, сбившись в группки, задрали головы к небу.

Маркус замер на большой высоте, пугающее зрелище, даже у меня не укладывается в чувствах, как такая исполинская громада может зависать совершенно неподвижно, не размахивая никакими крыльями и не жужжа винтами.

Из блестящей полированной стены выстрелилась широкая красная полоса и с огромной скоростью устремилась к нам.

Я напрягся, по телу пробежал холодок страха. Край красной полосы почти ударился о землю у наших с Жанной-Антуанеттой ног. Каменные плиты не треснули и даже не щелкнули, значит, трап нам подали с исключительной точностью.

Я покосился на Жанну-Антуанетту, бледна, как из белого мрамора, губы даже не подрагивают, а трянутся, но повернула ко мне голову и произнесла колеблющимся голосом:

— Это вам?

— Нам, — уточнил я. — Дамы вперед!

Она побледнела еще больше, но закусила нижнюю губу и сказала чуть решительнее:

— Я нужна Антуану!

Я смолчал, чувствуя некоторый стыд, хотя императоры ввиду своей профессии самые бесстыдные люди на свете, такова их профессиональная деформация политиков и крупных государственных деятелей.

— Маркиза, — сказал я поспешно, — вы можете опереться на мое мужественное плечо.

Она не ответила, вряд ли даже услышала при том ужасе, в котором трепещет ее женская душа, если у

женщин она тоже есть, хотя богословы все еще спорят по этому поводу.

За спиной раздались испуганные вскрики. Бобик выметнулся из глубин сада, огромный и с раздутыми боками, словно поймал и слопал быка, за долю секунды оказался перед нами и посмотрел на меня обвиняющим взглядом честных собачьих глаз, чистых и по-детски преданных.

— Да, — ответил я вынужденно, — как же без тебя?..

Он широко и счастливо распахнул пасть, вызвав крики ужаса у особо чувствительных женщин, подпрыгнул на всех четырех и с легкостью, словно голодная белочка, метнулся по красной дорожке вверх к чудовищной Багровой Звезде Зла.

— Маркиза? — сказал я вопросительно.

Альбрехт вздохнул, вид у него самый что ни есть сочувствуяий, а Жанна-Антуанетта пошла вверх по красной дорожке трапа ровно и бесстрастно, не быстро и не медленно, как и положено женщине благородного положения, что идет в театр и на эшафот с одинаковым выражением достоинства на лице и с прямой спиной.

Я сделал шаг следом, Альбрехт сказал в спину:

— Не задерживайтесь, ваше Звездное Могущество! А то мы тут весь город спалим.

— Только попробуйте буйнить, — пригрозил я.

Маркус потащил к себе эту идеально прямую ковровую дорожку все быстрее и быстрее.

Высоко в темно-красной стене на уровне с плоским днищем образовалось отверстие с художественно рваными краями.

Жанна-Антуанетта и вскрикнуть не успела, как нас внесло на большой скорости в красноватую пещеру.

Гранитно-твёрдые ступеньки трапа мгновенно опустились в пол и растворились, оставив после себя миленькую красную полосу.

Бобика нет и близко, этот жрун уже унесся обследовать места, которые не успел осмотреть в прошлый раз.

Я деликатно придержал Жанну-Антуанетту за локтевую кость, она слегка прижала его к своему боку, задержав мою ладонь, только этим движением и выказала страх.

— Ну вот, — сказал я наигранно бодрым голосом, — мои императорские апартаменты. В загородном домике!.. Охотничьем, можно сказать.

Она проговорила слабым голосом:

— И на что же вы... охотитесь?

Я отмахнулся:

— Да на все, но только некогда. Домик вот завел, но это больше для престижа! У любого мужчины должно быть что-то для престижа, как думаете? У меня вот вы и Багровая Звезда... Две равнозначные величины! И обе прекрасны, только каждая по-своему. Если отдохнули после такого высокого подъема, то позвольте проведу вас...

Она сказала чуть окрепшим голосом:

— А можно я тут постою?

— Как скажете, — ответил я. — Вот широкое окно... Маркус, сделай пошире! Мы же с тобой для первой леди империи стараемся!

Окно стремительно расширилось, Жанна-Антуанетта ахнула, уцепилась за мое плечо и плотно защемурилась. Я ощущал, как ее трясет, когда прижалась ко мне в инстинктивном порыве искать защиты у мужчины, это же наша первая обязанность, вбитая

даже не питекантропами, а гораздо раньше, еще до того, как предки вылезли на берег, опираясь на плавники.

— Маркус, — велел я, — давай вверх... а потом с некоторой поспешностью на северо-северо-запад... нет, лучше я пальцем, а то у меня северо-северо-запад может быть не совсем как бы вот географически академическим, из меня еще тот капитан Кук...

Жанна-Антуанетта застыла с закрытыми глазами, я обнял ее за плечи чисто по-отечески, как все мужчины обязаны относиться к женщинам, она в ответ прижалась тоже без интимного подтекста, как лоза прижимается к дубу и начинает всползать на него, потому что мы, дубы, надежная опора для всех, кто ищет защиты и покровительства.

Я чувствовал ее теплое тело, но сам весь сосредоточился на лоцманировании, проводя Маркуса по вроде бы несложному маршруту, что нужно удержать в мозгу, а он у меня какой-то своевольный, как у всякой богато одаренной поэтической натуры.

Маркус, чувствую, прислушивается ко мне, стараясь понять мои смутные желания, где мощные дремучие инстинкты гасят чистый, но слабенький писк гегелевского разума.

Я с усилием остановил устремившийся вниз поток крови, развернулся взад, большим напряжением воли восстановил в памяти карту империи.

— Вот так, Маркус, — сказал я, — давай, дружище, я тебя люблю... У нас задача не из простых, но все же... Давай поднимемся ввысь... чтобы аж над планетой... Что такое планета в моем понятии, уже знаешь.

Жанна-Антуанетта, бледная и вздрагивающая, закрыла глаза и прошептала:

— Можно я не буду смотреть на этот ужас? Оказывается, я боюсь высоты...

— Конечно, — воскликнул я. — Можете смотреть на меня и любоваться, сколько влезет. Даже денег за это не возьму... Да вы садитесь...

Маркус, реагируя на мою картинку в памяти насчет роскошного кресла, понял суть и выдвинул из стены за спиной Жанны-Антуанетты некоторое подобие приставного сиденья, какие встречаются в тамбурах плацкартных поездов в российской глубинке.

Я взял за плечи Жанну-Антуанетту, усадил ее на стульчик и отступил, убрав руки.

Она с минуту сидела так, но ощупала, не глядя, на чем это сидит, вскочила в ужасе.

— Этого здесь не было!

— Весь мир для женщин, — сказал я галантно, — даже мы, цари природы, для вас. Маркус подал вам стул! Разве не льстит?

Она оглянулась, а сиденье за это время стало чуть удобнее, появились и приподнялись широкие подлокотники.

— Садитесь, — сказал я.

— Ни за что, — ответила она. — Я его боюсь.

За широкими иллюминаторами уже чернота, но внизу сверкающая поверхность огромной планеты, что для Жанны-Антуанетты пока непонятное.

Маркус неспешно двигается в пространстве, словно плывет, точнее, его несет некое надгольфстримное течение, но это он выполняет мое желание всматриваться в белоснежную поверхность, выискивая разрывы в плотном одеяле облаков.

Пожалуй, только сейчас появляется возможность набросать полную карту планеты, если, конечно, об-

лака вдруг растворяется. А сделать когда-то надо, а то ни на Севере, ни на Юге не обнаружил в письменных источниках даже намеков на Запад или Восток. Словно их и не существует. Но, думаю, если там даже не окажется крупных материков, чего просто не может быть в океане на половину планеты, то обнаружу множество островов разной величины и размера...

Глава 11

Бобик прибежал, взглянул издали с вопросом в больших серьезных глазах, я покачал головой, дескать, ничего, все так же, и он тут же ринулся обратно.

Жанна-Антуанетта старается не шевелиться и даже не поворачивать головы, глаза устремлены в одну точку. Я с раскаянием подумал, что зря все-таки поддался ее слезам и взял с собой, слезы — выработанный эволюцией женщины механизм давления, а то и выживания, но я щас не самец, а государственный деятель, потому должен вести себя соответственно.

— У нас у детстве куры были, — сообщил я самым доброжелательным голосом, — мараны с голубыми яйцами... Нет, у маранов красные и багровые, а голубые несли арауканы. Есть еще амерауканы, тоже с голубыми яйцами... Бабушка любила их опекать, яйца такие же ярко-голубые, как ваши волосы, маркиза!.. В скорлупе, оказывается, много билирубина... А у вас тоже билирубин?

Она вздрогнула, завороженная потоком моих слов.

— Ваше величество?.. Нет, у меня от рождения. Говорят, бывает, хотя еще не встречала. Но по летопи-

сям восемнадцать веков назад был герцог Коригалант с ярко-голубыми волосами...

— Мутант, — сказал я со знанием сути, — урод. Это значит, уродился таким красавцем!.. Наверное, ваш предок. Как-нибудь секвенируем ваш геном, как только научимся это делать. Все-таки это же счастье родиться с голубыми волосами!

Она слабо заулыбалась, на бледные щеки начал возвращаться слабый румянец, мараны и арауканы отвлекли, особенно, думаю, амерауканы постарались, даже название породы красивое. По моему тону поняла, что сравниваю с чем-то элитным, а комплименты на женщину действуют, как теплый дождик на скучоженный цветок. Тем более я сравнил ее не с розой или чем-то привычным, а с неведомым, а это вштыривает шибче.

Все еще с улыбкой на губах, она повела глазами по сторонам и сразу с ужасом уставилась в окно.

— Ой, что там такое страшное внизу?

— Не такое уж и страшное, — пробормотал я. — Наша планета вообще-то ничего так...

— Что за планета?

— Земля, — пояснил я ласково. — На которой живем. Да, вообще-то она круглая, как дура, но все равно ее обижать нельзя. Хоть мы и сверху... Если сидеть не хотите... может, возляжете?

Она взглянула с вопросом в очень серьезных глазах:

— Ваше величество?

— Вы хрупкая женщина, — сказал я с чувством. — Я сам виноват, позволил вам по своей слабости пойти со мной!.. А кому я попутчик? Ни души не шагает рядом.

Над далекой поверхностью планеты нечто блеснуло в лучах солнца. Я сказал торопливо:

— Маркус, снижаемся... Теперь левее...

Исполинская громада Багровой Звезды Зла движется по моим ощущениям с легкостью бабочки-капустницы.

Замеченная мною блестка быстро выросла в размерах, укрупнилась. Даже не всматриваясь, я различил выступающие над корпусом детали, а когда приблизились, понял, что самого корпуса, как основы, нет, а есть сложное соединение громадных конструкций из металла. Хотя это, скорее всего, не металлы вовсе, само сооружение сложное и непонятное, словно строили не люди, а пауки или муравьи-древоточцы, а то и вообще кампонотусы.

Хотя пауки строят очень понятную и красивую паутину, муравьи тоже воздвигают шедевры, все-таки у нас с ними один корень, одна аминокислота, а здесь абсолютно чуждая логика...

Пока я всматривался и мыслил, скайбагер медленно вырастал в размерах, а Маркус по моей молчаливой команде завис на комфортной для разглядывания высоте, затем пошел в сторону, открывая взгляду все новые конструкции.

За спиной послышался приближающийся топот, Бобик примчался, как черный ураган, шумно и часто дыша, язык вывалил, широкий и огненно-красный, в глазах понятный восторг исследователя.

— Остынь, — сказал я упавшим голосом.

Сердце сжалось, конструкция изломана самым зверским образом, словно изящная игрушка попала в ковш пресспакета, что изломал все, но бросил на полпути, когда осталось только пре-

вратить в сплошной четырехугольный брикет металла.

— Маркус, — сказал я мертвым голосом, — здесь точно нет жизни. Давай посмотрим следующий. Ищи такой же, но поцелее...

Маркус передвинулся удивительно быстро, уже понимая, что ищу. Впереди стремительно появился, вырос и остановился на комфортном для рассматривания расстоянии скайбагер, похожий на телебашню с выставленными во все стороны широкими раструбами параболических антенн, но только две уцелели, да и те изрешечены чем-то вроде тысяч крохотных метеоритов, а от остальных остались только пеньки, а в самой трубе башни зияют широкие дыры.

— И этот, — сказал я, — Маркус, поищи другие...

Он нашел, но разбитый неведомой мощью вдребезги, уже не скайбагер, а плотный рой кусков обшивки и внутренностей, что летит по той же орбите, за тысячи лет снова сбившись в бесформенный ком из металла.

Затем еще два: один с развороченной обшивкой, второй разорван пополам, обе держатся на паре уцелевших нитей, я их привычно назвал кабелями, лишь благодаря нулевой гравитации.

Маркус послушно двигался над планетой, скайбагеры не идут в одной плоскости, все на одной высоте, но в разных широтах, я всматривался с надеждой в сердце, уже начал отчаяваться, когда вдали на темном небе показалась серебряная искорка.

Моя душа воспрянула, я сказал срывающимся от волнения голосом:

— Маркус, наш шанс!.. Надеюсь, не последний... Давай к нему, пока не удрало...

Серебряная в лучах солнца искорка моментально выросла в исполинское сооружение из десятков переплетенных и плавно изогнутых труб, в центре ком из металла, неприятно исковерканный и погнутый, но не в результате внешнего воздействия, иначе бы снесло все эти трубы...

Я пытался отыскать взглядом что-то похожее на оранжерею, должны же космонавты чем-то питаться, где тут силовой блок, ракетные двигатели, но озлился на себя, все отбросил и попинал в раздражении.

Какие оранжереи, я же не во временах Жюль Верна. Уже сейчас принтеры печатают любую еду, а чуть позже и компоненты для нее будут получать, просто разлагая на нужные элементы сам вакуум, который теперь зовут темной материей, темной энергией и темным пространством.

— Нужно проникнуть вовнутрь, — сказал я. — Если не найдем люк, то сделаем!

Жанна-Антуанетта спросила слабеньким голосом:

— Сделаем... что?

— Дверь, — ответил я с энтузиазмом. — Кто-то рубит дверь в Европу, а я вот в будущее!..

— Будущее? Какое будущее...

— Светлое, — сказал я с энтузиазмом. — Или мрачное с апокалипсисами. Всякими, разными! Их, к счастью, много, мы обожаем разнообразие. Вы ведь обожаете?

— Нет, — ответила она с достоинством. — Я порядочная женщина.

— В общем, — сказал я, — перспективное будущее.

Мелькнула мысль, что в реале, если проделать дыру в обшивке, воздух вырвется наружу, а там без него пробуду очень недолго. Закрыть за собой люк не

смогу, так как на скайбагер, похоже, проникали вовсе не через люк, похожий на ляду в деревенский погреб, или на тот, что в подводных лодках.

— Есть идея, — сказал я громко и постарался как можно отчетливее представить в мозгу, как Маркус приближается вплотную к скайбагеру, обволакивает какую-то его часть и как бы погружает в себя. — Мы же победители?

Сердце колотится, идея сумасшедшая, но если получится, то это великие возможности и для других грандиозных свершений. Все-таки одно дело легко перестраивать у себя внутри, а другое — внешний панцирь. Муравьи рождаются уже взрослыми, хоть и мягкими, затем их панцирь твердеет и уже не изменяется, как у всяких там раков, потому Маркус, может, и не суметь выполнить мое желание и даже настойчивое повеление...

С другой стороны, он еще тот галактический муравей, всех его возможностей не знаю. Во всяком случае, попытка не пытка.

В том случае, который вообразил и держу в мозгу, проделать дыру в корпусе уже не катастрофа, воздух из Маркуса смешается с тем, что в скайбагере... если он там есть, а если нет, для скайбагера это вряд ли смертельно, а для меня как раз то, что нужно, я без воздуха пока что жить не научился, хотя пример таких умников, как так называемые анаэробные организмы, дразнит воображение.

Маркус повернулся другой стороной, чуть опустил край, хотя выглядит весь одинаково блестящим и багровым, но, наверное, я что-то не вижу или не знаю.

Красная, как раскаленная на солнце, стена, коснулась края скайбагера. Я затаил дыхание, но ничего

не случилось. Коснулась и так осталась, будто прилипла. Долгое время ничего не происходило, уже готов был отказаться от гениальной идеи, у меня они все гениальные, хотя не всегда к месту, но вдруг острый конец конструкции скайбагера начал укорачиваться.

Не сразу понял, что не укорачивается, а погружается в плотную обшивку Маркуса, словно в густой клюквенный кисель. Все-таки панцирь тоже может изменять свойства, как я и надеялся, что должно быть предусмотрено в конструкции, хотя бы для того, чтобы заращивать раны от мелких и крупных метеоритов.

Через иллюминатор смотреть можно долго, я заставил себя оторвать взгляд от жутковатого зрелища.

— Это близко, — ободрил я трепещущую маркизу. — Правда, не в паланкине, дорогая Жанна. Ножками, ножками.

— Ваше величество?

— Там для нас делается вход, — пояснил я. — Не заходить же, как все люди, через ворота, а то и вовсе двери?.. Нет, для нас с вами торжественно ломают стену. Больше, конечно, для вас.

Она взглянула в испуге:

— Ваше величество?

— В старину так делали в особых случаях, — заверил я. — Когда какой-нибудь успешный золотоискатель являлся в город и не желал входить в кабак, как все, для него проламывали стену... Позвольте, я прорвedu вас, маркиза.

Бобик подпрыгнул на всех четырех, едва не ударившись спиной о зачем-то снизившийся потолок, стрелой метнулся вперед и тут же исчез из виду.

Жанна-Антуанетта послушно поплыла со мной рядом, легонько поддерживаемая под локоть, только спросила в испуге:

— А... куда?

— В небесный дворец из металла, — пояснил я. — Правда, пока прогуляемся внутри Багровой Звезды. Уверен, в ней хорошие такие дороги, что больше похожи на прелестные тропки. Иногда их вовсе романтично нет, это вообще восхитительно, верно? Хотя мы знаем направление, а это интереснее, чем скучная карта в обеих руках. Во всяком случае, Бобик в этом уверен свято.

Она пошла послушно и доверчиво, женщины должны слушаться мужчин, но вздрагивала и то и дело непроизвольно прижималась ко мне, сбивая с шага.

Я подумал, все мы ищем, перед кем бы пораспушкать хвост, а женщины — наши широкие спины, за которыми можно спрятаться.

Она вскрикнула жалобно, как зайчик перед внезапно выпрыгнувшим волком. Пахнуло сухим жаром, нужно пройти в трех шагах от края огненного озера с багровыми берегами из безобразно застывающей лавы.

Но я морщился и шел, уже встречал такое в Маркусе, Жанна-Антуанетта в ужасе перебежала на другую сторону и, прикрывшись мною, передвигалась там мелкими шажками, закрывая нежное лицо от пляшущего зноя.

В центре красного бассейна с шумом выскочило из жидкой магмы нечто округло-продолговатое, похожее на раскаленную в горне касатку. Жанна-Антуанетта жалобно няякнула и уткнулась в меня, а местная

рыбка с тяжелым плеском обрушилась в кипящую поверхность.

Огненные брызги разлетелись по всему озеру, тяжелая волна расплавленного металла ощутимо ударила в берег.

Пара капель упали перед нами, зашипели злобно, испуская горячие синие дымки.

— Сделаем крюк, — предложил я, — небольшой такой, а то дальше рыбки еще любопытнее. Даже на берег вылезают.

Она вскрикнула в ужасе:

— Что это?

— Аквариум, — сообщил я. — Рыбки резвятся. Да, рыбки. Всякие!.. Декоративные. Вон прыгают, есть просят.

Она прошептала, пугливо отворачивая хорошенькую голову в сторону так, что я услышал хруст ее шейных позвонков, тонких, как у двухнедельного гусенка:

— У вас... здесь домашний ад?

— Надо же и мне какое-то хобби, — объяснил я. — А то все работа, работа... Но не заводить же котиков или болонок!.. Если я император, то и хобби императорское, а то и вовсе имперское... У Скагеррака разве не так?

— Ваше величество... Скагеррак просто человек...

— А я?

Она ответила дрожащим голоском:

— Теперь уже не знаю, ваше величество, уж прощите...

— Мне это льстит, — признался я.

— Ваше величество?

— Все, — пояснил я, — хотим быть загадочными и таинственными. Что-то есть в нашей натуре от павли-

нов, хотя они при внутриутробном развитии и не замечены... Осторожно, тут ямочка...

Она вздрагивала все больше, смотрела с ужасом то на меня, то по сторонам.

— Ваше величество?

— Жанна, — сказал я с мягким укором, — вы же лицо империи!.. Держитесь не так, как чувствуете, а как надо. Я же тоже не человек, а император?.. Вы лицо, я голова. Потому вот, увы...

Она судорожно вздохнула, с усилием выпрямилась и почти гордо вскинула мордочку.

— Да, ваше величество. Даже на плахе нужно держать голову прямо.

— Вы отважная женщина, — ответил я с чувством. — Никаких истерик, воплей, обмороков!.. Хрупкая, но отважная. И даже пытаешься понять, что происходит, хотя это даже мне понять почти немыслимо.

Она посмотрела большими серьезными глазами.

— Ваше величество, я стараюсь понять, как это поможет спасти моего Антуана!

— Как видите, — сообщил я, — ищу возможности!.. Возможно, Антуан здесь. Вы же заметили, как трудно сюда попасть?

— Ну... да... Хотя вам это удалось, я бы сказала, без особого труда.

— Все дело в хорошо подобранным персонале, — пояснил я. — Я бы сказал, Багровая Звезда весьма полезный и старательный сотрудник!

— Вы быстро заводите себе друзей?

— Как сказать, — ответил я, вспомнив, как легко было попасть в Багровую Звезду Зла, когда в неравной сече пала вся армия, а все доблестные герои моих королевств полегли в кровавом бою, — но сейчас мы

перейдем в ту штуку, которая летает высоко-высоко над землей... Не пугайтесь, это с земли смотрится крохотной искоркой под солнцем, но на самом деле...

— Как не пугаться, — ответила она тихо, — когда вы так странно успокаиваете, что еще страшнее.

— Может, — предложил я, — подождете здесь?

Она вздрогнула.

— Шутите?.. В этой ужасной красной пещере? Мне все время кажется, она живая!

Я победоносно улыбнулся, конечно, пойдет со мной. Я же дуб, а она типа лозы, что цепляется за крепкий ствол, хотя чувствую ли дубом я себя сам, никто не знает, а я признаваться не спешу, да еще перед женщиной.

— Не отставайте, — посоветовал я. — Лучше держитесь за мою руку или хотя бы за полу камзола.

— А там дальше не еще страшнее? — спросила она жалобно.

— Ничуть, — заверил я. — Та крохотная искорка вообще-то целый город в небе. Или просторный, хоть и тесный дворец. Выстроенный неведомым народом в давние времена. Думаю, все вымерли. Вы же любите грабить могилы?

Она вздрогнула, взглянула расширенными глазами:

— Шутите?..

— Но любите всякого рода старинные золотые вещички, — сказал я, — привезенные из дальних стран?

Я говорил успокаивающее, отвлекая от широкого туннеля, больше похожего на красную глотку, там в конце уже прступил темный металлический бок скайбагера, весь изъеденный, как оспой, следами от метеоритных ударов.

Она зябко повела плечиками.

— Вам в самом деле не страшно?

Глава 12

Сейчас, когда мы не на виду, можно не быть брен-дом, идет испуганная и трепещущая, совсем не та надменная и блистающая красавица, глаза огромные от страха, поглядывает на меня снизу вверх, хотя мы почти вровень, королевы красоты по умолчанию не могут быть дюймовочками, хотя все неуверенные в себе мужчины предпочитают как раз слабых и мелких женщин, чтобы чувствовать себя большими и сильными.

— Все хорошо, — повторял я, — все хорошо, маркиза. Подумаешь, чрево Багровой Звезды... Мы и глыбже бывали, чем какое-то чрево! И ничего, выходили почти сухими. Нам все как гусям до колена.

Она от ужаса почти не слышит слов, зато успокаивающий тон доходит до тех основ, что лежат в базе коз и женщин, вижу, как то начинает отходить от потрясения, то снова впадает в панический страх.

Под ногами едва слышно шевельнулось, выравнивая пол и убирая красные бугры, похожие на огромные нарвы по бокам. Слева с сочным чмокающим звуком разомкнулась стена, приглашая зайти и полюбоваться, как там внутри все влажно, красиво, а пахнет вообще одуряюще.

Жанна-Антуанетта крепче вцепилась в мой рукав. Я успокаивающе погладил ее по руке.

— Мы в моем охотниччьем домике, маркиза.

— А он что, — пролепетала она трясущимися губами, — живой? Вся Багровая Звезда?

— Точно, — подтвердил я с удовольствием. — Вы удивительная женщина! Сразу все чувствуете всеми фибрами души и тела. А моим лордам хоть кол на го-

ловах теша. Не могу представить, как будут играть на арфах.

— Лучше бы не чувствовала! Вон вы какой... по-мужски бесчувственный!..

— Почему это? — сказал я обиженно. — Я вообще люблю зверей. У меня Бобик, Зайчик, Маркусик... Они это чувствуют и старательно подстраиваются под меня.

Она спросила шепотом:

— А где ваша ужасающая... собачка?

— Бобик? — переспросил я. — Этот любопытный гад, похоже, уже там. Не успел удержать. Надо поторопиться.

— Боитесь, что его обидят?

— Боюсь, что он кого-то обидит. И хотя он добрый, но это внутри, только вы да я видим. А Багровую Звезду я люблю. И она меня любит, потому и подстраивается под мои запросы, что-то постоянно меняет. В прошлый раз здесь была монолитная стена, представляете? А сейчас вот почти прямой, хоть и кривоватый туннель... но это для изыска, все-таки когда прямо — слишком грубо, должны быть чувственные изгибы, дабы оценить дизайн...

Я придержал шаг, маркиза почти не успевает, да и я засомневался, прямо ли иду, вроде новый проход ведет прямиком в озеро с расплавленной магмой, вот тот боковой упирается прямо в стену, что может оказаться совсем не стеной, но чаще именно стеной, что еще не худший вариант.

— Зачем? — вскричала она. — Зачем здесь меняется, я же вижу, как вот та стена придвигнулась!

— Для уюта, — пояснил я. — Создает не совсем нужный нам интим...

Она старалась не смотреть на ужасающую красную и в багровых нарывах стену, внутри как будто ползают гигантские черви, вздував поверхность буграми, хотя на самом деле там металл или нечто потверже металла, но если даже я чаще живу чувствами, то что требовать от слабой маркизы...

— Какой интим? — проговорила она голосом, близким к обморочному. — Что за...

— Старается, — объяснил я. — Маркус так долго был в одиночестве и без ласки, что никак хвостом не навиляется. Только вот не совсем угадывает, что мне удобнее. А старается угадать, что мне может понравиться. Увы, мысли у меня такие хаотичные, что до передачи мыслекоманд мне еще далеко. Разве что самых простейших...

Проход снова расширился, Жанна-Антуанетта с облегчением перевела дыхание, туннель уже похож на глубинную пещеру, рассказами о которых обожают бахвалиться спелеологи, но тихонько пискнула и остановилась.

Я оглянулся.

— Маркиза... Мы почти пришли!.. Взбодритесь!

Она прошептала тихо:

— Да, ради Антуана...

Я смолчал, красные стены начали уходить за спину, впереди вырастает изъеденная множеством оспин угольно-черная стена.

Теперь уже я поежился, стараясь делать это как можно незаметнее для маркизы. Внутренности Маркуса кажутся родными рядом с этим технологическим порождением чужой жизни. И хотя все наоборот, скайбагер делали как раз люди, но когда между нами технологический разрыв, то, думаю, для пушкинской

эпохи мир интернета с запруженными автомобилями дорогами тоже показался бы очень даже нечеловеческим.

В погрызенной метеоритами обшивке недобро зияет дыра в два человеческих роста, прожженная или проплавленная Маркусом. Края ощерились острыми зубьями, от них все еще несет остывающим жаром.

Пока приближались медленно и с осторожностью, исчезнувший куда-то Бобик появился там в скайбагере, отрывисто гавкнул гулким басом, выскочил, вильнул хвостом и, доказывая, что стену проломили не для какой-то маркизы, в красивом прыжке снова вскочил в зияющий зев.

Я только успел раскрыть рот для окрика, Жанна-Антуанетта вскрикнула:

— Он там не пропадет?

— Нигде не пропадет, — заверил я, хотя сердце и дрогнуло, люблю этого дуралея, — он уже чует... а вы как?

— Чую, — ответила она с дрожью в голосе, — что там вообще ужас! Вы не бережете свою собачку. Она хоть и страшная, но все-таки тоже человек...

Я ответил со вздохом:

— Вы правы, маркиза, очерствел сердцем и другими местами. Но уже привык, что у него как у гуся... Не пугайтесь, там всего лишь стена скайбагера, которую вы с земли видели... хотя с какой стати вам такое видеть?.. Я не знаю, чего там ждать, потому вам лучше...

Она спросила подозрительным тоном:

— А почему, когда говорите, как мне лучше, голос у вас какой-то угрожающий?

Я вздохнул.

— Хорошо-хорошо. Не зацепитесь вот здесь, а то порвете платье... Или давайте пересажу... через порог, как бы. Вообще-то здесь тепло, можно бы и без платья, но я, как джентльмен, не могу предложить даме такого, хотя мы тут наедине, а когда наедине, то все можно, но сейчас, понимаю, нельзя, хотя общество не против, но мы сами как бы люди...

Не знаю, слушает ли она мои слова, да я и не умничаю, несу все подряд, главное успокаивающий голос, женщина должна быть уверена, что самец идет впереди, первым встретит опасность и обязательно победит, а ей достанется мохнатая теплая шкура под ноги.

Переступил через край толстой остывающей стены, по коже пробежал холодок. Помещение огромное, вдоль стен исполинские агрегаты. Может, не агрегаты, но для простого крестьянина все агрегаты, а я чувствую себя крестьянином допетровской Руси попавшего в мир начала хай-тека.

И даже мне видно, что ничего не работает. Более того, работать и не может. Многое рассыпалось на крупные и мелкие части, другие агрегаты деформировались и опустились к полу, словно фигурки из воска под жарким солнцем, третья выглядят так, словно внутри взорвались мощные аккумуляторы.

Я все замедлял шаг, осматриваясь и стараясь ощутить, что же здесь случилось. Был ли захват с уничтожением экипажа или же смертельный вирус? Или все отрезанные от мира умирали долго и мучительно, растягивая скучные запасы без надежды на спасение и зная, что все равно скоро умрут?

Жанна-Антуанетта все же отважилась догнать и пошла рядом, но прижимается ко мне и в любой момент

готова нырнуть под мое крыло, как цыпленок под защиту большой и всемогущей мамы.

Я смотрел по сторонам, а она спросила шепотом:

— Ваше величество... что-то страшное?

Я тяжело вздохнул.

— Откуда?.. Никого, как видите.

— Но у вас такое лицо, — сказала она. — Как будто что-то случилось.

— Лучше бы случилось, — пробормотал я и сам ощутил, что голос осел, — я так надеялся на что-то... Понимал же, но что нам понимание? Нами всеми движет надежда. Но здесь кладбище.

Она в испуге огляделась.

— А где могилы?

— Даже могил нет, — сказал я. — Все прахом. Это руины, Жанна. А когда-то небесный дворец хай-тека, целый научный городок... Ладно, посмотрим, хотя чувствую себя подлецким таким археологом, что под видом служения науке раскапывает чужие могилы, без стыда и совести выгребает оттуда драгоценности. Я еще не начал, а уже стыдно, как Чехову перед собакой.

Она не поняла, судя по ее лицу, да и как понять, если даже в моем мире археология все еще считается вполне почетной и даже романтической профессией. Дескать, неча в могилу с умершим класть драгоценности, так что пусть не жалуется, когда демократы раскапывают, ценности выгребают и даже золотые зубы выдирают с торжеством и ликованием, заявляя, что у Тамонхайма выдирать можно.

— Страшно как, — проговорила она тихохонько. — А... вам?

— Я император, — ответил я с хмурой угрозой, — или не император? Это ж мои владения!

Она пискнула:

— Но... мы же... почти в небесах?

— Здесь тоже моя территория, — ответил я владельцем голосом. — Если под ногами мои недра, то и над головой тоже все мое, мое!..

Я сделал над макушкой круговое движение пальцем, поясняя, что и там выше, чем над головой, тоже все мое, до самой твердыни небосвода, а то и выше.

Она смотрела, в страхе приоткрыв рот и в священном ужасе, как ребенок на великого Ктулху, а я медленно и осторожно двигался по проходу между агрегатами, стараясь не только ничего не задевать, но и держаться на расстоянии.

— Ваше величество?

— Да-да, — ответил я. — Пока что ищем признаки жизни.

— А потом?

— Потом начнем грабить, — пояснил я. — На современном уровне грабить живых людей уже нехорошо, а вот мертвых пока еще можно. На следующем уровне будет тоже нельзя, аморально, но мы еще не совсем готовы для перехода в вид Человека Настоящего, потому воспользуемся возможностью полуобезьян, кем мы все еще являемся.

Она вряд ли понимала, что бормочу, да я и не заботился, ей главное слышать мой родительский голос доминантного самца стаи.

Медленно и осторожно продвигался из помещения в помещение, стараясь ничего не пропустить, осматривал все, пытаясь ухватить хотя бы суть самого скайбагера.

Военный это или научно-исследовательский объект, а то и вовсе, чего бы не хотелось, некий развлека-

тельный центр? А что, люди для развлечения могут и на Эвересты лазить, в подземные пещеры спускаться, наша бесшабашная дурь может тягаться только с нашей безбашенной гениальностью.

Но, скорее всего, как все больше кажется, это что-то вроде заурядного рабочего судна. Что-то ловит, добывает, перерабатывает. Откуда? Да из темной материи, к примеру, которая, как говорят, всюду, но которую у нас еще никто не видел и не щупал.

Чувствуется гигантомания, а это значит, технический уровень высокий, но не запредельный. Переход к миниатюризации если и начался, то грубо прервали в самом начале.

Впрочем, иногда кажется, что такой переход был, а потом что-то сломалось кардинальное, и снова пришлось начинать с громоздких машин. Во всяком случае экраны, как я чувствую всеми фибрами, покрывают незримой пленкой все стены изнутри, а те должны появиться в эпоху уменьшения размеров, когда о ламповых уже и забыли, однако в остальном вижу чуть ли не паровые двигатели.

Такое ощущение, что оставшиеся люди отчаянно пытались восстановить хоть что-то из технической мощи, а так как раньше подпитка шла, очевидно, с наземных станций, пришлось опираться на свои скучные силы и начинать чуть ли не с каменного топора и обугленного на костре копья.

Для поддержания хай-тека, как я слышал когда-то, нужно не меньше ста миллионов человек, иначе придет неизбежный откат, что здесь, похоже, и случилось. Затем неизбежная деградация и окончательная гибель.

За спиной раздался дрожащий голосок:

— Если все умерли, где их склепы?

— Мы еще не все осмотрели, — ответил я с натужной бодростью. — Вы устали, маркиза?

Она ответила с бледной улыбкой:

— Спасибо, ваше величество.

— Может, присядете пока? Или полежите? Отыщем уютное местечко...

Она вскрикнула:

— В этот страшном месте?.. Простите, ваше величество, я и так наступаю вам на пятки, что непозволительно по дворцовому протоколу, но мне так страшно...

— В таких местах протоколы отменяются, — заверил я. — А женщине и должно быть страшно. Особенно когда с таким, как я. Да и Бобик не даст вас обидеть никому.

— Ваше величество?

— Не в том хорошем смысле, — заверил я, погладив лобастую голову. — В каком-то другом, экзистенциальном. Хотя мне иногда и самому страшно, что творю, но чаще не страшно, а...

Я умолк, она тут же спросила в испуге:

— А что?

— Да смотрю, — пояснил я, морщась, — и думаю, какой идиот сотворил? Никого же не было, чтобы на него свалить, а затем в гневе повесить.

— Любите вешать, ваше величество?

— Люблю, — признался я. — Всех бы перевешал!.. Одни скоты и дураки!.. Но сдерживаюсь. Человек только тогда человек, когда сдерживается. Животные и дураки всегда искренни, без тормозов, а люди должны держать себя в руках всегда. Даже на отдыхе.

Она спросила недоверчиво:

— Неужели везде одни дураки?

— Одни, — подтвердил я. Вздохнув, уточнил: — Да я и сам частенько такой, другого еще поискать... Стоп, маркиза!.. Вам ничего не подсказывает, что возле этого места опасно?

Она вскрикнула:

— Возле этого места?.. Да у меня все кричит, что опасно всюду!

— Тоже верно, — утешил я. — Давайте обойдем группу этих... агрегатов.

Она послушно обошла вслед за мной, прячась за таким шагающим дубом.

— Ваше величество... вы что-то ищете... знакомое?

— Ну да, — ответил я. — А что?.. Может быть, мне в детстве дарили такие кораблики. Запускаешь его, и летит-летит, как воздушный змей... Ах да, вы и воздушных змеев не запускали?

Она посмотрела исподлобья.

— Вы надо мной смеетесь! Воздушных змеев не бывает. И вообще гадюки не летают. Плавать, правда, могут. Сама видела в детстве.

— А здесь летают, — пояснил я. — Недаром же говорят, воздушный океан!.. Или у вас еще не говорят?.. Ага, вот здесь может что-то быть...

Она стучала каблуками за спиной, растерянная и донельзя испуганная, но все равно красивая до щема. Бобик опять куда-то ускакал, видимо, в поисках кухни. Я ускорил шаг, впереди по краям прохода показались двери одна напротив другой, а дальше в получьме еще и еще...

Едва мы приблизились, вспыхнул свет. Жанна-Антуанетта жалобно вскрикнула и присела, я пошел дальше тем же шагом.

Свет — это ожидаемо, а как же иначе, если бы не вспыхнул, значит, реле перегорело, Жанна-Антуанетта могла бы от неожиданности упиться, но вроде бы нет или не показывает виду, да ладно, если чуть и письнула, красивым женщинам все можно, а пышный ворох платьев до полу все прикроет и даже подотрет при первом же шаге.

Молодец, спешит следом, а там сзади на полу ни намека на лужу. Надеюсь, это не отвага, зачем мне отважная женщина, а полное доверие ко мне и уверенность, что защищу и прикрою могучим крылом, как красивый гусь испуганного цыпленка.

Вдоль стены ряд одинаковых дверей, расстояние между ними в три-четыре шага, помещения явно небольшие и вряд ли в них что-то важное, а значит, и не нарвусь вот так сразу.

Жанна-Антуанетта охнула, когда я толкнул дверь ногой, я же император, для меня все, что не распахнуто настежь, ну просто оскорбление моего величия.

Не открылась, как и должно быть, по правилам пожарной безопасности распахивается наружу. Потянул за фигурную ручку в виде медной змеи с красными глазами, тоже не сдвинулась с места.

Потянул сильнее, уже прикидывая, чем буду выбивать, но дверь едва заметно дрогнула и слегка подалась. Я потянул с силой, там чавкнуло, распахнулась так, словно изнутри удерживал вакуум.

За спиной испуганно нявкнуло:

— Ваше величество... там опасно!

— Мужчины рождены для опасности, — заверил я трубным голосом, — а безопасность приобретается войной!

— Ваше величество?

— Опасность не победить без опасности, — пояснил я. — И вообще... чем меньше боишься, тем и опасность меньше.

Глава 13

Но все же сперва осмотрел из коридора ту часть помещения, которую видно отсюда, потом встал на порог и осмотрелся уже внимательнее. По легенде среди воинов я неистов в бою и безумно отважен, но, конечно, для людей уровня Джулиана Варессера у меня другая легенда, как вот для Жанны-Антуанетты третья.

Она смотрит с ужасом, а я, красивый и величественный, смотрю спокойно и свысока с видом властелина, на плечи которого так много возложено.

Как и предположил, всего-навсего жилое помещение для персонала. Вон бесхитростная койка, стол, два шкафчика, какие-то приборы, если это приборы, еще с полдюжины непонятного вида устройств под кроватью и по углам комнаты.

Ни следа роскоши, ни намека на апартаменты. Явно низший персонал, рядовые техники и прочий рабочий люд по уходу и ремонту этих циклопических агрегатов и механизмов.

Жанна-Антуанетта ахнула, когда я отважно распахнул дверку шкафа. Под ноги вывалилось нечто темное и пыльное.

Я и сам сдрейфил, но при женщине спину нужно держать прямой, а живот втянутым, потому улыбнулся и сказал с отеческой покровительственностью:

— Ну да, как всегда, непорядок.

— Ваше величество?

Я потрогал носком сапога это вывалившееся, похожее на вещевой мешок с тряпками и чем-то более твердым, но тоже легким, легко подается нажиму и даже не пищит. Мысль человеческая во все эпохи идет одинаково, так как у нас две руки и две ноги, сумка на спине может быть только такой, все остальные менее удобны, а над этими поработали и дизайнеры, и сами пользователи, что еще те дизайнеры.

Наклоняться не стал, не императорское это дело подбирать за нижними чинами, заложил руки за спину и как можно спокойнее, это для Жанны-Антуанетты, неспешно рассматривал развешанные на крючках вещи и вещицы, но это тоже для Жанны-Антуанетты, а на самом деле сердце колотится, и я широко растопыренными глазами шарю по сторонам быстро и с жадностью грабителя могил.

Похоже на рабочие инструменты, точнее, предполагаю, что рабочие, а так вообще-то ни на что не похожи.

Жанна решилась подойти и встать рядом, трепещущая, как лань на обочине хайвея.

— Ваше величество, — шепнула она, — не надо, а?

— Чего?

— Трогать те... вещи.

— Не надо, — согласился я, — так не надо. Но приходится.

Я снял с крючка металлическую причендалину с удобной рукоятью, это единственное, что понял, остальное все странное, как неандертальцу фен для сушки волос или машинка для стрижки волос в носу. Понял только, что работает в большом диапазоне, десятки сенсорных переключателей, однако вряд ли эта штука все еще в сохранности.

— Пойдемте дальше, — сказал я, — как вам, Жанна?.. В восторге?

Она затряслась головой:

— Нет, ваше величество!

— Я тоже, — согласился я. — Это помещения для нижних чинов. Их инспектируют служащие в ранге баронов, а то и виконтов! Но при кадровом голоде многое приходится самому... А вы говорите, император, император!

На всякий случай заглянул и в остальные эти одинаковые помещения. Сердце стучит, это перед женщиной я каменная статуя Командора, а внутри все трястется от радостного возбуждения, перемешанного со страхом. Это магические ловушки зрю издали, но если что рванет подо мною механическое, тут я пас...

Жанна-Антуанетта старается не отставать, обеими руками поддерживает подол пышного платья, здесь зацепиться им проще простого, я покосился на ее стяжания, хотел было посоветовать просто заткнуть края подола за ее покрытый золотыми узорами поясок, но решил, что мои демократические помыслы насчет помощи женщине точно поймут как-то не так.

Она покосилась на мое выполненное задумчивости лицо.

— Ваше величество?

— Опасность существует для тех, — ответил я величественно, как и подобает величеству, — кто ее боится. Да не убоимся зла!.. И добра тоже бояться не стоит, хотя добро, конечно, опаснее. Заходите, Жанна, присаживайтесь.

— Что? — вскрикнула она. — Присесть в этом ужасном месте?

— Можете прилечь, — разрешил я, — в позе Рубенса или Тициана, хотя там все ужасающие толстые, как принято считать искусствоведами, хотя для мужчин самое то.

— Я толстеть не буду, — заявила она твердо.

— И не надо, — согласился я. — Вы же не для постели, вы бренд! Лицо империи. Я вообще не слышал, чтобы с фотомоделями или манекенщицами кто-то спал, с ними только на показах... Здесь осторожнее, проход узковат, что-то сдвинулось. Не думаю, что так было изначально...

Я прошел боком, она с ее фигуркой проскользнула легко, но я поддержал под локоть, вот-вот упадет в обморок, я же вижу, с каким усилием заставляет себя двигаться следом, уже в полуобморочном состоянии.

Я снова подхватил ее, уже обняв за талию, пошатнулась уж слишком, почти насилино отвел к ближайшему креслу и усадил, придерживая за плечи, чтобы пресечь слабые попытки встать.

— Отдохните, — велел я. — Это высочайшее повеление императора.

— Мне одной страшно, — прошептала она.

Я вздохнул, сел напротив.

— Тогда понаслаждаемся отдыхом вместе. Кофе?.. Сейчас...

Я придвинул ближе небольшой столик, маркиза вздрогнула, когда в моей ладони возникла белоснежная чашка с парующим черным напитком.

— Прошу вас, — сказал я и протянул ей, — печенье, пирожные, конфеты?.. Насчет вафлей уже усвоил, их предлагать даме неприлично, а как насчет крекеров?.. Их вроде бы прилично, хотя если подумать... Или пи-

рожное с кремом?.. Про них даже при разнузданной фантазии ничего не скажешь... хотя, гм...

Она вряд ли что поняла из моего монолога раскованного демократа, осторожно приняла чашку за ручку.

Я тут же создал и себе, с наслаждением отхлебнул, в восторге приопустил верхние веки.

— Ваше величество?

— Пейте, — посоветовал я. — Это взбодрит.

Она опустила взгляд на возникшую на столе тарелку с горкой сахарного печенья и пирожных в форме трубочек с кремом.

— Это... откуда?

Я отмахнулся:

— Маркиза... неужели опустимся до разговоров о кухне? Мы что, простолюдины или, простите за бранное слово, демократы?

— Нет-нет, — запротестовала она слабым голосом, — просто...

Я смотрел, как она сделала трусливый глоток, лицо испуганное, но ничего не случилось, а я тем временем осушил чашку и сделал себе еще одну.

Она наконец взяла двумя пальчиками, такими нежными и розовыми, трубочку с кремом, осторожно откусила.

— Ой, как... восхитительно...

— Да, — согласился я, — весьма как бы. Не лепо ли ни бяще. Мне тоже вполне. Хотя я эстет еще тот!.. Но кони есть кони.

Пока пили кофе, а маркиза постепенно оживала, видно по намекам на слабый пока румянец, я продувал насчет скайбагера.

Что Антуана здесь не держат, уже понятно, в таком мертвом мире не живут даже бактерии. Насчет ощу-

щений я дуб дубом, это женщины чуткие, как все животные, ибо к природе ближе, а мне только дубиной по голове, чтобы заметил, но от стен и этих исполинских агрегатов веет такой мощной мертвчиной, что понятно, жизни здесь нет давно. Столетия, даже тысячелетия пусто. Привидения и то вымерли.

После третьего крекера щечки маркизы нежно покраснели, красиво изогнутые губы стали ярче, даже глаза стали яркими и блестящими.

— Ваше величество! — проговорила она уже чуточку окрепшим голоском. — Это волшебный напиток!

— Уверены, — спросил я, — что не эти волшебные пирожные?

Она запнулась, опустила взгляд на оставшиеся три трубочки заварного.

— Не знаю... а можно еще одно?

— Можно, — великодушно сказал я. — Вашей фигуре ничто не повредит. Во всяком случае, еще долго.

Ее глаза засияли, тут же ухватила пирожное, словно птичка клюнула, я смотрел с удовольствием, как мало женщине надо, чтобы ожить в этом страшном для нее месте.

С энтузиазмом долопала остальные пирожные и даже печенье, раз уж ее фигуре ничто не повредит, императору виднее. Главное, ответственность свалить на мужчину, а если взял ее на себя добровольно, то это и есть женское счастье.

Я поднялся, Жанна-Антуанетта тут же встрепенулась, я сказал с сочувствием:

— Сидите, маркиза, сидите. Я загляну вон в те комнаты! Они на виду. Вы увидите, как войду и как выйду. Посмотрю, что там, а затем отправимся вместе в другую часть корабля.

Она спросила в недоумении:

— Корабля?

— Он же плавает, — пояснил я, — в воздухе. А не тонет... ну, это же просто! Воздух здесь наверху еще тяжелее этой металлической громадины. Не знали?

— Н-нет, ваше величество...

— Мир полон чудес, — сообщил я.

На всякий случай оставил ей еще и вазочку с мороженым, невиданное лакомство даже на продвинутом Юге. Нужно чем-то отвлечь, что с женщинами проходит запросто, хотя маркиза за спасение мужа держится на удивление крепко, мороженым тут не отделаешься.

Провожаемый недоверчивым взглядом, я заглянул в соседнюю комнату, пересмотрел там бегло вещи, вышел и помахал маркизе, что вот он я, зашел в другую.

Когда вышел, сразу уперся в ее взгляд, снова помахал, поулыбался, что вон он, не исчезаю, сейчас зайду в следующую и снова выйду, не беспокойтесь, маркиза, все хорошо, все хорошо...

Так заглянул еще в три комнаты, везде плюс-минус одинаковое, что и понятно, у всех работяг примерно те же запросы, одежда и даже инструмент, который хранят у себя же в комнатах. Возможно, из ритуальных соображений, а возможно, и житейских, раз уж тут люди, что сопрут и не покаются на исповеди.

Но в последней задержался, обнаружив нечто знакомое, что-то напоминающее штуку, которую я называл болтером за неимением подходящего названия. То есть пневматический или какой он теперь есть, молоток, что вбивает болты в стальные или титановые плиты. Точнее, заклепки, которыми намертво скрепляются толстые листы металла.

Этот поизящнее, так бы и не догадался о его предназначении, если бы не держал более грубую модель в руках раньше. И, конечно, встроен в виде снимаемой пряжки в пояс монтажника, так это выглядит, хотя сам по себе пояс смотрится как произведение искусства, с той лишь разницей, что здесь все функционально приспособлено для работы.

Думаю, эти красивые кольца и бляхи, покрывающие пояс смыкающимися чешуйками, работают как плоскогубцы, резаки и прочие необходимые вещи ремонтника, но рисковать и проверять пока не буду. Во всяком случае в присутствии **Жанны-Антуанетты**, ибо мужчина должен быть непокобелим и победоносен хотя бы с виду.

Жанна-Антуанетта, несмотря на усталость, сидит с прямой спиной, снова испуганная и напряженная, что и понятно, я пропал из поля зрения. Дверь хоть и в пяти шагах, но меня не видно, страшно.

Однако чуть посвежела, крепкий кофе и пирожные поспособствовали, по себе знаю. Что бы ни говорили о нас, но мужчины тоже любят нежные и сладкие пирожные. Возможно, даже больше женщин, нам же нужно больше силы на тот случай, если снова спасать мир.

Она издали вперила взгляд в пояс монтажника, как я его называю, он все еще в моей руке, но, не говоря ни слова, поднялась навстречу и присела в глубоком поклоне. Я заглянул в вырез ее платья, это можно не делать, если женская голова почтительно склонена, но **Жанна-Антуанетта** присела с прямой спиной и не отрывая взгляда от моего лица, потому я сперва посмотрел на выступающие из-за края платья нежней-

шие полушария, так надо, сделал вид, что впечатлен, мне это ничего не стоит, а женщинам приятно, лишь потом взглянул ей в глаза.

— Маркиза?.. Встаньте, пожалуйста.

Она красиво выпрямилась, ее глаза дивного фиолетового цвета вперили в меня требовательный взгляд.

— Что насчет Антуана?

— Пока не отыскал, — сообщил я. — Но корабль велик.

— Но вы чем-то удовлетворены, — заметила она.

— Здесь есть чем поживиться, — сообщил я, но тут же уточнил с достоинством: — Правда, не для императора. Императоры по мелочам не грабят.

— Я отдохнула, — сказала она. — Ваше величество, я постараюсь не отстать.

— А я постараюсь умерить шаг, — сказал я с галантностью. — Итак, продолжим рейд по этой небесной гробнице Тамонхайма.

Она указала взглядом на пояс в моей руке:

— Это ваша добыча? Что-то ценное?

— Сувенир, — ответил я небрежно. — Новинка сезона, — объяснил я. — Мода такая. Не ясно зачем, но вот...

Она спросила удивленно:

— Как зачем? Для красоты!.. И чтоб не так, как у других.

Она послушно пошла следом, как молодой козленок за большой и лохматой мамой. Я слышал цокот ее каблуков, но не оглядывался.

Пояс после ряда безуспешных попыток сумел застегнуть поверх своего ремня, но все равно сползает, зараза, и тяжелый, как пудовая гиря.

Космическая станция огромна, вижу туннели, что ведут в сторону, но если буду вот так исследовать все дороги и помещения, застряну на месяц, а то и больше.

Жанна-Антуанетта за спиной пискнула:

— Ваше величество?

— Да-да, — ответил я мужественным голосом, — я знаю, что делаю. Доверьтесь мне, маркиза.

Глава 14

Она послушно останавливалась, когда я распахивал двери, заглядывал и, если такая же, как и предыдущая, оставлял комнату открытой настежь, это чтобы не заглядывать снова, если вдруг заблужусь в этом лабиринте, и торопливо переходил к следующей.

Все же при всей настороженности слышу, как Жанна-Антуанетта часто-часто стучит каблучками за спиной, страшась и приблизиться к распахиваемым дверям, откуда может с ревом выпрыгнуть что-то ужасное, и еще больше ужасаясь возможности отстать от такого странноватого императора, что хоть и дуб, но за таким можно спрятаться.

— Все путем, — приговаривал я бодро, — все как бы да, маркиза, все хорошо, все хорошо...

— Да, — сказала она музыкально дрожащим голоском, — если это для вас хорошо, то что тогда плохо...

— Мы с вами вырвались из скучной действительности, — пояснил я, — и теперь романтично роемся в огромной чужой могиле!.. Это красиво называется археологией.

— Ваше величество, — сказала она плаксиво, — это вы так странно утешаете? Мне еще страшнее.

— Устали? — спросил я с сочувствием. — Вы как бы хрупкая женщина, да?

Она ответила с решительностью, так контрастирующей с ее кукольным лициком:

— Ваше величество, я все вынесу, пока работаете над спасением моего мужа!

Я заверил жирным голосом:

— Да, маркиза, я делаю все на свете, чтобы спасти вашего мужа!.. Вот каждую минуту останавливаюсь и строго спрашиваю себя, как подобает императору: все ли уже сделал, чтобы спасти мужа Жанны-Антуанетты?.. И каждый раз говорю себе твердо: нет, надо еще больше приложить усилий и ревностности!

Она прижала кулачки к груди, глядя на меня такими благодарными глазами, что стало как бы чуточку неловко.

— Ах, ваше величество!

Я сказал благосклонно:

— Ладно-ладно, потом отблагодарите, если не забудете, я что-то слыхал насчет девичьей памяти, только не помню что.

Вселенная, сказал громко, но про себя, создана для человека, что так естественно, и человек развивается по ее законам. В скайбагере, каким бы ни казался чуждым, все та же логика и те же законы, что управляли нами еще с тех времен, когда были не то что питетантропами, а даже не амебами, а лишь сгустками космической пыли.

Не вдаваясь в детали, там все непонятно, мне все же удается здесь схватывать ситуацию в целом, получается. Когда прошел через очередное помещение с исполинскими машинами, а дальше открылся почти узнаваемый зал со столами, повернутыми полукругом

в одну сторону, я понял, что это и есть капитанский мостик, хотя он не капитанский и не мостик, как морская свинка не морская и совсем не свинка.

Жанна-Антуанетта, судя по ее виду, близка к обмороку, в лице ни кровинки, глаза настолько трагически расширены, что не уверен, что видит что-то еще кроме моей спины.

— Маркиза, — сказал я с сочувствием, — на вас лица нет, а это недопустимо, ибо вы и есть оно самое империи!.. Присядьте вот здесь, ишь кресел наставили... Высшие чины покурить сюда выходили?.. Видите, вон там дверь распахнута?.. Хотя нет, ее вообще там и не было. Проверю, что там не так красиво лежит, как мы любим, и вернусь.

Она взглянула на меня с благодарностью.

— Спасибо, — ответила совсем бесцветным голосом, явно из последних сил, — ваше величество. Я переоценила себя, простите!

Я отмахнулся:

— Пустяки. Вы рассчитывали, что буду вести себя по-императорски, а я вот не жду, когда мне подадут прямо к трону... В этом неустроенном мире многое приходится делать самому, чтобы оставаться человеком. Отдохните. И не волнуйтесь, здесь ни врагов, ни друзей.

Она все еще смотрела умоляюще, но я нажал на ее крупные плечики, она послушно опустилась в глубокое и просторное кресло, где даже Рокгаллер чувствовал бы себя вполне.

— Возвращайтесь быстрее, — проговорила она умоляюще в спину.

— Как только, — ответил я, — так сразу. Всегда мы уходим, когда над землею бушует весна...

Она спросила испуганно:

— Весна? Где весна?

— Везде, — ответил я твердо. — Таким так мы, и зимой март! В смысле, и вечная весна...

Пока пыталась понять императорские речи, что не для простых смертных, я быстро прошел ко входу в зал и чуть не споткнулся об проскользнувшего в дверь, не снижая скорости, Бобика. Я перешагнул порог этого командного центра, так его определил, где и остановился, осматриваясь с опаской и почтительным изумлением.

Мощь всего сооружения чувствуется, как не хо-рохорься, но я постоянно топоршу перья, чтобы это величие продвинутого мира не подавляло мою толсто-кожую натуру с тонкой чувствительной душой.

Капитанский мостик, размером с корт для тенниса, а на той стороне, как понимаю, на стене должен быть центральный экран. Сейчас его нет, тоже понятно, даже если и был включен, то за годы и годы, что не просто годы, а многие тысячи лет, любые запасы энергии иссякли, а то и сам экран разрушился пиксель за пиксели.

Самое важное место вроде бы вижу, прошел туда, сел в кресло и осторожно опустил ладони на гладкую поверхность стола. На сенсорную не похоже, сохранился миленький рисунок дерева, но что-то в самом дизайне помещения, расположении столов и различной аппаратуры, о назначении которой не пытаюсь даже догадываться, говорит достаточно ясно и даже громко, что это и есть центр управления про-цессами, даже если на скайбагере полная демокра-тия. Бобик, исследовав помещение, подошел и сел рядом.

— Внимание, — сказал я громким голосом. — Прoverка, проверка слуха!.. И связи. Как слышите?

В полнейшей тишине, что в самом деле тишина могилы, Бобик даже затаил дыхание, я прислушивался к каждому шороху и любому звуку, но это был громкий стук моего сердца, хриплое как у астматика дыхание и шум крови в ушах.

— Понятно, — сказал я. — Гибернация?.. Объявляю экстренную тревогу!.. Чрезвычайное положение!.. Враг не дремлет!.. Родина в опасности!.. Кто, если не мы?.. Все на защиту, всем миром на рытье окопов!.. Жукоглазые атакуют!

Бобик вздыбил шерсть и вдруг зарычал. Моя ладонь сама метнулась к рукояти меча. Бобик требовательно залаял.

Тишина оставалась мертвой, затем что-то изменилось в помещении. Я настороженно оглядывался, все остается таким же, однако мои фибры вздыбились то ли от страха, то ли от ощущения, что сейчас начинает происходить нечто такое, с чем еще не сталкивался.

Через минуту краем глаза заметил крохотный огонек в стене слева от меня, взбодрился. Конечно, никакой аккумулятор не продержит заряд столько, однако что-то могло разбудить аварийное включение, мой ли наглый голос, движения, мои императорские жесты, полные величия и мудрости...

— Смена караула! — сказал я властно, еще не веря, что в самом деле удалось что-то разбудить. — Прежний экипаж доблестно пал в неравной борьбе с коварным и злобным врагом... как мы предполагаем, всем будут выданы ордена посмертно и всех повысим в звании, а то и в титулах!.. Начинаем возрождать нашу великую империю, во имя счастья и процветания династии!

Огонек начал было гаснуть, я торопливо сказал громко:

— Я ваш новый админ!.. Старый ушел на повышение, теперь в правительстве прошлого созыва, а я здесь и сейчас!.. Мы все восстановим и апгрейдим!.. Что нужно?

На столешнице медленно прорылся контур ладоней с растопыренными пальцами.

— Понял, — сказал я поспешно, — начинаем контакт!

В первый момент, когда опустил ладони, ничего не ощущал, затем от столешницы пошло тепло, охватившее всю ее поверхность, а в ладонях ощущалось покалывание.

— Есть контакт, — доложил я. — Поздравляю!

Еще через минуту на стене, что все-таки огромный экран, как и предполагал, начали появляться изображения. Очень слабые, словно со старых кинопленок, я подумал, что нужно как-то реагировать, принялся громко и подробно рассказывать, что вижу и как вижу.

Вслед за фотографиями пошли движущиеся картинки, я взыграл, все идет по восходящей, с учащенным сердцебиением взялся комментировать с жаром, рассказывал и пояснял, стараясь не отклоняться от точности, вряд ли программа поймет мой тончайший юмор или аллюзии.

В пальцы иногда покалывало сильнее, теплая поверхность стола трижды становилась совсем холодной, и у меня самого едва не замерзло сердце от мысли, что последний аккумулятор разряжается и все мои надежды с грохотом рухнут в шаге от долгожданного контакта.

— Ты уж держись, — сказал я умоляюще, — денег нет, но держись! Что нам еще остается? Когда катастрофа, мы все в одной лодке. Надо помогать друг другу. Я здесь с миссией помощи и восстановления...

Тепло от ладоней все чаще поднималось волнами до локтей, затем охватило плечи, наконец жар вошел под черепную коробку.

— Давай, — подбодрил я, — как видишь, я открыт к контактам на двусторонней основе, к взаимовыгодному обмену и признанию прав искусственного интеллекта!.. Исследуй, я ничего не прячу!.. У меня даже стыдных привычек нет, сейчас все можно и толерантно!

Жар иногда перетекал от одного виска к другому, картинки и сценки на экране замелькали чаще. Едва успевал комментировать и давать определения, хотя получались оценки, старался выдавать их такими, словно сам стал искусственным интеллектом, то есть бесстрастно и больше по внешним признакам, но иногда чувствовал, что требуется именно мое личное отношение, как там и что и как я воспринимаю.

Похоже, все это время изучались мои мозговые волны, несколько раз показывали одинаковые картинки, сперва я заподозрил сбой в работе, потом понял, что это проверочный тест, дам то же самое описание или что-то изменю, но память моя тут же отыскивала то, что уже сказал, и повторял тем же тоном и с теми же интонациями.

Длилось долго, Жанна-Антуанетта могла хорошо вздремнуть в том роскошнейшем из кресел, а я уже засомневался в своем интеллектуальном здоровье, наконец жар из тела ушел.

Столешница обрела прежнюю температуру, которую называют комнатной, а отпечатки ладоней с растопыренными пальцами погасли.

Я со вздохом облегчения размял кисти, пальцы чуть не скрючило за это время.

— Ну как, — спросил я как можно бодрым голосом. — Тест сдан, тест принят?

Тишина оставалась такой же мертвой, но теперь я чувствовал фибрами, что нечто все-таки происходит, словно научился чувствовать движение потока электронов в проводах, даже если скрыты в стенных панелях.

Прошло еще несколько секунд, картинки на экране исчезли, затем погасло все, стена как стена, зато из пространства раздался бесстрастный машинный голос:

— Закончено.

Я дернулся от неожиданности, но собрался с духом и ответил почти не дрожащим голосом:

— Р-рад!.. Можем общаться?

Голос произнес так же бесстрастно:

— Словарный запас изучен. Я понимаю вас и могу отвечать так, что и вы поймете.

Я поежился, благо Жанна-Антуанетта не видит, что император не всегда бодр и ясен, ответил почти подобострастно:

— Хотя звучит как угроза, но вообще-то здорово, а то в мире полнейшего недопонимания и мужской феминизации все больше разобщенности и двойных стандартов и недооценки ценностей... Можно я вас буду называть Кларой?

— Можно, — ответил голос все так же бесстрастно, однако на ходу стал меняться, тембр сменился на бо-

лее живой, а затем, оставаясь бесстрастным, приобрел нотки почти женственности, словно я общаюсь с молодой и очень приятной, хотя и строгой бизнес-леди: — Кто вы?.. Кто открыл доступ в командный... пункт?

— Война, — ответил я, — о которой предупреждали наши пророки, свершилась. Все разрушено, остальное будем восстанавливать. Прежнее командование погибло. Я принимаю обязанности админа, начнем восстановление всего, что сможем.

А потом и то, мелькнула нагло трусливая мысль, что нам не под силу.

Часть вторая

Глава 1

На экран я продолжал смотреть красиво и величественно с надлежащей суровой торжественностью и величием момента. Не сомневаясь, что искусственный интеллект тоже продолжает рассматривать мой императорский облик, запоминает рисунок моих вен и капилляров, их вроде бы подделать невозможно, а также вносит в капчу прочие характеристики, может быть, количество заряженных кварков и бозонов в моих извилинах.

— Причины?

— Разве не очевидно? — спросил я. — Я же говорю, все погибло! Мир рухнул!.. Только я и остался из руководства... которое было там, на поверхности. Потому вводи меня в курс дела.

Через несколько долгих секунд раздался тот же приятный и строгий женский голос:

— Смена администрирования закончена. Какие будут указания?

— Не будут, — поправил я машинный интеллект, — а уже есть!.. Проверить все системы, исправить все, что можно исправить здесь и сейчас. Мусорные файлы не удалять, потом еще пороемся, но из исполняемых убрать в карантин.

— Делаем, — ответил голос, — это займет полторы минуты...

Точно не квантовый, мелькнула у меня мысль, тор-мознутая здесь аппарата. Или заодно ремонтирует не только софт, но и харды?

— Проверка закончена, — доложил голос.

— Анализ, — потребовал я. — Доложить о резуль-тате!

— Повреждено девяносто восемь и семь процента системы управления, — сообщил голос. — Еще три процента информации можно восстановить. Осталь-ное невосстановимо.

— Чё так?

— Механические повреждения.

— Жаль, — сказал я, — а как насчет бэкапа? В смысле, важные данные должны дублироваться и храниться отдельно!

— Это и есть самое важное, — доложил голос. — Системы жизнеобеспечения. Остальное разрушено полностью.

Я поинтересовался:

— А чью жизнь обеспечивают?

— Теперь вашу, — доложил голос. — А до этого си-стема была на временном отключении ввиду эконо-мии энергии.

— Сейчас тоже, — предупредил я, — шиковать не надо. Я здесь только с инспекцией, как Верховный Администратор с правом абсолютного доступа. Как уйду, все свести до минимума. Как-то восстановить уровень энергии до прежней возможно?

— Нет, — ответил голос бесстрастно. — Силовые установки разрушены.

— Восстановлению не подлежат? Или можно?

— Не подлежат.

— Гм, — сказал я, — а запасные системы? Склад с запчастями?

— Не осталось специалистов, — ответил голос.

— А роботы-ремонтники?.. — спросил я брюзгливо. — Ладно, понял. Только стационарные?.. Им привезти и положить на стол, тогда чинить начнут?.. Ладно, разберемся. Я хоть и Верховный Админ, но начинал с простого пользователя в ранге оруженосца, все ступени прошел, не постыжусь и с тележкой появиться на складе... А то и принести, я не гордый, хотя, конечно, титул обязывает... Только мне все равно нужно знать, что взять и куда покласть.

Голос сообщил:

— Прорабатываю логистику. Недостает энергии.

— Чё, — пробормотал я, — в самом деле? Дикари-с!..

Пусть все разряжено, но есть же память на мнеморезисторах? Независимая от энергопотребления?.. Эй, Клара, просыпайся!.. Я верховный администратор, повелеваю доложить, в каком состоянии ключевые узлы жизнеобеспечения!

Долго ничего не происходило, я уже поднялся, готовый идти в следующий зал, но из стены донесся слабый голос, в котором я уловил знакомые женские нотки:

— Код... доступа?

Я ощущал такой прилив ликования, что едва не заорал в восторге, но выпрямился и ответил как можно четче:

— Перезагрузка!.. Я назову новый код.

Тот же голос повторил без интонации:

— Код... доступа...

— Плохо слышу, — ответил я. — Добавь себе громкости!.. Клара, исправь все, что мешает твоей полно-

ценной умственной и прочей работе. Неужели все батареи разрядились? А что насчет дециллиона циклов перезарядки, вранье? Реклама?

Голос произнес еще тише:

— Перезагрузка... Только админ... и только вручную...

— А где кнопка? — спросил я. — Где кнопка? Если тут жили не филигоны, то кнопка где-то поблизости? Да говори же!

Наконец я обратил внимание на щиток, закрытый на толстые металлические скобы, а дырочки для ключа нет, что понятно, реагирует только на личность.

— Мы же творческие люди, — пробормотал я с угрозой, — смекалка наша где?.. Где смекалка?.. Ах да, она же на поясе...

Некоторое время возился, пытаясь расцепить пряжку, хотя вроде бы дело не в пряжке, сопел, пыхтел, вздрогнул, когда в проеме распахнутой двери показалась тонкая фигурка Жанны-Антуанетты.

— Ваше величество, — сказала она жалобно, — вы велели остаться, но вас так долго нет, а мне так страшно!..

— А здесь весело? — спросил я сварливо.

— Еще страшнее, — призналась она. — Но здесь же вы!.. Вы от всего спасете.

— Я такой, — подтвердил я. — Так спасу, мало не покажется.

Она увидела мои попытки расстегнуть пояс.

— Ваше величество, позвольте...

— Позволяю, — буркнул я пристыженно. — У меня пальцы толстые...

— У меня тонкие, — ответила она, — и я видела, где там сцепилось...

Она присела, шурша ворохом платьев, протянула руки, почти касаясь лицом моих брюк. Я смотрел поверх ее головы, возилась долго, мне уже показалось, что расстегнула и тот ремень, что поддерживает брюки, но все-таки щелкнуло, пояс с лязгом обрушился на пол, а брюки, слава богу, остались.

Я торопливо наклонился за поясом, едва не стукнувшись с маркизой лбами.

— Спасибо! Ногу не ушибло?

— Убрала, — ответила она. — Ваше величество?

— Вы просто чудо, — сказал я. — Маркиза, теперь вижу, мода вечна и вообще изначальна! Женщины ее чувствуют, как ежики весну. Надо же, как вы легко!

Она бледно улыбнулась, а я с поясом в руке подошел к щитку. Болтер вытащить не сумел, со злостью повернул пояс так, чтобы ствол этого заклепочного молотка смотрел по касательной на скобы.

— Давай, — велел я. — На полную мощь!.. Ну?.. Что тебе нужно еще?.. Где тут нажать...

Жанна-Антуанетта отступила на шаг, глаза распахнуты в тревоге, я какой-то не совсем понятный император, пусть даже с далекого Севера, где все не так, но все-таки...

Я давил на спусковую скобу, сам чувствовал, что жму сильно, но выстрела нет, нажал сильнее, до упора, никакой реакции.

— Спасибо и за то, — пробормотал я.

Жанна-Антуанетта спросила тоненьким голоском:

— Ваше величество?

— Выдохся, — пояснил я. — Заряд кончился. Только подразнил... но спасибо и за это.

Она смотрела непонимающими глазами, а я вернулся к разорванным извне или снаружи агрегатам, обломки так и лежат в красивом беспорядке.

Маркиза охнула, когда я вернулся с металлической штуковиной, похожей на метровый отрезок железнодорожного рельса.

— Ваше величество?

— Все в порядке, — заверил я. — Такой вот я эстет-неандерталец с высоким челом и задумчивым взглядом.

Она вздрогнула от звона металла по металлу. Я начал поднимать тяжелый обломок для второго удара, но толстая крышка слетела и запрыгала, позвякивая по полу. Думаю, здесь все проржавело или как-то еще, говорят же про усталость металла, вот он и устал, даже изнемог, мне можно было бы и руками, упустил возможность показать женщине крепость мускулов.

За внешним толстым кожухом еще дверка щитка, но уже без запоров, открылась тоже с трудом, будто проржавела, я с дрожью уставился в небольшую панель, где всего две кнопки, обе одинакового серого цвета.

— Эстеты, — сказал я с отвращением, — минималисты! Лень покрасить?.. Ладно, если первая вырубает, то вторая врубает?.. Могли бы одну, перезагрузка, и усе... Ладно, при женщине мы рискуем чаще всего... Но без них не вышли бы даже из пещер, так что, маркиза, спасибо, что не даете полежать и помечтать.

Жанна-Антуанетта ничего не поняла, при чем здесь пещеры, никогда мы там с нею не были, но спорить не стала, хоть и женщина, а я с сильно стучащим сердцем нажал первую кнопку.

Ничего не случилось, но я некоторое время прислушивался, почти не дыша, однако все-таки ничего, как бы медленно ни работал машинный мозг, что уже явно сипется, но не сработало.

Печалит, но, с другой стороны, если все и так уже издохло, то чего еще ожидать?

Вторую кнопку нажал, прислушался, и хотя снова ничего не услышал, но как-то ощутил, что в недрах исполинского скайбагера нечто проснулось, началась проверка нейронов, аксонов, дендридов, потом их иерархии, связей, наконец-то дошла очередь до мышц и сухожилий.

Голос Клары, уже более отчетливый и ясный, произнес с прежними бесстрастными интонациями:

— Проверка закончена.

Маркиза охнула и отпрянула, а я потребовал воспрянувшим голосом:

— Доклад!

— Двигатели повреждены, — доложил голос, — восстановлению не подлежат. Топлива нет, системы жизнеобеспечения не работают. Установки разрушаются...

Я выслушал, кивнул. Конечно, будь я здесь один, дал бы деру, но со мной женщина, да не просто женщина, а красивая, и по непроверенным, но заслуживающим доверия данным, вроде бы самая-самая в империи, потому я, как любой самец, желающий выглядеть доминантом, набундючился и произнес государственным голосом:

— Разрушение остановить или хотя бы замедлить! Составить план по восстановлению важных объектов, затем неважных, а потом остальных. Ничего не демонтировать, беречь базы данных. Об исполнении доложить.

— Код доступа?

— Код доступа новый, — распорядился я. — Как насчет системы распознавания лиц?.. Всмотрись в мое

исполненное благородства лицо, выдели и запомни все характерные точки, расстояние между глазами, рисунок вен и капилляров, узоры радужной оболочки... Сумеешь? Кто появится с этими характеристиками, тот и есть Верховный Администратор.

Голос ответил тут же:

— Принято. Код изменен. Указания?..

— Жить, — сказал я внушительно, — и работать!..

Первый вопрос — как доставляли экипаж на борт? Второй — как вертали взад на землю?.. Но можно эти два животрепещущих объединить, разрешаю.

Голос ответил моментально:

— Вопрос непонятен.

— Ты не искусственный интеллект, — определил я. — Хотя искусственный, верю, но не общий, а часть системы, верно? Не связанная с остальными. Наверное, чтобы не перегружать, а то зависнете.

Голос ответил без паузы:

— Да, у всех свои функции.

— Тебе придется, — сказал я с сочувствием, — принять на себя функции павших товарищей!.. Вот как я, был беспечным оруженосцем, а теперь вот работаю в поте лица императором. Так и тебя повысим в звании и дадим соответствующий титул...

За спиной Жанна-Антуанетта жалобно пискнула:

— Ваше величество!.. Вы разговариваете с чужеземным демоном!.. Как можно ему титул?

— За важные услуги, — пояснил я, — может, он арап Петра Великого?.. Маркиза, простите, я не заметил, что вы едва на ногах...

Ее прекрасное лицо осунулось, румянец исчез, краше в гроб кладут, хотя, конечно, одухотворенность и все такое прихрамывает, но, когда я обратил на нее

взгляд, с достоинством выпрямилась и постаралась выглядеть, как бренд под взглядами конкурентов.

— Маркиза, — сказал я с раскаянием, — это моя вина!.. Да и ночь уже на дворе. На этом дворе. Давайте, я вас верну на землю? Отоспитесь, а завтра продолжим.

Она устало посмотрела с подозрением:

— А вы?

— Поковыряюсь малость, — пояснил я. — Оказываются, тоже люблю грабить могилы. Это романтично называется археологией. Грабить людей уже нельзя, а могилы еще можно.

— А потом?

Я пожал плечами.

— Прикорну где-нить.

— Нет уж, — возразила она решительно. — Я останусь. А то передумаете.

— Передумая спасать Антуана? — переспросил я. — Маркиза, как вы могли подумать! Я только о нем и думаю!..

Ее прекрасные глаза наполнились слезами и заблестели, как две утренние звезды.

— Ах, ваше величество...

— Тогда вон туды, — велел я. — Там что-то вроде альтанки, пусть даже больше похожа на цех, но все равно альтанка, ибо так желает император.

Глава 2

Зал для отдыха, который я назвал альтанкой, уж и не знаю, для чего использовался на самом деле, но очень удобные диваны я заприметил издали, на диванах даже спать можно, не только сидеть.

Тем более что я, как распространяют слухи, могу спать и на камнях, завернувшись в плащ, пусть знают, какой у них император, но если честно, в самом деле могу спать на камнях, никакой это не подвиг.

Маркиза, несмотря на все старания идти рядом, отстала, а когда я оглянулся, успел увидеть страдальческое выражение на ее смертельно-бледном лице.

Я охнул:

— Вы еще и хромаете, Жанна!

— Ногу натерла, — ответила она тихо.

— А не подвернули? — переспросил я.

Она ответила слабеющим голосом:

— Ваше величество... я приму ваш совет...

— Да-да, — сказал я заинтересованно, одновременно стараясь понять, какой именно совет, я же люблю их раздавать бесплатно, выказывая, какой я красивый и умный. — Говорите!

Она, бледная и трепещущая, как осинка на северном ветру, взглянула на меня умоляющими глазами.

— Я сейчас упаду, — сообщила она слабеющим голосом, — для меня это...

— Вы мужественная женщина, — сообщил я. — Не считите за оскорбление, вы вообще-то женственная, но вашу стойкость я уже оценил. Присядьте вот здесь... Да-да, спинка этого дивана высокая, закрывает от злобы дня и злой мебели. Можете прилечь и закрыть глаза, чтобы не видеть здешней ужасающей роскоши и отвратительной красоты!

Она дала себя усадить на диван, если это в самом деле диван, а не элемент аппаратуры, я мягко нажал на плечи и уложил на спину.

Она взглянула снизу вверх с понятным любому мужчине вопросом в ясных глазах. Я покачал головой,

подложил ей под голову нечто типа подушечки и отступил на шаг.

— Поспите, маркиза. Мне осталось немного, только начать и кончить, вот такой я вздрюченный, простите за вульгарность. А потом я в вашем распоряжении. Или хотите перелечь на другой диван?

Она ответила устало:

— Они все одинаковые.

— Да? — переспросил я. — А вы точно женщина?.. Они всегда перебирают шляпки, а потом уходят в той, в которой пришли. Тогда, если доверяете выбор мне, оставайтесь на этом. Выглядит как-то солиднее... Ложитесь, да ложитесь же!

Она лежала с покорностью на лице и, все так же глядя снизу вверх, сказала жалобно:

— Я знаю, ваше величество, в постели я неинтересная, служанки и то лучше, они все такие мягкие и толстые! Но сейчас их где возьмешь для ваших телесных нужд? Потому сделаю все, что в моих слабых силах, чтобы вы заснули хорошо, а утром были в хорошем состоянии тела и духа.

Я запротестовал:

— Что вы, маркиза!.. Не стоит так уж стараться. Мужчина должен уметь справляться с позывами питекантропа сам. Как святой Антоний или не святой Уайльд, был и такой со своими методами, но справляться можно, примеров много.

— Ваше величество, — возразила она, — полагаю, со мной это справляние сделать легче!

Я ответил с обидой:

— Вы считаете меня человеком без фантазии?.. Впрочем, понимаю и ценю ваше желание внести и свою лепту в дело борьбы за спасение вашего мужа.

Хотя, конечно, ситуация щекотливая, Антуан сейчас как бы с нами, но мы можем в рамках ритуала делать все медленно и печально.

— Ваше величество? Мы?

Я пояснил:

— Принимаю ваши услуги в деле восстановления моего здоровья. Можете начинать. Щас только штаны сниму.

— Ваше величество?

Я отмахнулся:

— Да это так, мысли вслух. Люблю поговорить с собой, умных собеседников где теперь найти?.. Маркиза, поспите и наберитесь сил. Это монаршее повеление. Насчет моего состояния тела и духа как-нибудь в другой раз. Под кустом черемухи и под пенье соловья. А сейчас это как-то нехорошо, хоть и приятно.

Она пробормотала в замешательстве:

— А допустимо по дворцовому этикету спать в вашем присутствии?

— Маркиза, — воскликнул я, — мы не во дворце!

Она слабо, но с достоинством возразила:

— Приличная женщина всегда должна держаться так, словно она во дворце и на нее смотрят!

— Вы самая приличная, — сообщил я. — Вы делаете все просто изумительно. Честно говоря, не ожидал. Вы в самом деле лучшая из женщин. А теперь спите. Все безукоризненно и по дворцовому протоколу. Это я как непотомственный император говорю!

Она заснула быстро, согнувшись в калачик, а мордочку уткнула в коленки, тихая и смиренная, как зайчик, даже не засопела, никакого привычного женского храта.

Я отошел на цыпочках, в раскаленном от жарких мыслей черепе возникают смерчи и ураганы, идеи настолько дикие и чудовищные, что вполне могут быть правильными.

На скайбагерах наверняка должны быть какие-то средства сообщения с землей помимо телепередач. Вряд ли там все необходимое творили из пространства, наверняка существовали грузовые лифты, погрузчики, космические баржи или хотя бы одиночные челноки на одного-двух человек.

Скорее всего, существовало все. Огромную баржу не станешь гонять ради одного человека, а в одноместной ракете не поднимешь большой полезный груз.

Значит, нужно искать. Негоже гонять чудовищную Багровую Звезду Зла по мелочам, иначе бояться перестанут, а уважать так и вовсе.

Из зала для курящих, так я его назвал за неимением другого определения, вышел на цыпочках, чтобы не будить маркизу, оглянулся.

Внутренности стен, как и в остальных помещениях, как догадываюсь, покрыты пленкой, что служит экраном, иначе изображение не высвечивались бы в любом ближайшем от запрашиваемого месте.

Странное ощущение, словно здесь перемешались варварство и высокие технологии. Похоже, когда внизу катастрофнуло, здесь высоколобые оказались отрезанными от большого мира. Спуститься возможности нет, а прежний уровень поддерживать не удалось, потому что все необходимое в скайбагер доставляли с поверхности.

На своих ресурсах протянули недолго, а если и организовали какие-то оранжереи, то всех не прокор-

мить, а это чревато схватками не просто за ресурсы, а уже за кусок хлеба.

Я потер кольцо, но это по привычке, на самом деле достаточно приложить к нему палец для активации, древние маги таких тонкостей не знали.

— Серфик, — сказал я ласково, — явись пред прекрасные очи своего повелителя!

Ничего не произошло, я прижал подушечкой пальца сильнее, выждал, потер по уже вытертой поверхности с магическим именем, позвал громче, но тишина и пустота снова, огонек перед глазами не появился.

Похоже, Серфик, как и все остальные демоны, в машинном мире, как и в Маркусе, появляться не может.

— Ладно, — сказал я шепотом, — перебьемся. Не тем макаром, так этим. Человек — скотина изворотливая и весьма изобретательная. Что-то придумаем.

Жаль, конечно, что демонам сюда запрет. Поручил бы таскать, подавать и поддерживать на горбу в обмен на свободу. Ладно, я император не гордый, физическим трудом надо гордиться.

На всякий случай вернулся в зал для курящих, Жанна-Антуанетта в той же позе спит так мило, что я поиском глазами, чем бы укрыть, она так жалобно скрючилась и поджала задние лапки, что ничего не могу поделать с этим древним инстинктом, велящим защищать свою самку.

И хотя самка не моя, но инстинкт этой новомодной ерунды не признает, моя — и все!.. Все женщины в пределах досягаемости — мои. А что не в пределах — досягнем и повяжем.

Одеяла не отыскал, хотя их, возможно, и не существует в этой фазе общества, но вспомнил, в чьем шкафчике видел нечто напоминающее роскошный плащ, принес и укрыл маркизу, заботливо подоткнув края, чтобы не дуло.

Она плямкнула губами, лицо все еще бледное, но уже умиротворенное, я отступил на цыпочках и тихонько направился в командный зал.

— Клара, — сказал я с порога, — надеюсь, не спиши?.. А то кто знает, что ты за электрическая овца... Что нужно сделать, что запустить основные агрегаты?.. Точнее, что нужно сделать, чтобы начать запускать?..

Голос ответил незамедлительно:

— Полный ремонт возможен только в условиях... стационара, так у вас говорят?..

— Погоди, — остановил я. — О полном нет и речи, я же не дурак, хоть и красивый. Мне важнее пока что, как и любому демократу, личные интересы и мотивы. Как сделать, чтобы можно было покидать скайбагер по своей воле и попадать в него? Не привлекая Багровую Звезду Зла?

— Невозможно.

— Ремонт только в стационаре?

Голос Клары на какое-то мгновение замедлился:

— В исключительных случаях можно и здесь, но нет погрузчиков.

— А ремонтные работы?

— Таких нет, есть помещение с манипуляторами.

— И что туда доставить?

— Клаугангер или апернис, но нет погрузчиков...

Я сказал с чувством полнейшего превосходства:

— Человек потому царь природы, что он и царь, и царь-плотник. А то и каменщик, как Гильгамеш ка-

кой. Покажи, что нужно тащить и куда тащить? Я, хоть император и даже Верховный Админ, могу помочь. Ну, подтащить что, оттащить... Я не гордый император, если мне что надо.

— Нужно аперникс, — сказал голос, — клаугангер и дезагендер.

— Всего-то? — спросил я. — Лехко!.. А что такое аперникс?.. И это, клаугангер и дезагендер?.. А так все сделаем, это важно.

Голос ответил с той же бесстрастной интонацией:

— Сделать невозможно.

— Почему?

— Управляющие блоки разрушены.

Я стиснул челюсти, чувствуя поражение, но спросил на всякий случай:

— Управляющие блоки... у них свой интеллект?

— Да.

— Ты можешь взять на себя их функции?

— Нет, — ответил голос. — Мы разъединены.

Я спросил на всякий случай:

— А соединиться можешь?

— Нет, — сообщил голос. — Для этого нужны кабели.

— Понятно, — сказал я для того, чтобы сказать хоть что-то, пока череп трещит от попыток как-то обойти этот запрет. Догадываюсь, местные предпочитали держать части машинного интеллекта изолированными один от другого из опасения, что в объединенном виде может то ли обрести сознание, то ли начнет рулить скайбагером по-своему. — Клара, расскажи подробнее, что сделать, чтобы и остальные части машинного разума стали тебе доступными?

Несколько часов я таскал, ворочал, кантовал, Бобик все время мешался под ногами, делая вид, что помогает, в одном месте пришлось обрушить полстены, чтобы проволочь некие тяжелые ящики с запасными блоками. Точно не сингулярность, слишком грубые и тяжелые инструменты. Хотя, возможно, это уже работа тех, уцелевших? Пытались хоть что-то восстановить после катастрофы, но не успели или чего-то не хватило.

Наконец моя работа императора-подсобника подошла к концу, это я понял по тому, что перестали поступать команды типа подать-принести-убрать-подсоединять, а за непроницаемыми кожухами агрегатов что-то начало шуршать, потрескивать, даже похрюкивать, уцелевшие механизмы просыпаются от многотысячелетней спячки и пытаются понять, что от них хотят.

— Хорошо прошла ночь, — сказал я. — Скажи кому, что я уединился с красивой женщиной, где уложил ее спать без задних ног, а сам таскал ящики... скажут, брехло это, а не император!

— Непонятная информация, — ответила Клара.

— Проехали, — ответил я велиководушно. — Что дальше? Что требуется, чтобы запустить нужную нам процедуру?

— Какую?

— Нужную народу, — пояснил я. — Император олицетворяет всю кинетическую массу народа, а еще ее может олицетворять админ. Что нужно админу, народу просто необходимо, хотя он об этом и не знает. Главное в мире — средство передвижения! Конечно, с земли на скайбагер и обратно, остальное ерунда и тлен. Короче, как тут передвигаются?

— Ответ вам известен, — последовал ответ. — Вы передвигаетесь.

— В смысле, ножками-ножками? А если быстро и на большие расстояния?

— Аперником, — ответила Клара, — но все разрушены, только что проверено.

— А восстановить?

— Невозможно.

— Разруха, — определил я. — Развал. Либерализация производства. Ладно, демократы всегда с удовольствием применяют законы военного времени... Кстати, мы говорим о стандартных средствах доставки на челноках и баржах, а что, к примеру, насчет экстренных случаев? Если кому-то нужно покинуть корабль крайне срочно?

Голос ответил без запинки:

— Это в ведении только верховного командира.

— Дык это и есть я, — напомнил я. — Отныне и навеки!.. Верховнее некуда. Как это делал командир?

Глава 3

Голос помедлил, видимо, еще не все файлы из подключенных блоков усвоил и разложил по директориям, или даже дефрагментирует и чистит от мусорных хвостов, наконец произнес с той же равнодушной интонацией:

— У него личное устройство.

— Прекрасно, — сказал я. — Перемещался при помощи того устройства по этой... небесной лаборатории? Или это завод?

— Вопрос непонятен.

— Неважно, — сказал я. — А на землю и взад?

— Да.

Я с трудом сдержал ликование, сказал быстро:

— Клара, где комната верховного командира?

— В квадранте эф-семьдесят.

— Не умничай, — посоветовал я, — ты пальцем покажи. Или говори, куды итить. Я иду искать!

Маркиза еще пару часов поспит, хорошо, не обязательно ей присутствовать при моих поисках, вдруг окажутся неудачными, а кто из нас горит желанием показывать женщинам наши промахи?

Возможно, когда-то здесь был тот идеальный вариант, когда большие группы поднимались на скайбагер с помощью чего-то типа силового луча, направленного на особую площадку. Туда набирается необходимое количество народа, затем — р-р-раз!.. и все в силовом коконе доставляются за считанные секунды на такую же площадку внутри скайбагера.

Есть, правда, и продвинутый вариант, когда без специальной площадки, но это будет дороже и потребует тщательнейшей настройки, но это я вообще раскатал губы, хотя это свойство и сделало из трилобита человека.

— Ты меня слышишь? — спросил я на выходе из центра управления. — Или как?

— Могу отслеживать, — ответил голос. — Через реанимированные системы контроля и наблюдения. Если не увижу, то определю по вибрации.

— Обижаешь, — сказал я, — не так уж и топаю. Может, еще какие блоки подключить?

— Нет, — ответил голос. — Разрушено.

— До комнаты командира далеко?

— Если передвигаться с вашей скоростью, то две-надцать с половиной минут.

— Сделаем, — ответил я бодро.

Бобик будто понял, унесся вперед, хотя скорее ориентируется на мой уверенный голос, а это значит, можно развиться, все хорошо, прекрасная маркиза, хотя мог бы сказать, все хорошо, прекрасный Бобик...

— А что за особый девайс у командира?

Голос ответил с сомнением:

— А вы в самом деле Админ?

— Клара, — сказал я с укором. — Разве не похож?

Она напомнила строго:

— Админ должен знать больше машинных помощников.

— Я только вступил в должность, — напомнил я. — А ты меня со своими добавочными мощностями вводишь в курс дела. Когда разберусь, буду распределять, кого вешать, кому рубить платы. У вас что, в самом деле нет тележек для передвижения?

— Есть. Около двухсот штук.

— Кати сюда одну! Самую красивую и чистую.

Ее голос ответил, как мне показалось, с ехидцей:

— Их в целях экономии отключили первыми.

— Эх... но теперь подключить можно?

— Можно. Но у них изъяты платы памяти и аккумуляторы. И колеса.

Я вздохнул.

— Ладно, я простой Верховный Админ, не гордый. Веди!

Едва я торопливо вышел в коридор, из зала отдыха еще торопливее выскочили Бобик и маркиза. Бобик бросился на шею, но я устоял, а Жанна-Антуанетта церемонно присела, придерживая растопыренными руками края платья и целомудренно склонив голову.

— Маркиза, — сказал я виновато, — вас разбудил этот толстый жрун с наглой мордой?.. Я его накажу!

— Ваше величество, — запротестовала она, — я проснулась сама! А он только сообщил, что вы близко...

— И вы его поняли? — спросил я с сомнением. — Что значит близость к природе... Хорошо, но не отставайте. Я в поиске неведомого, в таких случаях мужчин всегда заносит. И даже женщины не остановят на скаку.

Она поспешила следом, а толстый жрун с наглой мордой начал в нетерпении нарезать вокруг таких черепах круги, ползут, хотя могли бы бежать и даже прыгать, трудно понять этих странных людей.

Похоже, Клара все же наблюдает за мной, из стен иногда слышались короткие подсказки, куда повернуть и куда подняться, в скайбагере лестниц и подъемов не меньше, чем в Маркусе, хоть и не такие масштабные, а когда мы подошли к указанному отсеку, там щелкнули электромагнитные замки, дверь приоткрылась.

Помещение громадное, я остановился на пороге, чувствуя некую ауру. Похоже, общество было сословное, еще как сословное. Впечатление такое, что здесь жили короли. Пусть даже короли хай-тека: богатые, знатные и не упускающие ни одной из привилегий своего ранга или титула.

Мебель и даже стены отделаны дорогими породами дерева, а поверх еще и накладками из золота и серебра. Много совершенно нефункциональных фигурок, слишком изящных и мастерски сделанных, чтобы быть полезными в работе.

Похоже, это холл, зона отдыха командного состава, а дальше в покрытой золотом и картинами в рамках

стене расположились на приличном расстоянии одна от другой двери. Ясно, такие просторы не для низшего класса техников.

— Ну, — сказал я, — если не мы, то кто? Или если не здесь, то где?

Клара помолчала, вопрос чисто человеческий, в смысле — красивый, но глуповатый и без всякой информации, но Жанна-Антуанетта, что никакого не поняла бы, жалобно пискнула:

— Ваше величество?

Я пояснил свысока:

— Умничаю я, маркиза, умничаю. Приходится, чтобы. Иначе не совсем как бы.

Она вздохнула.

— Ваше величество, вы все-таки мужчина.

Дверь бесшумно ушла в сторону, что значит, мое верховное администраство за неимением конкуренции признано уже всеми системами из числа уцелевших.

Я осторожно заглянул, странно знакомое ощущение, словно вхожу в квартиру знатного барона, богатого и могущественного, что оснастил жилище экранами во всю стену и всякого рода непонятными пока приборами.

То, что это экраны, догадываюсь, хотя там никакой жизни, но само покрытие, серебристое и антибликовое, как бы подсказывает, что там появлялись всякого рода картинки.

Мебель, если это только мебель, выглядит роскошной и удобной, столы из дорогих пород дерева, ножки облеплены замысловатыми фигурками, а столешницы с золотыми узорами, утопленными в идеально ровную поверхность.

— Здесь наверняка жил маркиз, — сказал я авторитетно. — Чувствуете, все здесь маркизье?.. Даже

от стен веет маркизантностью, словно маркитантки здесь и ночевали.

Она сказала зябко:

— Антуану бы не понравилось...

— Маркиза, — ответил я, — вон там просто неприлично удобное кресло!.. И кушетка, какая кушетка!.. Нельзя позволять себе такой разврат. Настоящий мужчина должен спать на голых досках, камнях или вообще на чем-то голом. Тем более военный, хоть и маркиз. А вам можно. Вам можно все!

Она вошла робко, спросила очень серьезным голосом:

— Здесь жил военный?

— Ну да, — подтвердил я, — это же заметно. Вон на стене мечи и прочие атрибуты древнего времени! Не перестаю удивляться, до чего же эта любовь к старине живуча даже у гуманистариев. Особенно к холодному оружию.

Она явно не поняла, что такое холодное оружие, осматривалась опасливо.

— Чувствуйте себя свободнее, маркиза!

Она произнесла печально:

— Полагаете, здесь держали моего Антуана? Но, видимо, успели перевезти в другое место?

— Они такие, — подтвердил я. — Хитрые и коварные. А вот мы бесхитростные и честные до дурости. Ну, не до последней, конечно, а так, чтобы не уступать мерзавцам и шантажистам. А лучше превосходить на их же поле.

Она посмотрела на меня с надеждой:

— А вы не уступите?

— Вы ж не уступите? — ответил я вопросом на вопрос. — И не дадите уступить нам, мужчинам, что

слишком уж благородные и уступчивые. За каждым сильным мужчиной тихонько стоит слабая женщина, что не дает ему уступать в спорах, войнах и торговле недвижимостью.

— Я тут постою, — пообещала она, — у входа.

— Да, — согласился я. — Смотритесь красиво, как картина в рамке. Рамка вообще-то весьма.

Я сделал шаг вперед, все еще осматриваясь настороженно. Чужое помещение все-таки, вдруг здесь строго с личным пространством. Тем более что чувствуется людской дух, а не каких-нибудь филигонов, как иногда думалось, у гениев мысли бывают причудливыми. Все понятно, конечно, в том смысле, что все непонятно, но смутно знакомо, как филологу в мире технократов, когда ни одной детали не знает, но общую картину схватывает, анатомия и физиология у технарей такая же, как и у филологов, запросы и требования к технике и женщинам примерно одинаковые, как и эргономика.

Я осторожно прошелся по комнате, аппаратуры вроде бы нет, все замаскировано под бытовую мебель или просто встроено. Наверняка и кофемашина есть, управляемая силой мысли, выдаст любой сорт кофе по любому рецепту. Точно есть и менее важные агрегаты, к примеру, следят за здоровьем хозяина и поддерживают в нем оптимальный уровень работы внутренних органов, когнитивных способностей и всяких там неизвестных холестеринов.

Жанна-Антуанетта с порога по сторонам не смотрит, взгляд постоянно устремлен на меня. Я поклонился, все время ждет с робкой надеждой, что вот сейчас вытащу из какого-нибудь дивана причудливой формы, как фокусник из шляпы зайца, ее Антуана.

Такая женская вера в нас льстит, но и обязывает, что никакому мужчине нравится, как любые из обязанностей, даже если это супружеский долг.

Я настороженно осмотрелся, узнавая в богатом интерьере столы рабочий, обеденный и для приема гостей, роскошное ложе, бароны и маркизы везде одинаковы, прошелся до длинного шкафа во всю стену.

Ну да, гардероб на все случаи жизни, десятки нарядов, камзолы в золоте, в серебре и золоте, с уже нацепленными бляхами отличия и, видимо, орденами...

Еще два шкафа для десятков видов сапог, все-таки есть в нас, мужчинах, что-то такое, что не дает полностью отказаться от этой чисто мужской обуви, хотя в туфлях, конечно же, удобнее и легче...

Еще шкаф, где вся задняя стенка плотно завешана то ли орденами, то ли затейливыми украшениями в виде звезд с разным количеством лучей, от двух до дюжины и больше, золотых и серебряных комет, их больше всего, что-то с этим явно связано. Часть украшений один в один амулеты, но вряд ли в техническом обществе позволено заниматься магией, такое наверняка приравнено к наркотикам.

Жанна-Антуанетта с порога жалобно нявкнула:

— Ваше величество, Антуана могли спрятать в шкафу?

— Могли, — согласился я. — Самодуры!.. Сатрапы!.. Потому с ними нужно быть осторожнее и тщательнее. И проверять каждую мышиную норку.

— Его могли в норку?

— Я ж говорю, сатрапы, — подтвердил я. — Уменьшили и спрятали. Но нас не обмануть, расплата будет жестокой. Кому-то не сносить головы и даже титулов.

— Ваше величество!

— А что? — спросил я. — За нашего Антуана не только головы полетят, но и титулов лишим, хоть это и жестоко. Пусть знают все имперские копыта!..

Медленно двигаясь, шел мимо шкафов с непонятными инструментами, но вряд ли рабочими, какой барон унизится до полезной работы, закрывал и шел дальше, наконец распахнул дверцу последнего.

— Скоты!

Жанна-Антуанетта вскрикнула:

— Ваше величество?

— Что за люди, — сказал я с отвращением, — что за люди... Какие здесь мужчины? Этот шкаф должен стоять первым и на самом видном месте!.. И вообще его можно как-то украсить... Просто позор.

Она вытянула шею, стараясь рассмотреть, что же я обнаружил. По ее логике я должен сейчас начинать вынимать бриллиантовые колье, нитки крупного жемчуга, огромные серьги с рубинами, топазами и прочими изумрудами, что вообще-то, на мой взгляд, еще лучше послужили бы в технике.

Однако я осторожно вытащил нечто похожее на пистолет, та же рукоять, ствол, а в нем дульное отверстие, даже спусковая скоба на нужном месте. В шкафу множество вещиц, очертаниями напоминающих и арбалеты, и гранатометы, но я не мог выпустить из ладони пистолет, мужское чутье подсказывает, что это на самом деле то, что было сперва примитивным луком, потом превратилось в сложный арбалет, затем долго модифицировалось от кремневого пистолета до вот этой штуки, всех возможностей которой не знаю, но куда явно вложен труд всей моши ума человека, так

как ничего лучше он не умеет делать, как убивать себе подобных.

Я взвесил пистолет на ладони и строго напомнил себе, что убиваю как раз не себе подобных, а всего лишь двуногих, а то и вовсе не людей, а живую силу противника, потому убивать можно и нужно во имя прогресса, культуры и гуманизма.

Жанна-Антуанетта наконец-то отважилась переступить порог и тихохонько приблизилась.

— Ваше величество... у вас такое счастливое лицо... вам удалось найти следы Антуана?

— Нашел ключ, — сообщил я, — что поможет добыть ему дверь к свободе! В трудной, неравной, но победной борьбе. Мы всех повергнем, маркиза!.. Антуан будет свободен, как птица!.. Даже как две птицы.

Она смотрела благодарными глазами.

— Ох, ваше величество...

— Верьте, маркиза, — сказал я. — В меня можно только верить, умом не надо. Ум доведет до горя. И вообще, умные люди редко бывают счастливы.

Глава 4

Она не противилась, когда я усадил ее в кресло. На усталом личике промелькнуло выражение ожидания, что вот на этой победной ноте я осуществлю ритуал мужского доминирования, однако я с поклоном отступил, императоры выше математики.

— Отдохните, маркиза, — сказал я. — Я проверю соседние комнаты и тут же вернусь.

Она сказала слабо:

— Я с вами...

— Сидеть! — велел я. — В меня можно верить, я же сказал. Неважно, что там говорит ум. Особенно женский!.. Вы обещали слушаться.

— Ваше величество!

— Сидеть, — повторил я уже отечески.

Она что-то пыталась сказать, но я быстрыми шагами направился к выходу из комнаты.

Вторая комната по размерам такая же, даже мебель одинаковая, разве что в шкафах одежда отличается по размеру, а те же цвета и покрой, что означает униформу.

Третья, четвертая... да, служить здесь было высокой честью, и если жилище простых техников в другой части колоссальной космической станции, а здесь да, герцоги, графы, бароны и прочий благородный люд, хотя у всех, возможно, титулы были совсем непохожие на те, какие приписываю им я.

Последним помещением, как я понял, едва распахнул дверь, оказалась каюта капитана всего скайбагера, или же, как называет его Клара, верховного командира. В смысле, главного на скайбагере, а так может быть адмиралом и даже главнокомандующим.

Вещей у него не больше, чем у других, но все, что заметно с первого взгляда, отличаются большей элегантностью и тщательностью отделки.

Возможно, внутри отличий еще больше, в одинаковых дубовых бочках может быть разный по качеству коньяк, потому я с особой тщательностью пересматривал все личные вещи капитана снова и снова.

На мой взгляд, был настоящим мужчиной, минимум одежды, обуви, зато множество всевозможных девайсов и гаджетов, назначение которых я, конечно,

пытался понять, но вскоре откладывал, в голове ни единой зацепки, а вот пояс взял в руки, сел, положив на колени, и рассматривал уже с требовательностью.

Я снял с крючка и подержал в руках этот странный пояс. Тяжелый, миниатюризация здесь если и началась, то далеко даже до середины пути, чувствую в каждой чешуйке нечто важное.

Примчался Бобик, в карих глазах непонимание, ну как можно вот так долго вертеть в руках эту штуку и ничего не делать? Можно же забросить ее как можно дальше, а он помчится быстрее ветра и моментально принесет!

— Ты прав, — согласился я, — забросить бы...

Пояс не просто пояс, иначе был бы роскошнее и легче, а этот шириной в ладонь, центральная пряжка размером с блин для W-штанги, чешуйки по всей длине пояса покрыты золотом, но слишком уж толстые, выпуклые, но вряд ли удастся хоть одну расковырять...

Бобик помахал хвостом, в глазах читалось: а разгрызть? Давай попробую!

— Щас, — ответил я, — мне только взрыва не хватает. Да еще на борту летательного аппарата. А вдруг бахахнет так, что всю станцию разнесет?..

Он посмотрел с удивлением, типа, и что такого?

— И маркизу испугает, — пояснил я.

Он вздохнул и умчался, а я жадно вертел эту штуку в руках, взвешивал на ладони, чувствуя приятную тяжесть, как же здорово щупать вещь, что дает ощущение мощи больше, чем любая магия!

Видимо, в прошлую эпоху достаточно близко про двинулись в прогрессе, до сингулярности оставалось рукой подать... но не успели, война началась раньше. Или не война, а некий технический сбой, что разом

уничтожил все на земле, а здесь в скайбагерах остались отрезанными от мира.

Океанский корабль из-за своих размеров никогда не подходит к берегу, команда высаживается на лодках или катерах, так и скайбагер не рассчитан на то, чтобы опуститься на поверхность земли, а если попробует, то половина сгорит еще в атмосфере, а на землю упадут оплавленные куски обшивки. Да и если бы сел, развалился бы под собственным весом.

Если на скайбагере и были ученые, то вряд ли сумели создать хотя бы на какое-то время условия для долгой жизни. Скорее всего, все необходимое доставлялось с земли.

Я чувствовал то сожаление, когда рушится некая давняя мечта. И хотя мечте о том, что на скайбагерах смогу отыскать остатки древнего мудрого общества, не так уж много, когда я их впервые увидел?.. но все-таки некое ощущение пустоты.

Пистолет приятно оттягивает ладонь, я поискал, как вставляется обойма, но рукоять литая, присматривался, ковырял, смотрел так и эдак, но что-то странное, неужели все-таки сумели и в такие малогабаритные штуки вставить преобразователи энергии? Чтоб, значит, захватывать ее из пространства, там ее море, и либо стрелять, либо...

В понятном возбуждении я вышел и походил по наиболее разрушенным помещениям, выбирая самые толстые стены переборок, а Жанна-Антуанетта двигалась сзади, тихая и неслышная, как тень, ее присутствие за спиной улавливалось только по аромату тонких, но мощных в духе эпохи духов.

Такие пистолеты, если это пистолет, должны быть настроены на одного хозяина, чтобы не вос-

пользовался противник, так что я пролетаю, но, с другой стороны, если весь экипаж погиб или вымер от старости, то крайне бесхозяйственно ценную вещь отправлять в металлолом, и это должны были учесть.

Я взялся за рукоять и сказал громко:

— Отныне я твой хозяин и никто больше

Пистолет не ответил, а я ощутил себя полным дураком, но, к счастью, Жанна-Антуанетта не понимает, когда мужчина умный, а когда дурак, для нее он в первую очередь мужчина, царь природы, при котором женщина — венец творения.

— Будем служить и защищать, — заверил я пистолет. — С любых высот в любое место!.. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами. Вперед к вершинам!.. Весь мир насилия... преобразуем демократическим превентивным ударом!..

Жанна-Антуанетта зачарованно двигается следом, как робкая мышь за гамельнским крысоливом. Мои слова звучат таинственно и страшно, это даже не слова, как она воспринимает их, а жуткие заклятия, после которых из могил встают сонмы мертвых, но она за широкой мужской спиной, страшно, но все-таки первый удар приму я, самец, а женщины в этом веке еще верят в отвагу и самоотверженность самцов, а те пока еще соответствуют своему назначению.

Я остановился перед толстой стеной, заглянул на ту сторону, никаких агрегатов, только две-три стены пустых отделений.

— Ваше величество?

— Закройте уши, — посоветовал я. — А рот закрывать ни в коем случае! Это так женственно.

Она расширила глаза, рот у нее здесь на скайбагере и так не закрывается, а я вытянул вперед эту штуку в обеих руках и нажал на скобу.

Подалась легко, словно пистолет только что прошел профилактический осмотр. Выстрел грянул отвратительно громко. Руку тряхнуло до самого плеча, будто и не высокие технологии, а в стволе обычные бронебойные патроны с пороховым зарядом.

По зубам садануло, в глазах засверкал фейерверк. Я охнул, опустил пистолет, вот уж идиот так идиот, это хуже, чем чувствовать на губах соленый привкус.

Жанна-Антуанетта вскрикнула:

— Ваше величество!.. У вас кровь!

Я потрогал нижнюю губу, на пальцах липкое, зубы ноют, но целы. Жанна-Антуанетта смотрит встревоженно, я сказал, едва шевеля занемевшими губами:

— Сквозь кровь и боль... но Антуан будет спасен, маркиза!.. Я готов пролить кровь и уже пролил, как видите, потому выше и дальше вглыб! Мы уже начали выполнять важное задание по спасению вашего мужа Антуана.

Она робко протянула мне кружевной платочек. Я промакнул губу, платочек вернул, а пока маркиза прятала его за корсаж, губа перестала ныть, я ощущал, как моментально рассосалась даже радостно собравшаяся наглая гематома.

— Спасибо, маркиза, — сказал я, — вы вносите свой вклад в победу. Со вкладышем!..

— Это же опасно, — спросила она, — или вы справитесь?..

— Ради вашего мужа? — переспросил я. — Ради него я мир переверну!

Ее фиолетовые глаза стали голубыми и засияли, как жемчужины под ярким лучом солнца.

Я прошел к стене, куда стрелял, теперь в ней отверстие с развороченными и оплавленными краями. С радостно стучащим сердцем я сунул в дыру пальцы, пошевелил на той стороне.

Вообще-то легко пролез бы мой кулак. Надеюсь, стена из прочного металла, а то вдруг из крашеной сосны, в той я и сам пальцем пробью дыру больше.

Жанна-Антуанетта смотрит расширенными глазами, так и не поняла, что эту дырку в стене проломил я, особенности гендерного мышления, так папуасы не могли уяснить принципы работы огнестрельного оружия, а я вскинул над головой сверкающий пояс верховного командующего скайбагером.

— Клара! Ты меня слышишь?.. Как это штука работает?

Голос ответил едва слышно:

— Какая? Опишите.

— А ты не видишь?

— Экраны отключены. Нет энергии.

— А восстановить?

— Можно, — ответил голос, — если будет распоряжение.

Ярыкнул:

— Так распоряжаюсь!.. Включи везде, где есть. И вообще я, Верховный Админ, запрещаю тебе помирать, то есть прекращать существование. За аккумуляторами следи, ремонтируй, накапливай для великих дел и свершений, а они воспоследуют!

В стене засветилась точка, расширилась до размеров окошка в деревенском домике.

— Так? — поинтересовался голос. — Можно шире, но энергии мало.

— Ладно, — сказал я, — если поняла, что я держу в руке, покажи, как эта штука работает. И почему такая тяжелая? Пояс штаны поддерживает, а этот как раз снимает!

На экране замелькали картинки, похожие на кадры старой кинохроники. Появился цвет, я всмотрелся, вроде бы то, что мне нужно, и развернулась подробная инструкция для лиц благородного происхождения, как пользоваться универсальным поясом.

Буквы и значки непонятны, даже моя мгновенная адаптация к любому языку не срабатывает, словно здесь все из математических символов, а я в математике вроде Аристотеля в квантовой флюктуации.

— Как включить? — поинтересовался я. — Током не вдарит?..

— Включить можно только на себе, — ответил голос. — С застегнутой пряжкой, это...

— ...предохранитель, — подсказал я. — От чересчур умных. Та-а-ак, подпояшемся... Красиво смотрится?.. Гм, вообще-то в самом деле красиво, и об этом подумали... Что, в самом деле управлять этими чешуйками?.. А если подойду к столу и прижмусь к краю поясом?

— Ничего не случится.

— Точно?.. Ах да, у меня же была такая импульсная плита, реагировала только на кончики пальцев. И то чтоб не холодные, как у жабы.

— На кончики ваших пальцев, — уточнила она. — Только ваших.

Я сказал с энтузиазмом:

— Чешуи тут больше, чем на акуле!.. Или акулы бесчешуйные, как улитки?.. В общем, это весьма как бы... Клара, это все работает?

Ее голос прозвучал так же монотонно:

— Командир пользовался только как транспортом. На поверхность земли и обратно.

— Гуманист, — сказал я с отвращением. — Но это хорошо, не износил. Хотя для меня пока и это главное, но я, как пионер, хочу все знать!.. Я запасливый.

— Да.

Я сказал с высокомерным упрямством:

— Ты давай подробнее!.. И помедленнее, я человек основательный. Этот пояс дает возможность перемещаться со скайбагера на поверхность планеты?

— И обратно.

— Прекрасно, — провозгласил я серьезно и солидно, но внутри уже ходил и даже скакал на ушах, — это как бы весьма зело, чтобы не сказать больше... А по самой планете?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— Краткость, — сообщил я, — сестра таланта, но теша возможностям. Ладно, и то хорошо. Со скайбагера понятно, а вот взад?

— Универнер, — ответила Клара, — как часть скайбагера, постоянно на связи с остальной аппаратурой. И как только поступит команда вернуться, он вернет. Вы тут же окажетесь вон на той платформе. Или только пояс.

Я насторожился:

— Как это? А я?

- Пояс должен быть на вас, — пояснила Клара.
- Всегда?
- В момент возвращения.
- Класс, — восхитился я. — Да я в таком поясе и спать буду!. Он наверняка и о здоровье заботится? Видишь, все заработало!.. Ну, почти все. Полпроцента тоже весьма в данных стесненных инфляцией и кризисом обстоятельствах. А там и до целого процента дотянем, нам бы только времени побольше... Хотя бы пару столетий, чтобы никто не мешал!.. А за тысячу так вообще... Ты готова трудиться?
- Готов, — ответил голос. — Жду указаний.
- Восстановливай усе, — велел я. — Все, до чего дотянешься. Я могу помочь только грубой рабочей силой. Подтащить что или оттащить и бросить. А ремонтные службы не в твоем ведении?
- Нет.
- А могу переподключить к ним тебя?
- Голос ответил моментально:
- Только если отключить Генерального Ремонтного Мастера. А затем включить снова.

Глава 5

Я помедлил, прикидывая, старше или младше по рангу этот Генеральный Мастер, но, возможно, здесь просто независимые блоки, если предположить, что скайбагер строился много лет, а то и столетий, добавлялись новые секции с оранжереями, научными лабораториями, медицинским отсеком и прочими фитнесами, а у каждого свои специализированные программы обработки данных.

— Война, — проговорил я, — это возможности... И хорошая мутная вода для ловли крупной рыбы. Как ты насчет того, чтобы взять на себя и его функции?.. Учи, это повышение в звании и с присвоением титула по шкале Рихтера.

— Это невозможно, — ответил голос.

— А в чрезвычайных обстоятельствах? — спросил я настойчиво. — Если Родина требует?.. Все пропало, мы обязаны спасать то, что можно спасти?.. Я вот не верю, что, получив функции и ремонтника, ты возжелаешь стать властелином мира!.. Ладно, решения принимаю я. Ты пока единственный интеллект, который выжил, тебе тянуть ношу и дальше. Как отключить этого Ремонтника?

— Невозможно.

— Почему?

— Он разрушен. Полностью. Все блоки расплавлены.

— Ого, — протянул я озадаченно, — а как же его функции передать тебе? Я вот подумал и возжелал тебя повысить до Генерального Мастера вообще всего на скайбагере, что еще шевелится. Выше тебя никого кроме меня, ессно. Я вообще выше всех, поняла?

— Понял, — ответил голос послушно. — Но отключить его невозможно.

— Ого, — сказал я. — А если выдернуть кабель?

Мне показалось, что машинный интеллект на какое-то время даже задумался или просто ошелел от такого невероятного варианта.

— Это же, — проговорил он наконец, — невозможно!

— В мире людей возможно все, — сообщил я. — Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Где тот сра-

ный кабель?.. Если не хватит сил выдернуть, то Раскольников еще не такие проблемы решал!.. Топор у вас есть?.. Или с пожарной безопасностью совсем плохо?

Похоже, мою образную речь машинный интеллект понимает плохо, что не удивительно, соратники меня понимают иной раз еще меньше, голос переспросил трижды, потом так же подробно объяснил, что нужно сделать.

— Понял, — сказал я, — значит, я действую, а ты, как говорится, набери воздуха. Я выдерну кабель и воткну снова в то же место. Переживешь?

— Шесть секунд.

— Чё шесть секунд?

— На седьмой секунде замру, — ответил голос. — Навсегда.

— Понял, — ответил я. — Емкая ты!.. Я думал, на мнеморезисторах дольше.

— Шесть секунд, — повторила она. — За шесть секунд нужно успеть переключить все службы на себя. Если не успею... Могут быть сложности ввиду изношенности оборудования.

— Понял, — повторил я угрюмо. — Я не успею — тебе каюк, ты не успеешь — то же самое. Но мы же команда?.. Приготовься, кабель не такой уж и толстый, удав и то солиднее... Если там нет крючков или магнитных присосок...

Жанна-Антуанетта опасливо отошла подальше, я прикинул, как буду действовать, и даже не мысленно, а согнулся и подвигал руками, имитируя, как буду выдергивать, а потом вставлять обратно, чтобы не терять ни мгновения.

— Готов? Начали...

Я ухватился обеими руками за указанный Кларой кабель, рванул, тот удержался, прижал вроде, рванул сильнее и чуть не опрокинулся на спину.

— Есть!.. Один... два... три... Начинаю!..

Попасть согнувшимися штырьками в гнезда никак не удавалось, я уже не отсчитывал секунды, а давил изо всех сил, сдирая налипшее и выравнивая деформированное, а когда наконец удалось вставить обратно, крикнул дрожащим голосом:

— Успел?..

Голос в ответ прозвучал вроде бы тот же, но в нем я ощутил больше обертонов, и теперь в нем отчетливее слышались нотки женского тембра:

— Да. Проверяю ремонтные службы... В готовности ни одной. Все разрушено. Накопители энергии не работают... Один из самых маломощных, для вспомогательных работ, можно восстановить. За сутки наберет энергии для транспортировки владельца пояса командира...

— Великолепно, — ответил я. — Пока погожу, а ты пусти все собранные крохи, да и накопленные на саморемонт! А энергию копи, копи. Я люблю хозяйственных!.. И домовитых. Ты вон домовитая, Клара. Ишь, сколько тысяч лет не покидала кухни!..

Жанна-Антуанетта в сторонке вскрикнула опасливо тоненьkim голоском:

— Ваше величество!.. С кем вы разговариваете?

— А ты разве не слышишь? — поинтересовался я. — Или наш разговор со скайбагером узконаправленный?.. Интересно.

— Он вас слушается?

Я ответил, не поворачиваясь:

— Попробовал бы!.. Я император или не император?.. Здесь усе мое, и везде моя власть. Я хоть и демократ, но самодур. Самодуром жить интереснее, да и обществу польза.

Она опасливо приблизилась и встала рядом, заглядывая мне в лицо восторженными глазами.

— Ваше величество!.. Теперь я верю!

— Да, — сказал я самодовольно. — Мне верить можно. Если сказал, что вдарю, то вдарю. За мной не заржавеет!

Она сказала торопливо:

— Теперь верю, вы сумеете освободить моего Антуана!

— Анту... — повторил я, — ага, вашего мужа? Да это как два пальца о стену. Одной левой, пока правой картинки перелистываю... Не сумлевайтесь, маркиза! Я уже начал, видите?.. Заодно и свои расширяющиеся владения проинспектирую. Я же хозяйственный, пока еще ничего не пропил, в карты не проиграл, на баб не спустил, чем даже и не знаю — гордиться или стыдиться да помалкивать.

— Ваше величество?

— Мужчина должен быть беспечным, — пояснил я, — и всегда пьяным! Но я император, а это уже не совсем понятный всем самец...

Договаривал уже машинально, почти не вспоминаясь, что несу, непонятные речи императора вызывают уважение подданных, пистолет вертел в руках, стараясь заглянуть вовнутрь, но из всех отверстий есть только дуло, остальное будто литой корпус, хотя это немыслимо, там точно внутри сложнейшая установка, преобразовывающая чудовищную энергию вакуума, которую теперь называют темной материи, во

вполне материальные пули огромной разрушительной мощи.

— Ваше величество, — прошептала она, — но если Антуана здесь нет...

— ...то отправимся дальше, — договорил я с державной бодростью в голосе, — и глыбже!.. Но отыщем, я везучий сукин сын. Хотя нет, я везучий император, а сукин сын это в прошлом, как у всех императоров... Ладно, на этом инспекцию пока закончим. Общее впечатление я получил, а детальное как-нить в более свободное время, хотя мы, императоры, вообще-то народ занятой. Пора взад, маркиза!

Она посмотрела на меня с вопросом в больших прекрасных глазах, я пояснил с императорской снисходительностью:

— Вернемся, поедим, выпьем, иначе как думать над следующим шагом ненаеденными? Торопиться нельзя, уважать не будут. Настоящие политики всегда тянут с решением любого вопроса, чтобы казался сложнее, а они тогда смотрятся очень занятыми и незаменимыми.

Она проговорила с нерешительностью:

— Как... скажете... но Антуан...

— Вертаемся, маркиза, — велел я. — Бобик!.. Ты где, моя крохотная собачулечка?..

Маркиза наконец сообразила, что надо возвращаться в еще более страшные внутренности Багровой Звезды Зла, задрожала, как осиновый листок на ветру, но собралась с силами и прошептала:

— Да... ради Антуана...

Мне стало чуточку стыдно, умерил шаг, Жанна-Антуанетта то отставала, то подхватывала обеими руками подол и догоняла быстрыми торопливыми шажками,

я только слышал за спиной легкий перестук ее копытца.

— Ого, — сказал я, — той дороги уже нет, Маркус для нас сделал почти прямую. А вы чудо, маркиза!

— Ваше величество?

— Запоминаете дорогу, — похвалил я. — Вас не-легко будет отвести в лес и бросить!

— Ваше величество, вы меня хотите отвести в лес?

— Еще нет, — успокоил я. — Просто у мужчин бывает такое желание насчет своих жен, любовниц и просто случайных связей... А-а, вот мы и притопали, прикопытили!

Впереди стена из толстого металла, а через зияющую дыру виден багровый и явно живой мир. Маркиза женским чутьем ощутила, что мы во внутренностях живого существа, только не может ни сформулировать такой ужас, ни даже признать, и, похоже, в Маркусе ей так же страшно, как и в холодном мире хай-тека. Думаю, если бы он не был мертвым, было бы еще страшнее.

Едва я перенес ногу через край отверстия и помог выбраться Жанне-Антуанетте, сразу же бодро скомандовал:

— Маркус, возвращаемся! Отцепись от этой штуки... в смысле, заделай дырку и отодвинься. Ну, как-то вот так... Все назад. Оставим, как было.

Жанна-Антуанетта следила расширенными глазами. Мое мудрое и вдохновленное лицо, возможно, выглядит со стороны простого человека, тем более красивой женщины, глуповато, когда сосредотачиваюсь на каком-либо сложном образе с нехарактерной топологией, типа дырки, но да ладно, чем больше женщины не понимают нашей внутренней

красоты и возвышенности, тем больше уважают, хотя, правда, общаться предпочитают с дураками попроще.

Пол все-таки чуть дрогнул, явно Маркус впервые в жизни задевает дыру в обшивке скайбагера, да еще «взад, как было», но когда отодвинулся, я в самом деле не увидел ни дырки, ни следа в корпусе скайбагера, где та была.

Жанна-Антуанетта вряд ли что поняла, для нее что Маркус, что скайбагер одинаково страшное и чуждо, но только начала переводить дух, как сверкающая белыми облаками планета стремительно ринулась в нашу сторону.

Я едва успел обхватить ее трепещущее тельце, она прижалась ко мне, ища защиты, как щенок у большой и всесильной мамы.

— Ваше величество!

Окна застлало на короткий миг белым, Маркус снижается быстро, но не стремительно, как я и велел в прошлый раз, нужно будет отменить, чтобы в городе даже не успели сказать «мама».

— Жанна, — сказал я в плотно закрытую изумительно голубыми волосами макушку, — мы уже дома!.. Распахните изумительные глазки...

Она опасливо приоткрыла один глаз, часть стены перед нами исчезла, а у самых ног радостно пламенеет широкая ковровая дорожка, уходящая в зияющий солнцем провал.

— Нужно только встать вот сюда, — сказал я в макушку с голубыми волосами, — даже спускаться не надо. Здесь эскалайтор!

— Мне все равно страшно, — прошептала она. — Я боюсь высоты.

— Просто сделайте шаг, — посоветовал я, — и закройте глаза... Еще чуть правее...

Она послушно ступила на красную дорожку и плотно-плотно зажмурилась. Я все еще чувствовал некоторый стыд, ибо из всего высокотехнологичного мира взял всего-навсего то, чем можно убивать и рушить. Правда, перед другими не стыдно, им неведомо, что там намного более ценное и высокое, но если я в мире дикарей, то и я дикарь, только самую малость чуть менее дикаристее, но не слишком, иначе не быть мне императором.

Жанну-Антуанетту придерживал только за локоть, сейчас мы уже на виду, торжественно спускаемые из недр Багровой Звезды Зла прямо во двор императорского дворца.

Правда, первым сбежал Бобик, но и он не просто бобик, а больше походит на порождение Маркуса, чудовищный Адский Пес с горящими багровыми глазами, в которых каждый видит отблеск огней ада.

Глава 6

В кабинет набилось народу, пришли даже Волсингейн, Горналь и Гевекс, которых давно не видел, а еще с десяток военачальников, вернувшихся с докладами с дальних окраин империи.

Их на ходу посвящали в случившееся, я видел, как суровые лица светлеют, а губы расплываются в улыбках. Дескать, пусть все несчастья и вызовы будут на таком уровне. Все зло от женщин, потому просто избавься от одной, возьми другую.

— Всем вина, — распорядился я, — а кто не пьет, тем жареного гуся, кабанчика и гору пирожных, пусть мучаются.

На лице сэра Рокгаллера пропало выражение мучительного колебания, но рядом Волсингейн с энтузиазмом потер ладони одна о другую и сказал бодро:

— Мы с сэром Рокгаллером вина, а остальные пусть мучаются с жареным, обжоры несчастные!.. Дорогой друг, а с гусем мы тоже успеем, перед нами лорд Ричард, который везде успевает.

В комнату вошли, чуть запоздав, сэр Альбрехт и Норберт, очень серьезные и что-то утрясающие на ходу. Я кивнул им в сторону стола, ищите места сами, у нас не официальный обед, никакого табеля о рангах.

Из коридора, отпихнув Хурта, вбежал бодрый Бобик, сделал круг по комнате, выискивая тех, кто почешет и погладит, а потом с шумом забрался под стол, справедливо полагая, что наглеть не стоит, могут выгнать.

Рассаживались, обмениваясь новостями, а я, не утерпев, тайком провел пальцами по чешуйкам пояса. Пусть Клара на скайбагере накапливает энергию в единственный еще не рассыпавшийся аккумулятор, опробуем как-нибудь. Жаль, этот пояс позволяет только со скайбагера на землю и обратно, по земле не попрыгать, даже по самому скайбагеру ножками-ножками или на тележке, но все-таки потенциальная возможность передвигаться, не прибегая к помощи Маркуса!.. А по земле у меня есть и другие средства, начиная с моего замечательного арбогастра и заканчивая кольцами Карла-Антона, однако пояс расширяет возможности...

— Все готовы слушать лорда? — поинтересовался я сварливо, гвалт за столом мгновенно оборвался. — Слабые избегают вызовов, избегают схваток, потому выживают... но что это за жизнь? Нам брошен вызов, я его принял. Вчера я начал искать варианты, как обуздать противника...

Все слушают, страшась шевельнуться, я нарочито говорю негромко и внушительно, Альбрехт напомнил строго:

— Ваше величество?

— Да-да, — спохватился я. — Конкретно, что сделано?.. Еще одна победа на пути к большой, даже огромной победе!.. Тот, кто не уклоняется от схватки, кто ищет варианты успешного противостояния, тот всегда...

Альбрехт кашлянул, поторапливая, я бросил на него недовольный взгляд.

— Словом, я побывал на скайбагере!..

Наступило молчание, затем Норберт уточнил:

— Который... вне досягаемости?

— Уже досягнут, — ответил я скромно. — Я досягнулся, побывал, осмотрел, все-таки это наша территория, как и недра в земле, как бы глыбоко не зарылись.

Норберт спросил быстро:

— Ваше величество, кто там на скайбагере?

— Никого, — ответил я с непрятворной печалью. — Не встретил я места для битв и славной гибели в упоминии и яростном гневе, а так хотелось, так хотелось!.. Разруха и запустение. Дохлые пауки в мертвый паутине. Мы с маркизой убедились, что ее Антуана там нет, и вернулись. Все просто.

Военачальники, как полевые командиры, так и умудренные члены Тайного Совета, в изумлении кто

вскинул брови, кто даже распахнул рот, а сэр Горналь прошептал восторженно:

— Император у нас, ребята, все еще тот! А вы говорили, нас на бабу променял...

— На баб, — уточнил сэр Волсингейн и облизнулся, — тут их столько...

— Решения проблемы не нашел, — заявил я. — Но отрицательный результат — тоже результат. Похищенного там не оказалось. И, как я понимаю, туда никто не в состоянии добраться.

Альбрехт заметил:

— Но вы же добрались.

Сэр Рокгаллер пророкотал с выражением огромного удовольствия на лице:

— Так это же сэр Ричард! Благодаря ему мы и сюда добрались, а вы спите в постели графини!.. А могли бы у принцессы какой, здесь их как гусей в богатой деревне.

— Да, — сказал сэр Волсингейн подхалимским голоском, — не растет сэр Альбрехт, не растет...

Альбрехт бросил на него злой взгляд, а я уточнил:

— На пути к решению нашей проблемы успешно решаем кучу других, до которых добрались бы не скоро. Сейчас ждем письма от заговорщиков с их конкретными требованиями. Хотя требования уже получены, теперь начинаются торговые переговоры, дальше увидим, что и как. А теперь что успели вы?

Первым поднялся Норберт, прямой и суровый, беспстрастным голосом, четко и без лишних слов коротко сообщил, что проводится работа с королевствами, где установлены причальные пирамиды для багеров. В некоторых решили ждать возвращения королей из пещер, но таких немного, а в остальных троны по-

спешно захватывают самые энергичные из оставшихся. Раз уж мир разрушен не будет, то надо успеть нахапать в нем побольше и укрепиться, пока прежние хозяева в пещерах ждут конца света.

— Сукины дети, — сказал я, — но это наши сукины дети. Мы сами такие, не ждем милостей от природы.

Альбрехт вставил:

— С ними легче будет общаться.

— Потому что сукины дети? — спросил Волсингейн.

— Потому что власть получили, — пояснил Альбрехт, — благодаря нам.

Я поинтересовался:

— А что с теми, где нет причальных?

— Ведем переговоры, — ответил Норберт. — С багеров сбрасываем в королевские дворы приказы, чтобы немедленно восстановили пирамиды. Грозим, что в случае неповиновения Багровая Звезда Зла сотрет их королевство с земли...

Чекард, один из его командиров, сказал с места:

— Не верят!

— Стереть не сотрем, — согласился я, — но если нанесем туда визит на Маркусе, то династию точно поменяем. Сэр Рокгаллер, что у вас?

Рокгаллер приподнялся вместе с облепившим его креслом.

— Все спокойно, ваше величество!.. В столице, оказывается, издавна ворья не было, а которое появилось после ухода Скагеррака в пещеры... тех за городом до-клевывают вороны! Наши стражи по вашему приказу не церемонятся. Дескать, как вы и велели, пока еще военное положение, вот бы его подольше. Так что не отвлекайтесь, ваше величество, не отвлекайтесь!

Я видел, как все чаще поглядывают на графа Келляве, тот молчит и смотрит на меня в упор, я, не дождаясь, когда он соберется, кивнул ему сам:

— Сэр Гастон, что у вас?

Келляве покачал головой:

— На моем участке все в порядке. Но слышу все чаще, что здешним лордам служат демоны, и не понимаю, почему мы ничего не делаем. Не пора ли каленым железом выжечь...

Я приподнял ладонь, он послушно умолк.

— Все во вселенной, — заявил я властно, — совершается по воле Господа. Все!.. И не надо стараться быть умнее нашего Создателя, хотя это важно. Если Господь создал демонов, а Он, повторяю, создал все, то у Него какая-то задумка на их счет была и есть. В данном случае демоны служат нам, а это значит, поступаем согласно замыслам Творца!.. Во славу Господа!

За столом откликнулись нестройными голосами:

— Во славу...

— Во имя...

— Он с нами...

Я демонстративно перекрестился, это уже привычный жест, но взглянул на помрачневшего графа и добавил внушительно:

— Но это не значит, что с демонами не разберемся! Вообще-то это дело инквизиции во главе с отцом Дирихом, который скоро прибудет, ждем с нетерпением, но мы и так понимаем, что мир демонов чужд нашей рыцарской культуре и гуманизму!.. И граф Келляве прав, мы со временем выжжем каленым железом проявление демонизма в быту и культурной жизни общества... Сэр Норберт, кстати, сколько проходит времени между нашим вопросом и ответом от заговорщиков?

Он ответил с некоторым недоумением:

— Двое суток. Это важно?

— Меньше, чем за двое, — уточнил я, — ни разу не было?..

— Ни разу, — ответил он. — Даже немного больше.

Альбрехт коротко усмехнулся, единственный, кто за столом уже понял.

— Скорее всего, — сказал я, — они достаточно далеко от столицы. Проверьте, куда багеры идут около суток. В этом радиусе и будем искать особенно прилежно. Всем спасибо, все свободны!

Рокгаллер поднялся последним, Волсингейн сказал ему тихонько:

— А вино и жареных гусей отыщем на нижнем этаже, знаю местечко.

Во времена Скагеррака во дворце было три тысячи придворных на постоянной основе и восемь тысяч слуг, включая лакеев, но сейчас, как мне кажется, тех и других стало почему-то больше.

Скагеррак увел с собой в пещеры самых преданных и самых нужных ему, однако едва вернулись в уцелевший мир, эти преданные предпочли оставить сверженного властелина и постараться вернуться в императорский дворец в свои апартаменты, однако за это время там уже захватили те, кто решил погулять напоследок перед гибелью мира.

Я покинул кабинет с самым сосредоточенным видом, дескать, думаю о высоком, мои деликатные военачальники постепенно отставали в коридоре и на лестнице, рассеивались по коридорам, переходам и анфиладам.

В нижний холл меня сопровождали только Альбрехт и Норберт да еще два-три человека за спиной на почтительном расстоянии. Альбрехт и Норберт пошли справа и слева, одинаково собранные, настороженно поглядывающие на местных.

Альбрехт спросил негромко:

— Насчет стычек между вельможами уже знаете?

Я поморщился:

— Не наше дело. Пусть сами.

— В главных зданиях размещалось три тысячи этих трутней, — напомнил он. — Теперь прежние пытаются вытеснить новых. Я не допускаю, чтобы их жалобы поднимались выше уровня сэра Хьюрстона. В крайнем случае разрулит сам лорд-канцлер, но, думаю, и вы должны знать в общем...

— В общем знаю, — ответил я. — Те и другие по-своему правы... Сэр Норберт?

Норберт сказал суховато:

— А по-нашему, всех бы утопить, но хорошо, что знаете. Еще часть помещений заняли наши военачальники, но, правда, только те, что и были для гвардии императора и старших служащих! Так что мы по сути никого не выпихнули.

— Это нам в плюс, — одобрил я, — хотя и пофигу, но мы же как бы считаемся с мнением общественности лордов? Что нас не касается, то не касается.

Альбрехт пробормотал:

— Не стоит показывать силу без надобности.

— Даже, — согласился Норберт, — когда хочется... по молодости.

Я промолчал, камешек в мою сторону, но так, предупредительный. Я как раз не показываю, а если уж

приходится, то делаю так, чтобы второй раз уже не по-надобилась.

Ближе к выходу во двор целая группа придворных, ярко одетых во все цвета, кроме черного, молча склонились в поклонах. За моей спиной кто-то смешливо фыркнул. Не одному мне эти напудренные головы показались стадом овец, таких же белых, кудрявых и одинаковых.

Женщины красиво и грациозно приседают, расстопыривая платья, мы с достоинством пропадали мимо, с одобрением заглядывая в низкие вырезы платьев. При всей нашей строгой морали северян все равно каждый подспудно желает, чтобы эти вырезы стали еще ниже, хотя бы до пояса.

— Это для нас вечер, — обронил Альбрехт, — а для них день только начинается...

Только Норберт смотрит строго на эти густо напудренные лица мужчин и женщин, делающие их похожими на фарфоровых кукол. На мой взгляд, похожи еще и на белых клоунов.

У всех одинаково пышные прически, тоже густо посыпанные то ли пудрой, то ли мукой, колоколообразные платья, их постоянно нужно придерживать по бокам руками, тщательно вымеренное декольте, чтобы самую малость высовывались края розовых ареол, но дразнящее скрывающее ниппели. Это, кстати, самая продолжительная война в истории, я еще в детстве видел демонстрации в Нью-Йорке с плакатами *Free nipples*, но, похоже, ситуация долго еще будет на этом же уровне, как и сейчас здесь в эпоху то ли позднего Средневековья, то ли уже Возрождения.

Во дворе прогуливаются стайками сплетничающие женщины, все яркие как только что распустившиеся

цветы. Нас заметили сразу, повернулись и, выстроившись в ряд, это чтобы мы всех рассмотрели и оценили, присели в почтительнейших поклонах.

У Джесины Артерберри две мушки в виде перевернутых сердечек, остриями вверх, что означает ангину и критические дни, так что остается только анал, зато у леди Николетты Вайнврайт ни одного сердечка, только крохотная мушка над верхней губой слева, означает просто дразнящий флирт без всяких обязательств, извращенка.

Герцогиня предупреждала, что леди Мишеллу легко могут отодвинуть эти блестательные красавицы, но тут ошиблась, у меня специфические запросы.

Принцесса Колин Горриган смотрится на мой, взгляд достойнее, о ней тоже предупреждала Самантелла, однако мне рано увязать в пирах и бабах...

Альбрехт, шагая рядом, сказал негромко:

— Чего я только не насмотрелся с вами, сэр Ричард, но даже мне от этих вольностей не по себе.

— Они к этому шли столетиями, — пояснил я. — Медленно, шагок за шагком. Привыкли. Им кажется, что так правильно и что так было всегда.

— А как вам?

Я ответил уклончиво:

— Главное, пусть не видят наш сапог над их головами.

Глава 7

Безмятежно голубое небо ближе к закату наливается зелой синевой, обретает солидность и насыщенность, а на западе уже слегка розовеет перед наступлением мощного и насыщенного пламенными красками заката.

Альбрехт и Норберт то и дело отвечают на поклоны местных вельмож, все им льстиво улыбаются, самые близкие к императору, уже весь двор знает, я двигаюсь беспоклонный, всем кивать — голова отвалится, только на женщин поглядываю с тем же удовольствием, как на цирковых собачек.

На них столько всего надето разноцветного, что видишь в первую очередь только множество одетых одно на другое платьев с оборочками и все украшения, которые не хранят в шкатулках, а все цепляют на себя.

— Удивительный мир, — буркнул Норберт. — Нелепость на нелепости...

Я обронил мирно:

— Несмотря на то что женщина вот уже тысячи и тысячи лет живет рядом с человеком, в ее поведении все еще много непонятного и даже загадочного...

Альбрехт заметил:

— Но это не те загадки, которые стоит разгадывать.

Он умолк, мимо медленно и красиво проплывает баронесса Редграйв, платье от талии растопырено метра на полтора в радиусе, а рядом, подкручивая ус, вышагивает сэр Горналь.

— В такой нежный вечер, — услышали мы его не-привычно воркующий, как у голубя, голос, — даже сапог сапогу шепчет на ушко что-то нежное...

Баронесса прощебетала с наигранным непониманием:

— Сэр Горналь, но у меня туфли!

Он ответил гордо:

— А у меня деликатный сапог. Мог бы сразу на-сесть, как козел на козу, а он мерехлюндичает...

— Ох, вы такой напористый, — сказала она игриво. — Я не в силах устоять перед таким штурмом моей крепости. Захватывайте и бесчинствуйте!

— Вон та альтанка ближе, — сообщил Горналь.

Она засмеялась.

— Вы, как настоящий воин, сразу рассчитываете кратчайший путь к победе?

Он лихо подкрутил ус и гордо выпятил грудь.

— Ко всей вашей красоте вы еще и умная женщина?

Альбрехт проводил их взглядом, вздохнул, лицо омрачилось, а на меня взглянул с непонятным сожалением.

— Какое-то странное чувство, — проговорил он. — Будто они все здесь не приняли нас всерьез. Словно бы явилась армия веселых комедиантов, что дает грандиозное представление.

Я посмотрел на Норберта, тот пожал плечами.

— У меня тоже, — сказал он, — а когда уйдем, жизнь пойдет-покатится по старой колее.

— Ваше величество, — сказал Альбрехт, — а у вас какое ощущение?

— Типа да, — ответил я. — Нечто. Слишком мы разные, но здесь настолько огромная и продвинутая империя, что должны обязательно раствориться в ней. И быстрее, чем комок меда в горячей воде.

Норберт нахмурился, Альбрехт спросил, старательно глядя мимо меня:

— А мы растворимся?

— Почти наверняка, — признался я. — Всегда так было. Даже и не знаю, что сделать, чтобы не растворились... Разве что перебить всех до единого.

— А так реально?

— Бывало в истории, — сообщил я. — Но мы христиане, а не древние иудеи, у нас вроде бы так уже нельзя... хотя если припечет, то можно.

За спиной раздался быстро приближающийся конский топот. Норберт отпрыгнул, хватаясь за рукоять меча, Альбрехт встал в полуоборонительную позицию.

Вдали по аллее в нарушении всех правил мчится на горячем коне Милфорд, один из немногих разведчиков Норберта, которым можно на коне по роскошным аллеям императорского сада.

— Ваше величество! — прокричал он издали. — Поймали!.. Поймали... от тех заговорщиков!

Альбрехт и Норберт остановились как вкопанные, кончики усов Норберта воинственно приподнялись, Альбрехт сурово улыбнулся, стал еще прямее и строже.

— Дождались, ваше величество?

— Возвращаемся, — велел я. — Наконец-то враг!

Норберт сказал сурово:

— Наконец-то. А то что за трясина: ни друзей, ни врагов?

Периальд, завидев нас еще в дальнем конце коридора, поспешил распахнуть дверь в мой кабинет и отступил, потому что в его сторону уже мчится громадными прыжками огромный черный пес с горящими багровым огнем глазами.

Бобик влетел в кабинет, сделал пару кругов, пока мы двигались по коридору со всей неторопливой поспешностью, а едва переступили порог, грохнулся на пол и высунул огромный красный язык.

Я на ходу швырнул шляпу в дальнее кресло, Норберт сделал два шага и остановился с таким видом,

словно выбрал место для схватки. Альбрехт повернулся к дежурящему с этой стороны двери Хрурту:

— Крикни, пусть введут задержанного!

В коридоре раздался могучий глас Периальда, послышался топот ног дежурящего там лакея.

Через пару минут двое гвардейцев втолкнули из коридора мелкокостного человека в простой одежде горожанина, ничем не примечательного, с простым невыразительным лицом, которого невозможно вообразить в доспехах и с мечом в руке.

Альбрехт разочарованно хмыкнул, Норберт промолчал, понимает, что такая внешность как нельзя лучше для шпиона.

Задержанный поглядывал с опаской на Бобика, но не отступил, когда тот лениво поднялся, подошел и обнюхал, только выпрямился и побледнел до синевы.

— У вас, — проговорил он с трудом, — очень необычная собачка...

Я внимательно следил за его лицом и спросил быстро:

— Что за порода?

Он взглянул на меня со странным выражением:

— А вы не знаете?..

— Император, — напомнил я, — и повар... две большие разницы.

Он промолчал, но вид был такой, что хотел бы напомнить насчет только одной разницы, но не рискнул, власть имущие ввиду безнаказанности злопамятны, а императоры — самые что ни есть власть имущие.

Я опустился в кресло, негоже императору стоять наравне с остальным людом, смерил задержанного хмурым взором.

— Так вас поймали, — уточнил я, — или вы по своей воле?

Мужчина слегка поклонился.

— По воле пославших меня, ваше величество. Могу в известных пределах говорить от их имени.

— Сперва, — сказал я с угрозой, — укажи место, где маркиза увидит своего супруга и переговорит с ним!.. Это первый пункт дорожной карты в таком странном смысле. После их свидания я изволю милостиво выслушать детали странной просьбы насчет независимости отдельно взятого герцогства.

Бобик отошел и лег у моих ног, голову опустил на лапы и, казалось, потерял к схваченному всякий интерес.

Он, маленький и жалкий в руках огромных гвардейцев, попытался повести плечами, не смог, но ответил с достоинством:

— Я не уполномочен вот так сразу раскрыть...

— А-а, — сказал я с пренебрежением, — мелкая сошка...

Он с обидчивым видом вскинул голову:

— Ошибаетесь. Здесь я главный.

— Здесь? — переспросил я. — А где настоящие, что диктуют вам, что говорить?

Он с минуту смотрел на меня немигающим взглядом, наконец проговорил с неохотой:

— Этого я вам не скажу. Можете убить меня. Пытать не получится, я умру раньше.

— Защитное заклятие?

— Естественно.

Альбрехт и Норберт переглянулись, Альбрехт спросил негромко:

— Ваше величество, пригласить Карла-Антона?

Я отмахнулся:

— Сперва поговорим без пыток.

Плененный поланец сказал с застывшей улыбкой:

— Спасибо, ваше величество.

Я взглянул на него в упор.

— Не получается, так не получается. Можете делать с теперь уже своим маркизом, что хотите. Для империи невелика потеря.

Он всмотрелся в мое лицо.

— Вы серьезно?

— Серьезнее некуда, — подтвердил я. — Вы промахнулись с целью. На таких, как я, давить с помощью плаксивых женщин бесполезно. Одна уйдет — другую возьмем. Да и не уйдет... Даже если поплачет малость, утешат быстро.

Я сделал знак Альбрехту, тот кивнул стражам, а я добавил сухо:

— Срубите голову в коридоре.

Гвардейцы с удовольствием заломили поланцу руки и потащили к с готовностью распахнутой Хуртом двери в коридор.

Тот опомнился только на пороге, закричал тонким голосом:

— Подождите!..

Я с подчеркнутой неохотой поинтересовался:

— Ну?

В голосе моем отчетливо прозвучало пренебрежение и скука, не пришлось даже форсировать, в самом деле ощущал, что хренью занимаюсь, мельчаю на этом Юге.

Альбрехт молча сделал знак гвардейцам, те втащили поланника обратно и поставили передо мной, крепко держа за вывернутые назад руки.

— Хорошо, — ответил он поспешно, — это предусмотрено. Если так настаиваете, то это возможно.

— Настаивают с равными, — произнес я, — а я изволю.

Он сказал торопливо:

— Но для этого вам придется прибыть в герцогство!

— Знаю, — сообщил я. — Но не хочу искать там расколотую гору. Не царское это дело! Да и для связи с плененным маркизом мало просто подойти и встать перед той горой?

Он чуть наклонил голову, всматриваясь в меня исподлобья.

— Ваше величество, вы удивительно быстро все схватываете.

— Даже быстрее, — заметил я, — чем думаете.

Он ответил вежливо:

— Для нас честь общаться с таким понимающим проблемы... властелином. Возможно, было некоторой ошибкой... это я высказываю свое личное мнение... затея с похищением. С умным правителем можно было бы попытаться договориться и без таких примитивных методов давления. Но вы, как все слышали, дикие варвары с северного континента, другого языка не поймете...

Я ответил с высокомерным достоинством:

— Человеку ошибаться свойственно. Не ошибается только тот, кто восхищается мной.

Он благоразумно смолчал, Альбрехт поинтересовался:

— Что с ним? Рубить голову или не рубить?

— Сперва пообщаемся с главными заговорщиками, — ответил я. — Этому мешок на голову! Не

знаете, как это делается?.. Дикари... У вас даже пытки не пытки, а смех один, никакой культуры истязания. Эй, ты!.. Изображение так и появляется на горе? И что, только ваша банда преступников его и видит?

Он ответил с заминкой:

— Не совсем. Там есть особенности...

— Какие?

— Там как бы зеркало, — сказал он, — но вам его не унести.

— Потому что зеркало в горе? — спросил я с надменностью человека, у которого на голове побывала не одна королевская корона. — Я и гору могу унести, если соизволю. Но еще не решил, стоит ли моему величеству восхотеть изволить принимать участие в этом мелковатой для моих масштабов игре.

Он сказал с той же застывшей улыбкой:

— Но вы уже приняли.

— Еще нет, — возразил я с достоинством. — Просто интересуюсь правилами. Ставки высоки, а выигрыш мелковат. Причем ставка только с моей стороны. А что ставите вы?

Он ответил вежливо:

— Мой хозяин полагает, вы не в том положении, чтобы ставить условия.

— Почему он так думает?

Он ответил с показным спокойствием:

— Рычаг давления только у нас, ваше величество.

— Чё, — спросил я с интересом, — правда?

Он пожал плечами и ответил несколько более прениженным тоном:

— Сознаем, не так уж и большой, но мы и не требуем большого. Для вас совершеннейший пустяк предоставить больше свобод одной из самых мелких земель в вашей империи!

— Согласен, — ответил я, — но вы в самом деле считаете, что слезы Жанны-Антуанетты как-то скажутся на делах империи?.. Я не местный, я вообще озверевший завоеватель с Севера! Для нас, суровых тружеников меча и топора, местные мерхлюндии абсолютно ничего не стоят!

Он взглянул очень внимательно.

— Это учитывалось. От слез первой красавицы империи можете отмахнуться, но зато будет уязвлена ваша гордость северного варвара! Вы если и уступите, то чтобы потом поквитаться.

— И вы об этом так спокойно?

Он снисходительно улыбнулся.

— Да. Просто вам никогда не добиться до нас. И рычага давления у вас не будет.

— Я добрался до Юга, — напомнил я. — Если вы где-то на скайбагерах, то где проверил один, там проверю и остальные. Что глазки выпутил?.. Не верится?

Он, не отрывая взгляда от моего лица, покачал головой:

— Простите, не верю.

— И не надо, — согласился я. — В самом деле, зачем раскрываю карты?.. Да, я тупой завоеватель с дикого Севера, где по улицам городов бродят медведи со струнными инструментами в лапах. Но, как завоеватель, я доберусь и до глубины земли, откуда механизмы поднимают слитки неведомых здесь металлов!.. Не сегодня, но доберусь.

Глава 8

Он рассматривал меня со всем вниманием, а когда я замолчал, чуть наклонил голову, выказывая почтение.

— Вы не озверевший завоеватель, ваше величество. Знаете пугающие многое, а это сбивает с толку. По крайней мере, создается впечатление, что знаете, но это может быть простой уловкой. Короли должны уметь создавать впечатление, что могут больше, чем... действительно могут.

— Хорошо, — прервал я. — Побываю в том герцогстве и ознакомлюсь с его реалиями. Но сперва изволю, чтобы Жанна-Антуанетта увидела своего мужа и убедилась, что он жив и здоров.

— Он жив и здоров!

Я ответил скептически:

— Мне нужно верить вам, бесчестным похитителям хорошего человека, на слово?

— Но вы же с Севера, — напомнил он, — там у вас в цене слово чести!

— У нас да, — ответил я, — но вы не с Севера.

Он обронил смиренно, но с понятным только мне оттенком:

— Вы даже не представляете откуда.

Я ощутил, как от его слов пробежал легкий холодок по коже, словно подуло сквозняком по обнаженной спине.

— Да хоть с Запада или Востока!.. Думаете, на Багровой Звезде Смерти мне трудно пройтись над тамошними землями и предать все смерти?

— Вы этого не сделаете, — обронил он спокойно, — а где мы, чтобы нанести удар именно туда, вам никогда

не узнатъ. Хорошо, мы дадимъ возможность убедиться вамъ, что маркиз Антуан живъ.

— Не мне, — уточнилъ я, — а его супруге. И она же лаетъ перекинуться с нимъ парой словъ. Только тогда поверитъ.

Онъ наклонилъ голову.

— Эту возможность предоставимъ. Но для этого вамъ придется явиться в герцогство.

— Да-да, — ответилъ я, — конечно, явлюсь. Надо же посмотреть, что у васъ тамъ за особые интересы? Раз ужъ жаждете независимости тому региону?.. Независимость отъ меня будетъ означать для местныхъ зависимости отъ васъ?

Онъ сказалъ быстро и, какъ мне показалось, совершенно искренне:

— В герцогстве зависимость отъ насъ даже не почувствуютъ. Просто у насъ тамъ, вы угадали, свои интересы. Ничуть не связанные ни съ политикой, ни съ местной экономикой.

Я махнулъ рукой ожидающему съ мешкомъ въ рукахъ Чекарду:

— На голову!.. Руки связать за спиной. Вести въ камеру такъ, чтобъ не билъ головой о стены... Хотя почему нетъ? Здесь все можно, люблю демократию!

Сияющий Чекардъ съ энтузиазмомъ набросилъ мешокъ на голову пленника, мигомъ понявъ его назначение и связанные съ нимъ преимущества. Гвардейцы потащили арестанта къ выходу, а Чекардъ пошелъ следомъ, очень довольный, постигая продвинутые особенности обращения съ арестованными.

Когда Хрурт закрылъ за ними дверь, Норбертъ и Альбрехтъ молча обратили на меня взоры.

Я тяжело вздохнулъ.

— Разочарованы?.. Он сказал больше, чем наверняка хотел. Это радует. Они далеко не всемогущи.

Альбрехт пожал плечами:

— Кто знает, а если как раз и хотел как бы проговориться? Дескать, ваш противник тоже не озверевший королек в своем крохотном герцогстве, а человек умный, проницательный и с амбициями, раз уж у вас дуэль не на уровне грубой силы.

Я кивнул им на кресла, теперь можно и сесть, создал кувшин с вином на столе, три простые глиняные чаши. Альбрехт взял на себя роль виночерпия, Норберт сел возле стола, дождался, когда его посудина наполнится, взял и взглянул поверх края на меня.

— Сожалею, ваше величество, но вам не удалось его убедить насчет своей тупой и злобной натуры северного завоевателя. Хотя я бы поверил.

— Я не старался, — ответил я задето, — а то смог бы! Я хитрый. Но такое претит моей возвышенной натуре. Мелкие приемчики годятся разве что для тактической игры, но здесь сложная стратегическая игра, в которой все равно на каком-то этапе станет видно, кто есть ху.

Он пригладил усы, вид задумчивый, покачал головой.

— Кстати, мне он показался искренним. В момент, когда отчетливо дал понять, что даже со всей мощью Маркуса их гнездо не достать. Почему?

Альбрехт сделал глоток, ответил после паузы:

— Да, меня это настораживает тоже, доблестный сэр Норберт. Он сказал, что даже при тотальном разрушении всех земель они не пострадают! Так что либо скайбагер, либо Зачарованные Места. Их Маркус и раньше вроде бы не доставал.

— Либо что-то еще, — сказал я, — такое же необычное и в самом деле недоступное. Хотя... если они на скайбагере, то могли бы сообразить насчет их уязвимости. Маркус свободно перемещается в космосе... ну, там высоко, может ударить как своим дезинтегратором... я имею в виду какое-нить оружие, так и просто пойти на таран, это легче, чем слону таранить мышь.

Некоторое время мы молча смаковали вино, я отстраненно подумал, как это прекрасно, когда с одинаковыми усилиями создаешь как дрянное вино, так и напитки высшего качества. Для продвинутых технологий это просто, а вот непосвященных ставит в тупик.

— Скорее всего, — сказал я, — их гнездо в тамошнем Зачарованном Месте.

Я осушил чашу, подумал, налил еще, день жаркий, а лучший способ утолить жажду — одна-две чаши натурального вина без всякой крепленности.

— С Зачарованными Местами еще не связывались, — напомнил я, — но, как говорит опыт, они занимают мало места. По ничем не подтвержденным слухам, Зачарованное Место — это как бы вход, а дальше там может быть целое королевство, а то и бескрайняя империя.

Альбрехт со стуком опустил опустевшую чашу на столешницу.

— Опасная мысль, ваше величество.

— Какая? — спросил я с интересом.

— Вести армию на захват какого-то неведомого образования через Зачарованное Место.

Я сказал с сердцем:

— Сплюньте, герцог!.. Что с этой империей делать, ума не приложу, а вы еще о каких-то непонятных параллельных мирах!

Альбрехт смолчал, только загадочно блеснул глазами, а молчавший Норберт сказал с расстановкой:

— Параллельных... слово-то какое емкое... Раз уж вы нечаянно проговорились о таком, то наверняка как-то втайне подбираетесь?

Я помотал головой:

— Клянусь! Это так, вырвалось. Фантазии помраченного вином сознания. Выпущенного на свободу воображения, что мелет такое, что и на голову не налезет... Даже не думайте, герцог!.. Никаких Зачарованных Мест и прочих завоевательных походов!

Он вздохнул, повертел опустевшую чашу в ладонях, потом решительно взял кувшин и наполнил чашу снова.

— Жаль, — сказал он скорбно. — Это же так красиво... Завоевываешь все новые земли и не думаешь, что делать с теми, что уже оставил за конским крупом... Не рыцарское это дело — думать о последствиях!

Я крикнул через весь кабинет:

— Хруйт!.. Пошли людей собирать отряд! Выступаем немедленно!

Он приоткрыл дверь и что-то прокричал в коридор. Я поднялся, сказал властно:

— Можете допить, но не упивайтесь. И все за мной!

Они торопливо оставили чаши и поднялись, спеша догнать меня хотя бы у двери.

В нижнем зале сдержанная суматоха, служащие дворца из числа северян передают мой приказ, выдергивая из пестрой толпы моих соратников, те поспешно прерывают флирт и со всей торопливостью выходят из дворца.

На крыльце вдогонку за нами выбежал запыхавшийся сэр Бриан Кенговейн, весь в яркой цветной

одежде, как верный вассал, подражая своему лорду Альбрехту Гуммельсбергу.

Норберт неодобрительно хмыкнул, первым заметив на ногах Кенговейна не сапоги, а башмаки, что еще не туфли, но уже отступление от сурового северного стиля, на башмаки не присобачить шпоры, без шпор даже сапоги не совсем сапоги, а на башмаках вообще сидели бы как на корове седло.

Я тоже все заметил и оценил, Кенговейн смутился, перехватив мой взгляд на его ноги, а я сказал сдержанно благожелательным голосом:

— Сапог победителя частенько принадлежал побежденному.

Он проговорил в нерешительности:

— Ваше величество?

— Не нужно стесняться! — разъяснил я. — Мы победители, а победители могут носить хоть свое, хоть трофейное! Трофейное — это не знак нашей сдачи, это наша победа!

Он поклонился и отступил, стараясь затеряться среди военачальников, где все до единого в сапогах, ибо сапоги — наше все, мужская гордость и знак доблести.

Однако я, проговаривая бравурные слова поддержки, чувствовал печаль и стеснение в груди. Понятно, не устоим, начнем поддаваться под мягким натиском более изощренной культуры... хотя в слово «культура» вкладываю другое значение, и вообще называю ее здесь более изощренной, но не более высокой, у нас она выше, как это ни парадоксально...

...однако пока не представляю, что делать. Конечно, призвать отца Дитриха, он разберется и поймет, однако где найти сто тысяч таких же отцов дитри-

хов? Остальные священники — хорошие и праведные люди, но слишком уверенные в своей правоте, когда все, что не принадлежит христианству, — гнусное язычество, которое нужно искоренять огнем и мечом, а всех, не признающих веру Христа, на костры, на костры, на костры!

Норберт шел со мной рядом, поинтересовался негромко:

— Отправимся сейчас?..

— А что нам мешает?

Он пожал плечами:

— Уже почти ночь. А вас герцогиня ждет в постели...

— Точно герцогиня? — перепросил я. — Не леди Мишелла?..

— Точно, — ответил Норберт с самым невозмутимым видом. — Хотя часть придворной знати усиленно продвигает на ваше ложе для изысканных сладострастий, известных только императорам, знаменитую Хлоиссу Дорриган... Возможно, сегодня именно она будет ждать вас в покоях... точнее, под одеялом. Хотя эта, возможно, и поверх одеяла. Мы, простые герцоги, насчет особых изысков... Рыцарские турниры знаем, изыски — нет.

Я содрогнулся:

— Что?.. Та самая, у которой все мужья красиво погибают? Нет уж, нет уж... Нельзя ли переправить в дар Скагерраку?.. Собираемся, едем. Еще не ночь, это вы перегнули, вон какой закат разгорается!.. Не успеет догореть, как копыта наших коней простучат по земле того герцогства, посмевшего... посмевшего быть единственным. Маркус, ты меня слышишь?.. Давай, лапочка, к моему месту пребывания...

Женщины держатся отдельной стайкой, хихикают и жеманничают, выглядит глупо, но это как раз то, что надо. Если с женщинами вести умные разговоры, вся кровь будет концентрироваться в мозгах, мы же всегда стараемся не ударить лицом в грязь, а какой флирт, если все умничают?

Я вычленил взглядом Жанну-Антуанетту, ее заметить легко как по голубым волосам, так и по общей ауре великолепия, она держала меня взглядом с самого момента, как я вышел, а когда я обратил на нее внимание, тут же ринулась в мою сторону, торопясь и чуточку приподнимая платье обеими руками, испуганная и взволнованная, с блестящими фиолетовыми глазами.

— Маркиза, — сказал я.

Она торопливо присела в поклоне. Я привычно заглянул ей в низкий вырез, хотя с нею это уже не обязательно, мы как бы свои, сказал с доверительностью в голосе:

— Жанна, есть новости.

Она вскочила, трепещущая и с блестящими глазами, то ли от слез, то ли от страстного ожидания новостей.

— Ваше величество?

— Я выторговал кое-что для вас, — заявил я. — Пыхитители обещают устроить вам свидание с мужем. Даже возможность перекинуться парой слов, чтобы вы убедились в его здоровье.

Она заглянула мне в глаза снизу вверх, ухватила за руку и, прежде чем я успел воспротивиться, с жаром прижалась губами к тыльной стороне кисти.

— Ваше величество!

— Да пустяки, — сказал я и с неловкостью торопливо высвободил руку. — Леди Жанна, никому

не целуйте руки. Вы такое совершенство, это вам должны целовать руки и прочие срамные места. Но вам придется совершить небольшую прогулку в герцогство Клауренское.

— Хорошо, — сказала она послушно и тут же уточнила: — А что, там восстановили причальную башню?

— И это знаете? — спросил я в удивлении. — Восстановят. По моему повелению.

Она сказала тихо:

— Императора Скагеррака не слушались.

— Вы увидите разницу, — пообещал я. — Вы готовы?

Она слегка покраснела под моим взглядом и слегка приопустила ресницы.

— Да, ваше величество. Все, что изволите.

— Тогда быстро на середину двора, — велел я. — Там ширше. Сейчас это не двор, а причал, а мы отчалим красиво и решительно.

Глава 9

Маркус навис над Волсингейном пугающе громадный, готовый всей массой раздавить не только высокие дворцы императора, но и весь город, с хрустом камней вогнать в землю.

Среди гуляющих придворных раздались крики ужаса. Мужчины и женщины метнулись, как испуганные куры, под защиту стен. Цвет их сильно напудренных лиц не изменился, но глаза от страха побелели.

Альбрехт сказал с презрительным сочувствием:

— К этому никогда не привыкнут.

Я сказал вполголоса:

— Если честно, у меня тоже все холодаеет.

Он быстро взглянул на меня:

— Правда? Но вы держитесь так, словно и эта Багровая Звезда Зла для вас что-то вроде Бобика.

— Надо, — ответил я. — Все мы держимся так, как надо, а не как чувствуем. В этом отличие человека от животного. Герцог, вы остаетесь бдить и не пущать. В тамошнем герцогстве ничего серьезного не ожидается, а здесь нужно держать уши на макушке.

Он кивнул, не моргнув глазом:

— Возвращайтесь быстрее.

Справа от него появился из толпы Келляве, сказал мне торопливо:

— Ваше величество, я издохну без дела.

— Можете с нами, — разрешил я и уточнил: — Если сэр Норберт, что командует операцией, согласен.

Норберт с привычной невозмутимостью сказал в сторону своих разведчиков:

— Дайте коня сэру Келляве. Подберите такого же драчливого.

Из багрового днища Маркуса выстрелился широкий и такой же красный мост. Я задержал дыхание, но огненно-красный край в мгновение ока достиг каменных плит двора, не разбил, как я инстинктивно ожидал, даже не слышно удара, лег краем плотно, не просунуть под ним и камнем даже лезвие ножа, замер.

Откуда ни возьмись появились конники Норберта, быстро и красиво погнали приученных коней по трапу наверх, исчезли в темном отсюда входе.

Келляве замешкался, но тут же спохватился и погнал коня вверх по пандусу галопом. Огромный арбогастр, черный, как безлунная ночь, пихнул меня мордой в спину, а Бобик, вдруг да о нем забуду, стрелой

и без приказа понесся по багровой дорожке вверх к Маркусу.

— Маркиза, — сказал я, — вы готовы?

Она вскинула голову и взглянула мне в лицо жертвенным взглядом.

— Ваше величество! Для вас всегда.

— Тогда...

— Делайте со мной, что вам изволится!

Я торопливо вскочил на Зайчика, игнорируя усмешку Альбрехта и его лордов, протянул руку.

Маркиза не поняла повелительного жеста, тогда я нагнулся, ухватил ее, как тряпичную куклу в ворохе платьев, и вздернул к себе, усадив впереди.

Она в ужасе прижалась к моей груди, не смея смотреть вниз с такой ужасающей высоты, это не со ступеньки оступиться, а Зайчик, уловив мое пожелание побыстрее оказаться от этих понимающих усмешек подальше, приподнялся красиво на дыбы, еще больше перепугав маркизу, и стремительно пронесся по трапу.

Жанна-Антуанетта вскрикнула, развернулась ко мне в ужасе и спрятала лицо у меня на груди. На том конце широкого красного трапа в стене Багровой Звезды возникла зловеще-чёрная трещина и молниеносно распрыгнула в стороны.

Зайчик влетел в ту черноту, словно ласточка в норку отвесного берега. За нашей спиной щель мгновенно схлопнулась краями с мощным чавкающим звуком, хотя на вид вся стена хитинового панциря состоит из прекрасной легированной стали.

Впереди и со всех сторон мягкий красноватый свет, явно родной для Маркуса, я с некоторым сожалением опустил маркизу на пол.

Она в ужасе ухватилась за стремя моего арбогастра.

— Ваше величество?

— Уже скоро, — заверил я. — Я же император, долго ли умеючи?.. Хотя умеючи тоже долго, но такое умение не вяжется с обликом крупного государственного деятеля, хотя у меня много талантов.

Чекард и Норберт, не покидая седел, оттеснили всадников, дабы не мешали императору, а я, еще договаривая привычные банальности маркизе, женщинам нужно что-то понятное и успокаивающее, уже прикидывал, как высадимся и что скажем явным и тайным правителям герцогства.

Норберт указал Чекарду через плечо:

— Видишь там впадину с огненной жижей? Как сэр Растер парил над нею, как парил... Как орел! Растаны-рившись, грозный и рыкающий...

— Да, — ответил Чекард, — нам всем недостает сэра Растера. Как и Тамплиера с Сигизмундом. А где Буудеррия?

— На фронтире, — сообщил Норберт. — Приводят к покорности королевства, где особенно много нечисти...

Я смотрел на Норберта, какая-то мысль сверкнула в мозгу и тут же погасла, я сосредоточился, мысленно отмotal назад, ладонь сама хлопнула по лбу.

— Маркус, — сказал я шепотом, мысль сверкнула в мозгу такая яркая и дикая, что меня шатнуло в седле. — Я тебя просто люблю... А хамелеонить сможешь?.. В смысле, менять цвет?.. Цвет это... гм... как бы попроще... характеристика электромагнитного излучения оптического диапазона, определяемая на основании возникающего зрительного ощущения и зависящая от ряда физических, физиологических и психических факторов.

Если объяснять простому дураку, то цвет — это ощущение, которое человек получает при попадании ему в глаз световых лучей. Но ты не человек, ты умнее, и я тебя люблю... Различают ахроматические цвета, хроматические, спектральные и неспектральные, но тебе это надо? Понимаешь, благодаря излучению во Вселенной множество разных цветов, хотя возможно, ты их видишь совсем не так, как я... Наверное, и меня то ли как сгусток электромагнитных полей, то ли бестолково толкующееся облако электронов?..

Я ощутил идущую от него волну недоумения, что не само недоумение, как представляем его мы, а нечто иное, что уже научился интерпретировать как недоумение, непонимание моего запроса.

— Цвет, — повторил я, — поменяй цвет!.. Стань голубым как это небо... Хотя оно уже не голубое, а кроваво-красное... это называется закат, он вызван... ладно, это опустим. Я хочу, чтобы существа этой планеты меньше замечали, как мы с тобой нависаем, как орлы над полевыми мышами... Попробуй... Ну, стань для всех невидимым, незримым... Нет-нет, только не для тех, кто сейчас со мной, а то не знаю, что с ними будет... Только для тех, кто видит нас извне!

Он в самом деле добросовестно старался, даже пару раз изменил форму, что обрадовало до писка, в конце концов я сдался, сказал с сожалением:

— Ну ладно, что получилось, то получилось... В другой раз попробуем еще как-нибудь... Давай передвинемся над поверхностью этой планеты несколько левее... а там прямо и снова левее...

Не покидая седла, я принял из рук Норберта карту, там самые новые и уточненные данные, Маркус сдви-

нулся с места, а я поправлял, указывал, в мозгу мелькнуло, что не верю в иные цивилизации и вообще в иные формы жизни, особенно высокоразвитые. Жизнь во Вселенной должна была возникнуть только в одном месте, к тому же не раньше, но и не позже. Она и возникла, так что Маркус должен быть создан все-таки людьми, больше некому.

Возможно, даже не на Земле, если к тому времени начали селиться и на других планетах и в звездных системах, а там могли быть такие условия, что потребовался именно инструмент типа Маркуса, чьи возможности я не знаю, а пользуюсь им, как питекантроп, случайно нажавший пару нужных кнопок.

— Ваше величество!

Я очнулся от великих дум, оглянулся. На меня с ожиданием и надеждой смотрит Чекард.

— Что-то случилось?

— Проходим над королевством Высоких Скал, — доложил он быстро и четко, — там у них разрушена причальная пирамида!.. Позвольте десант?.. Только часть, ваше величество! Местных и один наш человек устрешит до икотки, как только над их столицей на-виснет Багровая Звезда Смерти!

— Хорошая идея, — согласился я. — Возьми небольшой отряд, проведи переговоры с местным королем с позиции силы.

Он просиял:

— Спасибо за доверие, ваше величество!

— Наши требования знаешь, — добавил я. — Ничего сверх, но и никаких автономий.

Маркус по моей команде завис, снизился. Чекард с группой всадников быстро спустились на землю, Маркус тут же поднялся и вернулся на прежний курс.

Очередная горная гряда осталась позади, Норберт сверился с картой, которую не выпускает из рук, сказал с удовлетворением:

— Ваше величество, а вот сейчас под нами земли герцогства.

Я ощутил некоторое разочарование, герцогство выглядит точно так же, как и все остальные территории, над которыми пролетели. Много леса, реки большие и малые, озера, пологие холмы, между ними деревни и села с четко видными сверху квадратиками полей, тоненькие нитки проселочных дорог.

— Кстати, — заметил я, — не такие уж изолированные эти территории. Если вон та река проходит хотя бы через пару королевств, то какие бы горы ни загораживали, можно по реке...

Он кивнул:

— Можно. Но не армии. Там, где река пробилась через горы, многовато порогов. Уже проверено моими людьми. Любые лодки сразу вдрызг!.. А так, конечно, одиночки могут пробираться к соседям, а то и путешествовать дальше и дальше... У мужчин это в крови. Можно Маркусу чуть правее?

— Можно, — ответил я с уверенностью, словно я и есть Маркус, сосредоточился, отдавая мысленное пожелание-повеление, и поверхность далеко внизу послушно сдвинулась вправо. — В эту сторону. А то я иногда путаю правую и левую.

Он коротко усмехнулся, некоторое время всматривался в стремительно скользящую под нами поверхность.

— Удивительно... Никогда бы не подумал, что вот так придется...

К нам подошел Бобик и посмотрел на него с удивлением в по-детски крупных наивных глазах, дескать,

что тут удивительного? Удивительное будет, когда помчимся через лес, ломая кусты и пугая зверей и птиц.

Норберт погладил его по массивной голове, Бобик довольно прищурился и замахал хвостом.

— Вон там, — сказал Норберт, — если не ошибаюсь, Арпань, их стольный град. Ваше величество?

— Маркус, — сказал я, — помедленнее, Маркус, помедленнее... Еще немного впереди... Стоп!.. А теперь вниз. Вон там большое поле, подашь пандус прямо на траву... Сэр Норберт, распорядитесь о готовности к высадке!

— Уже готовы, — ответил он с суровой гордостью. — Они даже с коней слезть не успели.

— Прекрасно, — сказал я, — все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо...

Жанна-Антуанетта, услышав, что говорят о ней, поспешила подплыть, как лебедь по глади озера, красиво поддерживая по бокам растопыренное платье.

— Ваше величество?

— Бренд, — сказал я, — должен быть на высоте! И впереди. А я за брендом, как реальная сила.

Она смотрела с таким непониманием, но даже арбогастр повернул голову и посмотрел на нее со снисходительным презрением.

Я подхватил ее, как пышно разодетую куклу, Жанна-Антуанетта вскинула, но я уверенно усадил перед собой.

— Вот так и поедем!

— Ой, — сказала она в ужасе и, развернувшись ко мне лицом, прижалась ко мне, правда, не как к самецу, а как к дубу, — ваше величество...

— Маркус, — напомнил я, — пандус!

В стене возникла рваная дыра, быстро расширилась от пола во все стороны, образовав высокую арку. От края протянулся бледно-розовый широкий пандус.

Бобик весело метнулся по нему к близкой траве, на которой уже лежит багровая тень закатного неба, Зайчик тут же помчался следом.

Жанна-Антуанетта вскрикнула и, закрыв глаза, вжалась в меня так, что я отчетливо чувствовал ее довольно упругие вторичные признаки, а горячее дыхание обжигает грудь, словно у нее там внутри горн с раскаленными угольями.

Я пересилил себя, сказал отечески, я же отец народа, а Жанна-Антуанетта тоже народ:

— Счастье кончилось, маркиза!.. Мы на земле.

Она опасливо приподняла голову, рядом со мной появились на легких стройных конях разведчики Норберта. Сам Норберт поставил коня так, чтобы нас не толкали, он же бросил взгляд наверх и вдруг проговорил странно осевшим голосом:

— Ваше величество!.. Откуда... откуда они...

Я оглянулся, сердце болезненно дернулось, словно им с размаха шлепнули о землю. Широкий розоватый трап нижним концом прочно уперся в землю, а верхний...

...верхний висит в воздухе! Я смотрел ошеломлено, там наверху вдруг появилась конская голова, затем красиво изогнутая шея с пышной гривой, половинка человека в седле, а затем из пустоты вынырнула вторая половина, а за ним и крутой лоснящийся круп с пышно развевающимся хвостом.

По трапу торопливо пронеслись последние всадники, спеша достичь спасительной земли, я перевел дыхание и сказал охрипшим голосом:

— Да это Маркуса плохо видно. Уже темнеет, вот и того...

— Он что, — спросил Милфорд встревоженно, — заболел?.. Как-то цвет изменился! То был такой грозный, а сейчас так сбленднул, что и не рассмотреть...

— Ага, — сказал я, — это он меня так понял. Мы, люди, и то не всегда понимаем друг друга, а это Маркус... Все хорошо, прекрасная маркиза...

Он перевел взгляд на трепещущую даже в моих руках Жанну-Антуанетту.

— Маркиза у вас отважная, ваше величество, кто бы подумал?.. Что значит, второй раз. Женщины привыкают быстро. Им что один муж, что другой, все равно мужчины.

— Но-но, — сказал я строго. — Собирайте, дорогой герцог, отряд в колонну, выступаем к городу. Маркус, убери пандус и поднимись чуть выше, но оставайся в этом... цвете, или как ты его называешь! Ты молодец, все сделал верно, я тебя люблю!

По мне прошла теплая волна, словно огромные ладони ласково погладили сразу по всему телу. В следующее мгновение я ощутил, что Маркус отдалился где-то на пару миль вверх. Мелочь, но я ощущил, а это значит, связь между нами крепнет.

Глава 10

Высокие деревья все еще заслоняют нас от столицы, дорожки нет, но могучие стволы держатся друг от друга на расстоянии, не смея вторгаться в личное пространство соседа, так что передняя тройка всадников моментально просочилась между ними и умчалась из виду.

— Сэр Норберт?

Он чуть подал своего коня в мою сторону.

— Ждем приказа, ваше величество!

Я оглядел суровые лица бойцов, готовых к схватке в любой момент и с любым противником. Все полны достоинства, горды победами, помнят, как сломили филигонов, сейчас без колебаний с любых высот в любое место, потому что их император не знает поражений.

— Там за деревьями самый крупный город герцогства, — сказал я. — У дикарей столицы всегда в самых-самых, так что их герцог, он же верховный правитель, здесь. Мы с сэром Келляве навестим местного владельца, а вы ждите вестей. Сэр Келляве наверняка восхочет сам управиться со всем на свете, но если что, пошлет за вами своего оруженосца.

Норберт взглянул пристально, стараясь разгадать мой замысел.

— А почему вы только втроем?

Я взглянул с укором:

— Герцог, мы вчетвером...

Он взглянул с недоумением:

— А кто еще?

Я указал взглядом на притихшую на моей груди Жанну-Антуанетту.

— Герцог...

Он нахмурился, ответил нехотя:

— Ваше величество, я считаю тех, кто может орудовать мечом. А маркиза вряд ли сможет поднять даже веник.

— Так мы же не драться, — пояснил я. — Если драться, сразу пошлем за вами. А втроем, тьфу, вчетвером лучше поймем, с кем имеем дело. Если там не

дурак и не сволочь, то сумеем договориться без резни. Разумное слово и козе понятно. Расскажу о преимуществах интеграции в мировую экономику, разделении труда и абсолютной добавочной прибыли, хотя и сам не знаю, что это, но разве это важно? Уверен, их наверняка заинтересует. Просто уверен!.. А вы ждите сигнала. Если до вечера сигнала не последует, утром присоединяйтесь к нам. Сэр Келляве?

— Готов, — прогудел Келляве мощным басом.

Его конь лениво повернул голову в тяжелой броне и посмотрел на меня с укором. Сэр Кунигунд, исполняющий при нем обязанности оруженосца, кивнул о готовности молча.

— Тогда вперед, — велел я.

Арбогастр пошел было через лес напрямую, но даже могучий и тяжелый как скала конь Келляве не сможет сокрушать на пути деревья, потому я высматривал и наконец заметил в сторонке протоптанную тропу.

Бобик выметнулся на нее первым, весело гавкнул. К тропе сбегаются тропки, как обычно вблизи крупных городов, завалов нет, сухостой народ разбирает на дрова в первую очередь, потому очень скоро между деревьями замаячили белые стены города.

— Прекрасно, — сказал я маркизе, — Жанна, вас ждет триумф и всенародные праздники в вашу честь!

Она глухо и очень серьезно ответила в мою грудь:

— Никаких праздников, пока не увижу и не освобожу Антуана!

Арбогастр понесся через лес мощно и напористо, над головой проносились с шелестом толстые ветки с острыми сучками, Жанна-Антуанетта на скаку развернулась в седле, вжалась спиной в мою широкую,

надеюсь, грудь, боязливо втянула голову в плечи и даже закрыла глаза.

Я начал нашептывать ей в розовое ушко успокоительные слова, чувствуя, что уже не только успокоительные, от ее тела идет такое ровное тепло, что начало проникать и в меня, настраивая на определенный лад, но впереди Келляве что-то крикнул, указывая на быстро исчезающего впереди Бобика.

Я придержал аргогастра, а за поворотом тропки послышался быстро приближающийся стук копыт. Сэр Келляве с широкой улыбкой взялся за рукоять огромного топора.

— Ну наконец-то...

— Сперва поздороваемся, — предупредил я. — Мы что, совсем дикари? Потом уже можно, согласно этикету, и по голове...

Я пустил аргогастра шагом, по стику копыт слышно, что всадники тоже придерживают коней.

Деревья упали в сторону, на тропке остановились, завидев нас, трое всадников, все одеты добротно, на голодающих не похожи, в руках легкие копья, у седел в ножнах мечи и топоры.

Бобик сидит на середине тропы, загораживая дорогу, мирно улыбается, даже помахивает хвостом, с треском сдирая целыми ломтями плотно утоптанную землю.

Я вскинул руку в дружелюбном приветствии.

— Доброе утро, друзья!.. Как же мы счастливы перебраться через эти проклятые горы!

Меня рассматривали с угрюмым недоверием, передний всадник крикнул резким голосом:

— Вы откуда?

— С Севера, — ответил я с широкой улыбкой и показал на юг. — Две недели перебирались, выполняя приказ нашего короля одолеть все завалы и перебраться к вам!

Они переглянулись, но Жанна-Антуанетта шевельнулась и посмотрела на них, с того мгновения они уже не отрывали от нее взглядов, забыв даже про страшного черного пса с красными глазами, что загородил дорогу.

Тот же всадник спросил:

— Вы знаете, кто мы?

Я ответил со счастливой улыбкой:

— Нет, но мы счастливы, что есть люди не только в нашей стране, как утверждали мудрецы! У вас есть мудрецы?.. А то мы перебирались наугад... Кстати, как вас зовут, доблестный сэр?

Всадник ответил с надменностью:

— Виконт Инельдер к вашим услугам. Мы отведем вас к нашему герцогу. Никто и никогда не перебирался к нам, ему будет интересно... Сдайте оружие!

Сэр Келляве грозно зарычал, его широкая ладонь в латной рукавице со звоном опустилась на рукоять меча. Всадник и его соратники чуть подали коней назад и опустили копья, готовые к схватке.

Бобик поднялся, под его гладкой и блестящей, как панцирь сэра Келляве, кожей устрашающе прокатились бугры мышц. Испуганные кони все пятились, ломая линию выставленных в нашу сторону копий.

Я сказал быстро:

— Тихо-тихо!.. Мы не драться пришли. Убьете нас, ваш правитель не узнает, что за новость мы принесли, важную для его власти и всей земли.

Виконт буркнул с прежней угрюмостью, но уже не так уверенно:

— Вы должны сдать оружие. Вы чужаки.

— Мы не сами по себе, — сказал я. — Нас послал наш король. Разве это не счастье — увидеть другой народ?

Виконт повторил хмурым голосом:

— Все должны оставить оружие. Таков закон.

— Сколько этому закону лет? — поинтересовался я. — Или столетий? Нас всего трое. Неужели бросимся на вас, за которыми стоит все герцогство, как мы слышали, огромное, богатое и справедливое?

Виконт поколебался, я перехватил его взгляд на Жанну-Антуанетту и Адского Пса, но все же он не стал указывать, что нас не трое. В самом деле кто же из нормальных мужчин станет зачислять в людей женщину и собачку.

— Хорошо, — сказал он тем же угрюмым тоном, — но как только кто-то из вас обнажит оружие, тут же будет убит. Дальше у нас там арбалетчики, а они будут следить за каждым движением.

— Чувствуется мудрое решение отважного командира, — сказал я. — Что и понятно, кого попало охранять подступы к столице не пошлют! Хорошо служите, виконт Инельдер!

Он почти улыбнулся, похвала и трилобиту приятна, а второй всадник слева от него скомандовал:

— Следуйте за нами!.. Оружие из ножен не вынимать!

Бобик ринулся вперед, кони всадников герцогства шарахнулись в стороны, едва не размазывая их о толстые стволы деревьев, а Бобик понесся по тропе в сторону города.

Я выждал, когда они успокоятся и вернут коней под контроль, Келляве что-то сказал сэру Кунигунду, тот поехал справа от меня, готовый прикрыть от любой опасности.

Деревья расступились, город открылся небольшой, но ухоженный, открытый миру, ни следа крепостной стены, кроме нашей дороги я заметил еще две, что тянутся справа и слева и пропадают за ближайшими домами.

Здания невысокие, в один этаж, только в центре высится крупное каменное здание в три этажа с пристройками, а на крыше трепещет под легким ветерком знамя.

Бобик остановился за сотню ярдов до города, там вдоль дороги расставлены металлические статуи рослых воинов, все в доспехах и с мечами в руках.

Когда проезжали мимо, я обратил внимание на некоторую неточность поз. Если бы создавал скульптор, поставил бы несколько иначе, в более красивых и величественных, а здесь ощущение, что момент метаморфозы живых людей в металл застал внезапно.

Оглянувшись в нашу сторону, Бобик тут же ринулся в город и пропал за ближайшими домами.

Жанна-Антуанетта лишь разок глянула по сторонам и снова прижалась к своему дубу, но я чувствовал, как моя дубость безостановочно плавится, зарождая в груди сладкий щем и неясное томление. Вообще-то ясное, но предпочитаю считать его неясным, иначе пришлось бы назвать себя скотиной, чего ну никак не могу позволить по отношению к такому зерцалу ума, доблести и великой скромности.

Закат красиво и печально догорает на западе у самого горизонта, впереди у главного дворца в широких

чашах горит масло, а воины с факелами в руках встретили нас у входа, выстроившись в два ряда.

Келляве пробормотал:

— Чего-то они как-то не совсем...

Вперед вышла группа богато и очень пышно одетых людей, я с ходу определил, что в этом изолированном анклаве отсталостью и не пахнет, одеты не просто по моде, а как бы с некоторым опережением, даже без париков, а туфли без дурацких огромных золотых пряжек, что обязательно цепляются одна за другую.

К моему удивлению, все сорвали шляпы и ждут в глубоком поклоне. Келляве, что держит своего коня рядом с арбогастром, сказал негромко:

— Совсем не совсем то...

— Что-то знают, — ответил я шепотом.

По знаку виконта Инельдера, который все еще считает, что конвоирует нас, все остановились, но отрапортовать о задержании неизвестных личностей, наверняка шпионов, не успел: дородный человек в золоте, сделал шаг и очень низко поклонился.

— Приветствую вас, спустившиеся с неба!.. Я, герцог Гондиний Эсторианский, от имени всего герцогства...

— Вот и разгадка, — сказал я Альбрехту, а дородному ответил с вельможностью в голосе: — Да, я изволил покинуть Волсингсбор и навестить и это место в моем турне по империи.

Покинув седло, я снял замершую в страхе Жанну-Антуанетту и поставил ее копытцами на утоптанную до твердости камня землю. Герцог, надо отдать ему должное, даже не повел в ее сторону взглядом, неотрывно смотрит на меня, властелина империи. Возможно, уже знает, что я не Скагеррак, хотя не пред-

ставляю, откуда такое может стать известно, если только он сам не участвует в заговоре.

Я окинул небрежным взглядом его замершую в поклоне массивную фигуру. Смотрится властно и вельможно, такой если и поклонится, то лишь тому, кто явно сильнее и намного выше по положению.

— Ночь на дворе, — сказал я высокомерно, — потому быстро разместите моих людей. Лучшие покой для маркизы Жанны-Антуанетты, а поговорим, возможно, утром.

Виконт Инельдер, слушая наш разговор с хозяином герцогства, незаметно подал коня назад, сделал знак своим людям, и те, тоже все поняв, пристыженно и незаметно отступили и потихоньку исчезли, словно их и не было.

Герцог снова поклонился и сказал искательно:

— Ваше величество... Извольте пожаловать в мой дворец, теперь он целиком ваш! Распоряжайтесь нами, как будет угодно вашему величеству!

— Да, — ответил я, — да, верное решение, герцог.

Глава 11

Измученную пребыванием в Маркусе Жанну-Антуанетту увели в покой младших дочерей герцога, где она явно заснула, едва коснувшись головой подушки, а для нас накрыли стол в центральном зале, к чему никак не привыкну, когда в громадном помещении в центре один-единственный стол.

Правда, стол не на всю длину зала, на этот раз обычного размера, хоть из дорогих пород дерева и с золотыми украшениями. За столом уже герцог и кра-

сивая молодая женщина с бледным лицом и трагическими глазами, торопливо поднялись, когда вошли мы с сэром Келляве, склонились в поклонах.

Келляве едва слышно хмыкнул, указывая взглядом на два оставленных для нас кресла с высокими прямыми спинками. Над одним стилизованная герцогская корона, над вторым чуть поменьше, явно для его жены.

Я кивнул, как же иначе, сейчас здесь я герцог, а сам герцог никто, подследственный, неспешно опустился в главное кресло и с небрежностью сделал отметающий жест.

— Садитесь. Поменьше церемоний, у нас не торжественный прием, а быстрый ужин с возможным обменом мнениями. Учитываются, естественно, только мои.

Герцог сказал подобострастно:

— Да, ваше величество!.. Как скажете, ваше величество!.. Мы так осчастлиvлены вашим визитом в наши далекие бедные земли, так обрадованы...

Герцогиня села и тут же опустила взгляд в тарелку, то ли стыдно за супруга, то ли ненавидит меня настолько люто, что боится выдать себя взглядом.

Герцог послушно опустился в кресло поскромнее герцогского, от стен тут же отделились слуги с блюдами в руках.

Я для вящего эффекта сконцентрировал волю и создал три роскошные чаши с великолепным вином, а еще для единственной женщины дивно изящный фужер из самого тонкого и прозрачного стекла с золотым ободком и медальонами на боках, это чтобы было видно форму фужера.

Но все равно, когда заполнился вином, показалось даже мне, что вино держится в воздухе, ни на что не опираясь, но сохраняя форму фужера.

— За новые возможности! — сказал я.

Сэр Келляве первым, подавая пример, сделал большой глоток из предложенной ему чаши. Герцог и герцогиня помедлили, с недоверием глядя на возникшие ниоткуда чаши, да еще с таким маняще пахнущим красным вином.

Я отпил малость, вино сладкое и слабое, как люблю, а вкусы остальных императору должны быть безразличны, взглянул поверх края чаши на герцога.

Они с женой наконец подняли чаши на уровень глаз, я сказал благожелательно:

— Я рад, что у нас сразу такое понимание. Похоже, вы знаете, кто я, хотя еще и не понял откуда.

Герцог проговорил с опаской в голосе:

— Ваше величество, мы увидели, как вы появились... прямо из воздуха! А это значит, вы либо Великий Маг, либо тот, кто прибыл с Севера на Багровой Звезде Зла!

— Интересно, — заметил я. — Еще не все в Волсингсборе знают, как именно я прибыл со своей несокрушимой армией, а здесь в глухи известно?

Он улыбнулся примирительно:

— Случайно.

— Все случайности закономерны, — заметил я. — Наверное, у вас хорошие советники?..

Его лицо едва заметно дрогнуло, но ответил тем же голосом:

— Да, наверное. У нас здесь ничего не происходит, потому трудно узнать, хорошие или нет. Все как всегда. Ничего нового.

— Новое приходит, — ответил я, — когда не ждешь.

Келляве допил вино, взглянул на меня с вопросом в глазах:

— Ваше величество, разрешите покинуть ужин?
Нужно посмотреть, как разместились кони.

— Да, — согласился я, мне показалось, что ему претит сидеть в кресле, предназначенном для женщины, пусть и герцогини. — Идите, герцог.

Герцог взглянул вслед сэру Келляве с некоторым недоумением. Для герцога Келляве одет слишком просто, а это грозный знак, что у меня армия вовсе не для красивых парадов.

Я с брезгливостью поковырялся в жарком, отрезал кусок и поднес на острие ножа ко рту. Вроде бы не отправлено и приготовлено неплохо, не хуже, чем на императорской кухне, но это потому, что в кулинарном искусстве потолок достигнут давно, даже простой граф может заказывать те же блюда, что подают императору.

Герцог проводил взглядом спину сэра Келляве и повернулся ко мне:

— Ваше величество, ваш соратник беспокоится напрасно. Ваши лошади устроены в лучшей конюшне дворца, моя юная дочь принцесса Розалиндия сочла за честь уступить маркизе Жанне-Антуанетте свои апартаменты, а для вас подготавливают мою личную спальню...

Я шевельнул пальцами в вялом жесте отрицания:

— Да зачем такие сложности?.. Из-за одной ночи не стоит вносить столько беспокойства.

Он поклонился молча, понимая, что я и не отказался, просто вежливо выразил удовлетворение стараниями загладить вину.

— Все для вас, — ответил он смиренно, — все для вашего величества!

— Разумно, — одобрил я. — Уверен, вы уже послали рабочих восстанавливать причальную пирамиду?..

Потому что, как вы понимаете, если мне придется вторично прибыть не на багере, а снова на Багровой Звезде, то просто сотру это герцогство с лица земли. Ничего личного, просто как пример для других... слишком самостоятельных.

Он торопливо поклонился.

— Д-да, ваше величество, все приказы уже отданы... или отдаются в этот момент. Мы просим пощады, в оправдание можем сказать только, что наше неповиновение имперским законом было из-за прежнего императора, а вот вам подчиниться нам радостно и сладостно... и мы со всем рвением и готовностью...

Герцогиня не поднимала взгляда от тарелки, ее щеки уже давно стали пунцовыми, а теперь заполыхали даже уши. На меня бросила взгляд, еще когда я входил в зал, и с того мгновения смотрела только в столешницу или в блюдо.

— Пока будут возводить причал, — сообщил я, — у вас останется ограниченный контингент моих войск для неограниченных действий. Они отбудут с первым же багером, так что в ваших интересах поторопиться со строительством. Солдаты есть солдаты, если понимаете о чем речь. Ах, вы не были солдатом?.. А я вот был простым, совсем простым золотатом... Перед нами все цветет, за нами все горит...

Они слушали молча, я старался держаться величественно и доминантно, чтобы даже не думали хитрить и как-то вывернуться из-под моего сапога.

Но доминант может быть и милостив при явных признаках признания его доминантности, я создал горку сахарного печенья и заварных пирожных с кремом, герцог уставился с испугом, герцогиня продолжала смотреть только в свою тарелку, хотя, как мне

кажется, должна выполнять роль радушной хозяйки и всячески ухаживать за моей тарелкой, перекладывая туда самое лакомое и беспокоясь, чтобы не пустовала.

— Это имперские, — сказал я и первым взял пирожное, — угощайтесь. Император может быть свиреп в случае непослушания, но может быть и милостив!

Герцог, сдерживая дрожь, следом за мной взял самое мелкое печенье, выдавил из себя улыбку.

— Мы счастливы, ваше величество!

Я наполнил свою чашу вином, отпил залпом половину и поднялся.

— Всем спокойной ночи и приятных снов!.. Утром во время завтрака утрясем остальные вопросы.

Они поспешили подняться, поклонились мне в спину и так стояли согбенными, пока я не вышел в коридор.

Сэр Кунигунд, что дежурил там во время ужина, шагнул навстречу.

— Ваше величество, — сказал он бодро, — я проверил покой герцога!.. Чисто.

— Отдыхайте, сэр Кунигунд, — велел я. — Мы на всех местных нагнали такого страху, что месяц будут вздрагивать при каждом скрипе.

Когда поднялись на этаж, где покой герцога, из коридора шагнул навстречу бдительный Гастон Келляве.

— Сэр Ричард, — громыхнул он довольным голосом, — покой не императорские, но получше, чем было в других замках империи!

Я отмахнулся.

Келляве торопливо забежал вперед, торопливо распахнул передо мной двери.

Я с порога мгновенно оценил обстановку как соответствующую уровню герцога, но не больше, как мог бы себе позволить властелин герцогства.

Большой зал, хороший для пиров, но неуютен как спальня, не случайно широкое ложе под балдахином, а со всех четырех сторон плотные шторы, отгораживающие от мира, иначе кровать кажется выставленной на городскую площадь, а спать в таком месте не совсем уютно.

— Там пусто, — сказал Келляве и кивнул на ложе, — я даже не стал раздвигать...

— Все хорошо, — сказал я, — переживем эту ночь.

И все же покои герцога достаточно богатые, побогаче стандартных в Волсингсборе, но там этих герцогов, как гусей на базаре в предпраздничный день, а здесь герцог почти король, так что здешняя пышность объяснима и даже оправдана демократической общественностью знати.

Опасности в покоях я не учゅял, как и Келляве, да и не успел бы враг что-то придумать, я же свалился как метеорит в неясный день.

— Оставайтесь в коридоре, — велел я Келляве и Кунигунду. — Можете отлучаться по одному. Нет, опасности не ожидаю, это на случай, если придется послать кого с поручением... И, да, кто-то из вас пусть доедет до сэра Норберта. Нечего им там в лесу сидеть.

Они кивнули, все поняли и, выйдя из спальни, плотно закрыли за собой дверь.

Я сбросил сапоги посреди зала, прошел пару шагов и расцепил ремень, повесив его на спинку кресла, сбросил рубашку, зашвырнул ее на что-то вроде тахты, так раздеваются все мужчины, а я остаюсь самцом, даже будучи императором.

До ложа добрался в одних штанах, там раздвинул шторы и сел, чувствуя что в самом деле малость устал. Передохнув, начал развязывать шнурки, в это время тихонько приоткрылась дверь, и в щель неслышно проскользнула женская фигура в длинном пеньюаре, полы волочатся по толстым коврам.

Тревоги я не ощущал, мои люди в коридоре не пропустили бы нечто опасное, смотрел в ожидании, огонек свечи затрепетал от ее движений, пусты и медленных, а когда свет упал на ее лицо, я в некотором замешательстве узнал герцогиню.

Она подошла, медленно откинула край одеяла и легла прямо в пеньюаре, тихая и покорная, укрывшись одеялом до груди.

— Ваше величество, — прошелестел ее голос, — все в этом герцогстве принадлежит вам.

Я ответил как можно будничнее, будто все именно так и должно быть по некому вселенскому закону, которому подчиняемся мы оба:

— Ваш супруг быстро все понимает. И то, что если все отдать, то можно великодушно получить обратно. Хотя бы часть.

Она ответила тихо:

— Но можно и не получить.

Я сбросил штаны прямо на пол, лег, но тут же приподнялся на локте, всматриваясь в ее бледное лицо. Она под моим взглядом шире распахнула разрез на груди, а подол ночной рубашки, судя по движениям ее рук под одеялом, подобрала до середины живота.

— Посмотрим, — сказал я. — По крайней мере, он сделал ход в верном направлении. Политик!

Она ответила тихо:

— Этот шаг сделала я.

— А герцог знает?

— Да, — ответила она, — он знает.

— И что?

— Сказал, что я всегда забочусь о его короне.

Я уловил что-то в ее голосе, уточнил:

— А это так?

Она тихо прошептала:

— Я забочусь о герцогстве. С вашей властью можно в самом деле уничтожить эти земли со всеми их людьми и городами... и не заметить. Для вас это слишком незначительная величина!

Я ответил с некоторым сомнением:

— В этом месте я должен усомниться, похвалить вас за патриотизм и самопожертвование в интересах державы, а самому со стыда пойти и утопиться. Или повеситься.

— Ваше величество, — сказала она тихонько, — конечно, вы так не сделаете...

— А жаль, да? — поинтересовался я. — Конечно, не сделаю. Политики... это такая порода!.. Естественно, я вас поиспользую для половых нужд и потребностей по полной программе и даже сверх. Некоторым только так можно дать понять, кто в доме хозяин и кого нужно слушаться. Любые интеллигентные расшаркивания местные корольки расценивают как слабость...

Она побледнела, но сделала над собой усилие и шире раздвинула ноги.

— Ваше величество, я в вашей власти. Как и все герцогство.

— Вы прекрасно формулируете, — ответил я, как должен отвечать тиран, который железной рукой обеспечивает мир и спокойствие в империи. — Герцогиня, вы сейчас символизируете все герцогство. А я совершу

насилие над герцогством и властью в нем, вы здесь ни при чем, герцогиня! Это просто красивый символический акт. А я такой символист, что сам дивлюсь... Надеюсь, вы понимаете государственную необходимость в насилии со стороны власти над обществом? А так вообще-то спальня вам знакома, как и ложе, а что мужчина в ней поменялся... какая разница? Все мужчины одинаковы.

Глава 12

Наверное, поверила, что я в ее виде гвалтую герцогство, в песнях и легендах женская роль несколько преувеличена: из-за них свергают династии, создают новые королевства и развязывают кровопролитные войны, что и понятно — все мы стремимся к романтике и сами все романтизуем и облагораживаем, чтобы было красивше.

Во всяком случае, герцогиня явно чувствовала гордость своим самопожертвованием. Если Иисус, позволив распять себя на кресте, спасал все человечество, то она старательно спасала герцогство от моего праведного гнева. Или хотя бы правящую династию, что тоже нехило.

Мы оба, понимая ситуацию, провели процедуру правильно. В конце я довольно хрюкнул, рухнул рядом в постель и тут же заснул, причем снилось, какой я умный и правильный, все делаю по справедливости и с наименьшими потерями, что вообще-то верно.

Утром проснулся первым, но она как только раскрыла глаза, торопливо облачилась в пеньюар и приготовилась исчезнуть.

— Доброе утро, — сказал я, — как спалось?

— Превосходно, — ответила она стесненно, — спасибо, ваше величество.

— Вы даже не хранили, — похвалил я. — Во всяком случае, не настолько громко, чтобы я проснулся.

— Спасибо, ваше величество, — повторила она скромно.

Она присела в поклоне, получилось очень смешно, пеньюар растопырился, обнажая белое, как у сома брюхо, голые ноги, а верх распахнулся до талии, удерживаемый лишь поясом. Показалось настолько примитивно эротично, что зачесалось снова распластать на постели и надругаться, но строго одернул себя, напомнив, что ночью было не сексуальное доминирование, а политический акт демонстрации мощи и влияния империи, а я лишь выразитель ее светоносного облика, тоже бренд и символ в какой-то степени.

Когда была уже у двери, я сказал вдогонку:

— Кстати, герцогиня... забыл вчера спросить ваше имя.

Она торопливо оглянулась, глаза расширились в испуге.

— Улиссандрия, ваше величество..

— Мне нравятся ваши, — сказал я милостиво и медленно покрутил в воздухе, обозначая округлости, — ваши земли и все герцогство. Встретимся за столом!

Пока натягивал брюки, здесь вульгарно именуемые штанами, из коридора заглянул Келляве, морда любопытная, явно прислушивался к нашему началу ночи.

— Сэр Ричард, — сказал он по-свойски, — люди Норберта прибыли, кормежка здесь хорошая, герцог не лютует, а больше своих рыбок кормит, чем делами

занимается... У него там на той стороне дворца немалых размеров пруд, самолично карпов разводит! Говорят, больше ничего ему не интересно.

— Спасибо, Гастон, — сказал я. — Сам не знаешь, насколько ценные сведения принес.

Он довольно ухмыльнулся, исчез, а я продолжил одеваться, в очередной раз подумал, что пора упрощать моду, а вместо этих завязочек и шнурков придумать хотя бы пуговицы.

Когда вслед за местным церемониймейстером вошел в зал для завтрака, стол на четверых уже накрыт, герцог Гондиний Эсторианский и его супруга герцогиня Улиссандрия чинно сидят рядышком, а слуги церемонно и с поклонами усаживают Жанну-Антуанетту в кресло с высокой спинкой.

Маркиза выглядит выспавшейся, посвежевшей. Хотя перелет на Маркусе и длился пару минут, но кто-то и за полминуты успевает поседеть, так что Жанна в самом деле сперва сияющий бренд, а уж потом испуганная или неиспуганная женщина.

Герцогиня в этот раз ничуть не опускает глаза, смотрит прямо и чисто, словно обычное дело при живом муже лечь в постель с гостящим у них императором. Правда, визит не совсем обычный, вообще-то мягкий вариант военного захвата города, когда всех грабят, насилуют, все рушат, потому жена герцога в моей постели всего лишь наглядная демонстрация, кто в городе и герцогстве хозяин.

Возможно, подумал я, герцогство и выбрано таинственными заговорщиками именно потому, что правитель здесь не лезет в бутылку, амбиций ноль, карпов разводит, видите ли, таким легко руководить, если доступно объяснили на пальцах расклад сил.

То есть либо пообещали что-то особенное, либо пригрозили большими бедами, если не подчинится. И не просто пообещали, а могли и продемонстрировать, чтобы убедился и не артачился. Ладно, разберемся.

Слуга торопливо отодвинул передо мной кресло, а когда я подошел к столу, ловко придвигнул мне под зад.

Я сказал величественно:

— Всем доброго утра и... приятного аппетита! Можете сесть, кстати.

Они синхронно опустились в кресла, герцог сказал торопливо:

— Ваше величество, на рассвете все каменщики города уже отправились восстанавливать причальную башню. За этим лично проследил ваш соратник...

— Герцог Дарабос, — подсказал я. — Норберт Дарабос. Никогда ничего не упускает, очень строг с теми, кто не выполняет или просто запаздывает с выполнением его приказов. Хорошо, я рад, что не пришлось применять более... убедительные меры.

— Там рабочих даже больше, — заверил герцог, — чем нужно.

— Будут работать в три смены, — сказал я, — чаще подменять уставших. Приобщение к цивилизации требует жертв! А уж к культуре так и вовсе.

Слуги вошли в зал цепочкой, на вытянутых перед собой руках несли широкие блюда, это чтоб не осквернить своим дыханием все жареное, печеное, источающее вкусные запахи только что приготовленного мяса с горькими травами и прочими специями, а центральное блюдо, целиком запеченного молодого оленя, так внесли целиком. Только рога украсили цветами.

Далеко здесь до веганства, подумал я одобрительно, что хорошо для разжигания азарта в человеке, впереди еще долгий путь...

Жанна-Антуанетта с величественным видом общепризнанного бренда восседает рядом со мной и тоже в кресле с тронной спинкой, настоящая королева всего, что мы хотим видеть в женщине.

Мелькнула мысль, что ей уже могли сообщить, как жена герцога убеждала меня ночью в их лояльности, но тут же отогнал, как муху. При чем тут жена герцога, речь шла о государственных интересах, о сохранности их владений. Жена герцога, как и ее муж, старается сохранить их в наибольшем объеме, для этого императора нужно умасливать всеми способами, выказывая ему покорность и готовность служить всем прихотям. Ничего личного, просто политика. Я же со своей стороны тоже не имел права выказывать мягкость, иначе на шею сядут.

Так что уверен, когда некие действия и поступки вызваны государственными интересами, Жанна-Антуанетта понимает необходимость присутствия разных женщин в моей постели, у нас это в первую очередь укрепление связей, а случка на втором-третьем плане, а то и на четвертом.

Сама она тоже на службе интересов империи, это ни в коей мере не контрапит с ее верностью мужу Антуану.

Заметив мой несколько отстраненный взгляд, шепнула тихонько:

— Да, ваше величество...

— Что? — спросил я.

— Я вижу разницу.

Настоящая женщина, подумал я. Не видит разницы в мужчинах по постели, там они одинаковы, как

и женщины вообще-то для нас, а вот в делах и поступках у нас все-таки разнообразия побольше. Особенно у нас, самцов.

Герцог торопливо закончил с завтраком, я видел, как мнется и пытается что-то сказать, но не решается, однако помочь ему не стал, неторопливо разделялся с рябчиком и уже заканчивал, когда герцог преодолел себя и проговорил с заминкой:

— Ваше величество, мой советник усиленно добивается аудиенции вашей милости.

Я с интересом взглянул на его взволнованное лицо, вот оно начало, клюнуло, заговорщики начинают действовать.

— У вас один советник?

Он ответил с заминкой:

— Ваше величество, у нас крохотное герцогство.

— Все понятно, — сказал я, — советник у вас один, но у того советника есть свои подсказчики. Разного ранга. В том числе и те, кого нельзя ослушаться.

Он смолчал, я же не вопрос задал, можно не отвечать, герцогиня заботливо ухаживает за мной, перекладывая из общего блюда в мою тарелку самые лакомые куски, на что Жанна-Антуанетта абсолютно не реагирует.

Все по протоколу, хотя в протокол вряд ли вписано крупными буквами, что жена побежденного должна идти в постель победителя, но буквы есть еще и мелкие, которыми добавляются в конце всякие как бы мелочи, именуемые в народе секретными пунктами, содержание которых не разглашается, но к исполнению обязательно.

В завершение завтрака я милостиво создал всем по чашке кофе. Герцог и герцогиня даже взбледнули,

глядя на зловеще-черный напиток, но когда Жанна-Антуанетта изящно взяла в обе ладони, элегантно оттопырив мизинчик, и сделала глоток, после чего красиво закатила глазки, тоже взяли в ладони, хоть и с заметной опаской.

— Приглашайте советника, — распорядился я. — Изволю изволить.

Герцог спросил с некоторой опаской:

— Сейчас?

Я пожал плечами:

— Я в походе, а в этих случаях протокол отменяется.

Жанна-Антуанетта мило улыбнулась и уточнила ангельским голоском:

— Он заменяется законами военного времени.

Молодчина, подумал я с одобрением. Вон как герцог сразу взbledнул, а герцогиня уронила ложку.

Один из слуг по жесту герцога бросился к выходу. Я неспешно смаковал кофе, сахарное печенье смаочно похрустывает на зубах, ждал, наконец дальняя дверь распахнулась.

Порог переступил среднего роста человек в скромной одежде придворного, но такой, что понятно сразу: не богатый щеголь, а служащий, ревностно преданный делу, одет с минимальной пышностью, скромен и деловит.

Я рассматривал его с небрежностью всесильного сатрапа, а он поклонился с середины зала и остановился там в позе почтительнейшего ожидания.

Герцог, глядя, как Жанна-Антуанетта допила кофе и поставила чашку на стол, сделал то же самое, поднялся, стараясь держаться с достоинством и величием властелина герцогства.

— Ваше величество, — обратился он ко мне, — с вашего разрешения мы с супругой покажем вашей спутнице наш сад...

— Да, — ответил я жирным голосом, — да, она любит в саду. Под пенье соловья. Ага, весьма.

Герцог подал руку маркизе, она прикоснулась к ней двумя пальчиками, и так проследовали к выходу из зала.

Я жестом подозвал советника ближе, а когда он торопливо подошел, вперил в него строгий взор.

— Итак, советник... Кто я и зачем здесь, знаете. Так что давайте сразу к делу. Вы и есть, как понимаю, те преступные шантажисты, что пытаетесь вынудить меня сделать нечто противозаконное?

Он вздрогнул, некоторое время смотрел оторопело, затем поспешил поклониться.

— Ваше величество... отличается очень быстрым умом.

— Я во всем быстр, — сообщил я. — Мух на лету хватаю!.. Так что скажете в свое оправдание?

Он в заметном или в показном смущении развел руки в стороны.

— Ваше величество, разве для вас существует что-то противозаконное, если вы сами устанавливаете законы и правила?.. Кстати, вы действуете просто стремительно. Мы впечатлены. У нас предполагали, Багровая Звезда передвигается сама по себе, а вы только воспользовались, как моряки попутным ветром... Но вот так нацеленно... Эта Багровая Звезда... в самом деле вам подчиняется настолько?

— Как видите, — ответил я любезно. — Не кажется, что слишком большой кусок откусили?

Он ответил с запинкой:

— Найти наше руководство Багровая Звезда не поможет. А я здесь всего лишь посредник, получающий приказы и указания.

— Не найдем? — переспросил я. — В самом деле лучше меня знаете? С Багровой Звездой уже просчитались.

— Не поможет, — повторил он почти с сочувствием.

— Значит, — сказал я, — ваш штаб либо в недрах земли, где работают подземные заводы под управлением могучих демонов... либо на одном из скайбагеров?

Он посмотрел на меня с интересом и повторил уже увереннее:

— Ваше величество отличается особой сообразительностью. Вы даже не подумали о руке императора Тимбершира, Огиля и Краланиса Грозного, на что подумал бы любой другой на вашем месте.

— И не подумаю, — заверил я. — Так что либо недра, либо скайбагер. В недрах еще не был, но на одном из скайбагеров уже побывал. Там есть еще?

Он вздрогнул, посмотрел испуганными глазами.

— Вы шутите?

— Императоры не шутят, — ответил я надменно, — а когда шутят, целые королевства горят. Могу обшарить и остальные, хотя и на первом кое-что нашел... И, кстати, не золото и бриллианты, если полагаете, что искал такую ерунду. Императоров простонародные сокровища не интересуют, у нас их хоть жопой ешь... Так вы все еще уверены, что не достану ваше гнездо?

Он ответил уже с заметным трудом:

— Ваше величество показывает... невероятное и ничем не объяснимое умение.

— Ага, — сказал я с удовлетворением, — уклоняешься. Значит, на скайбагере что-то в самом деле есть, да?.. И такое, что может и вас достать, верно? Где вы ни прятались?

Он замотал головой:

— Ваше величество, я такого не говорил!

— Сказали, — сообщил я безжалостно. — Язык дан для того, чтобы скрывать мысли, но есть еще и язык тела, жестов, мимики. Не знали? Я хреновый хиропрактик, но, когда общаюсь с подобными шпионами из деревень, нетрудно понять даже мне, когда брещут.

Он умолк, но молчание говорило за него отчетливо, и он вроде начал это понимать, на лице испуг перешел в то выражение, которое я назвал бы близким к отчаянию.

Глава 13

Я еще несколько мгновений сверлил его испытующим взглядом, всем видом показывая, что копаюсь в его самых сокровенных мыслях, не пропуская даже те стыдные, когда он мечтал подержать в ладонях жопу жены соседа.

— Ваших людей в герцогстве много? — поинтересовался я.

— Достаточно, — ответил он, уже стараясь взять себя в руки, — но это не имеет отношения...

— А как переходите из своего укрытия, — спросил я, — в это герцогство?

Он взглянул настороженно.

— А откуда видно, что мы не здесь?

— Способ общения, — пояснил я. — Почему вашему руководству не встретиться со мной лицом к лицу?

— Это может произойти позже, — ответил он уклончиво. — Сейчас необходимости нет.

— Понятно, — ответил я, его лицо напряглось, я постарался выглядеть так, словно мне открылись все тайны мира. — Да, понятно.

Он не стал спрашивать, что же мне вдруг стало понятно, это значило бы чуточку уронить себя или выказать нервозность, а я подумал, что и в самом деле в мир выйти не могут, общаются с помощью местных, а тем говорят, что делать с помощью того изъеденного временем экрана, что уже давно бы саморазрушился со временем, но, видимо, в нем еще существуют остатки саморемонта.

— Хорошо, — проговорил я с задумчивым видом, — тогда мы, возможно...

Он ощущил по моему голосу что-то недоброе, сказал поспешно, стараясь перехватить инициативу:

— Как мы заметили, вы прибыли на Багровой Звезде?

— Правда, заметили? — переспросил я. — А я так старался прибыть скромно и незаметно. Без грома и молний, что мне полагаются по статусу ее властелина.

Он сдержанно улыбнулся.

— Да, вы все проделали незаметно. Да и не заметили мы, а догадались, раз уж с вами целый конный отряд достаточно простых воинов, не знающих ни магии, ни... чего-то иного. Просто другого варианта нет, герцогство окружено горами и разломами, через которые непросто пройти даже пешему... А Багровая Звезда... это чтобы сразу подавить возможные волнения?

— Ничего мельче под рукой не нашлось в тот момент, — ответил я скромно. — А вообще-то разве не должен император являться во всем величии и мощи? Иначе примут за какого-нибудь короля!.. А так да, каждый видит и кланяется издали. Даже потенциальные бунтовщики, заговорщики и прочие карбонарии и сепаратисты.

Он сказал почти просительно:

— Ваше величество, некоторый сепаратизм и в ваших интересах.

— Ого, — сказал я, — каким образом?

— Налоги, — ответил он. — Налоги будут поступать в вашу казну в том же объеме. Даже чуть больше, вам не придется содержать армию сборщиков. В герцогстве будут собирать сами и привозить вам прямо в Волсингсбор.

Я сказал с самым заинтересованным видом, надеюсь, глазки у меня заблестели, я даже изволил пошевелиться чуток в державном кресле герцога:

— С этого и надо было начинать!.. А то это эффектное похищение... какое-то варварство. А налоги — основа государственности. Сколько это герцогство, что хочет стать королевством, может собрать за год?

Он сказал вежливо:

— Полагаю, надо принимать в соображение не то, сколько можно собрать, а сколько можно собирать всегда.

— Точно, — согласился я. — Хуже налогов может быть только одно: когда не с чего платить. Но герцогство выглядит достаточно зажиточным. Почти королевство

— Хороший пастух стрижет овец, — напомнил он, — но не сдирает шкуры.

Мы продолжали рассматривать друг друга, уже идет торг, это то, к чему они меня подводили, но я тоже готов, такое чувствуют и посматривают с настороженностью и предельным вниманием.

— Ладно, — сказал я, — начнем с главного. Пока не увижу плененного вами самым злодейским образом маркиза, все разговоры не имеют смысла.

Он поклонился.

— Ваше величество, этот вопрос обсуждали и пришли к решению... Но чтобы увидеть маркиза, придется проделать небольшое, по вашим меркам, путешествие.

— Насколько небольшое?

— Где-то с полсотни миль, ваше величество.

— Рукой подать, — сказал я с удовлетворением. — Люблю такие крохотные уютные образования! Тогда прямо щас.

Он поклонился и отступил на шаг.

— Как вам будет угодно, ваше величество.

Через полчаса я выехал на арбогастре, держа в седле впереди себя Жанну-Антуанетту, Бобик в нетерпении нарезает круги и время от времени уносится далеко вперед или в стороны.

Советник герцога, он назывался Жаком, просто Жаком, простонароднее имени уже не бывает, скромно держится в седле на низкорослой лошадке, явно выносливой и быстрой.

Для сопровождения моего величества Норберт отправил небольшой отряд Милфорда, молодого и крепкого парня, которого я отметил давно за его серьезность и умение держаться.

Бобик, не в силах идти с нашей черепашьей скоростью, унесся вообще в пространство так, что исчез из поля зрения, обшарил там, вернулся, принялся носиться вокруг нашего отряда, даже переворачивал по пути такие огромные камни, при виде которых советник Жак вздрогивал, но Бобик бегло смотрел, кто там прячется, фыркал и уносился дальше, чтобы перевернуть по дороге целую скалу.

Жанна-Антуанетта извернулась в моих руках, стараясь заглянуть мне в лицо, в ее прекрасных глазах снова засияли слезы.

— Ваше величество!.. Они точно дадут мне поговорить с Антуаном?.. Хочу убедиться, что он жив!

Я указал взглядом на притихшего Жака, тот едет справа от нас, смотрит вперед, но чувствую, ловит каждое наше слово и даже следит за жестами.

Не знаю, что выстраивает в мозгу, но заметно, что непрост, в бутылку не лезет, держится очень грамотно, избегает всего, что может спровоцировать венценосного самодура.

— Уверяют, — сказал я, — что жив и даже здоров. Сейчас с него пылинки сдувают!.. Антуан для них не Антуан, а рычаг, значение которого вообще-то переоценивают. А нас стараются загнать под пресс.

Она сказала упрямо:

— Все равно!.. Я хочу его увидеть. Я им не верю.

— Я хоть и верю, — сказал я, — но вы правы, надо давить на всех направлениях. Иначе уважать не будут. Так что будем добиваться личного свидания.

— Спасибо, ваше величество!

— Все для империи, — ответил я величественно, — все для ее вящей и непроходимой славы.

Она прошептала:

— Я стараюсь.

Я вспомнил жену герцога, как ее, ага, Улиссандрия... нет, Улиссандрия, у простолюдинов нет таких проблем, как у венценосных правителей, а также их венценосных жен.

— Все стараемся, — ответил я со вздохом. — А уж я вообще из кожи лезу... Не поймите меня правильно.

За городом пошли дремучие леса, у нас бы назвали тайгой, деревья настолько исполинские, что секвойи показались бы рядом полем пшеницы, дальше открылись взору лесостепи и степи, снова леса, но уже не такие морозоустойчивые.

Высокая гора, вершину которой увидели, как только выехали за город, постепенно приближается. Наконец лес остался за спиной, впереди простор и гора, а в горе странный блеск, словно в нее вделаны крохотные зеркальца, десятки, если не сотни.

Приблизились еще, я зябко повел плечами при виде чудовищного сплава камня и высывающихся из него металлических конструкций, что утопают в нем, как в глине.

Железная Гора, как ее называют местные, на самом деле не железная, но все-таки железа в ней очень много, хоть и не руды, а именно железа, высокопрочного и нержавеющего, выплавленного для каких-то целей, а потом смятого неведомым катаклизмом и перемешанного с землей, что волей чудовищных температур превратилась в застывший камень.

Советник Жак поглядывает на меня пытливо, я как-то веду себя иначе, чем ожидается, но помалкивает, сказанного достаточно, а пустых разговоров облеченные властью лица избегают.

— Где? — спросил я.

Он ответил торопливо:

— С той стороны, ваше величество.

Я молча пустил арбогастра вперед, за мной торопливо ринулась половина отряда, остальные остались сторожить Жака.

Жанна-Антуанетта вскрикнула и прижалась ко мне крепче, встречный ветер пытался выдернуть ее из моих рук, но быстро утих, когда я объехал гору и остановил коня.

С этой стороны Железная Гора выглядит жутковато: будто некий титан, сам размером с гору еще крупнее, разрубил ее пополам сверху донизу. Одну из половинок унес, оставив вторую торчать на страх и удивление местным жителям.

Я постоял у подножия, наконец уловил, как на высоте метров в сорок блеснул солнечный зайчик.

Жак примчался в окружении охраны на взмыленном коне, я уловил его уважительный взгляд на черного, как эпоксидная смола, арбогастра, что не только прекрасен, как мечта короля Ада, но и быстр, словно ветер.

Я ждал, он торопливо покинул седло, бросил кому-то из охраны повод таким жестом, что выдал в нем человека, зачем-то скрывающего свое благородное происхождение.

Я сделал вид, что не заметил прокола, сказал в склоненную мне на грудь головку с голубыми волосами:

— Маркиза, сожалею, но дальше, похоже, пешком. Но вы, если устали и снова хотите есть, можете остаться.

Она быстро вскинула голову и всмотрелась в меня удивительными фиолетовыми глазами, что стали почти темными.

— Что? И не увижу Антуана?

— Дороги нет, — сказал я, — а карабкаться через камни... гм... каблучки точно стопчете.

— Переживу!

— И платье порвете.

— У меня тысяча платьев!

— Тогда вперед и с песней, — сказал я, — вы песни какие знаете?

— Вам петь не буду, — ответила она дерзко, — это не входит в обязанности первой леди империи.

Я покинул седло, маркиза просто упала мне в руки, такое доверие льстит, у меня чувство юмора иногда зашкаливает, мог бы и не поймать, но сейчас изловил в воздухе и бережно поставил на землю каблучками.

Жак сказал почтительно:

— Да, ваше величество, с этой стороны.

Я указал на гору, солнечные лучи падают на зеркально ровную поверхность под углом и четко высвечивают глубоко прорезанные линии, образуя где горельеф, где барельеф с изображением некой крепостной стены с зубчиками, воротами, даже двумя башенками...

Жак, поймав мой взгляд, сказал тихо:

— В старое время через эту стену ходили. А это уже потом вырезали, после катастрофы. Думали, будет достаточно, однако... теперь только лоб расшибешь...

— Что-то перестало работать, — сказал я и, видя его недоумение, пояснил: — Магия кончилась. Истощилась.

Он промолчал, затем сказал чуточку натянуто:

— А-а-а, ну да, магия это такое дело... Темное, хоть и светлая.

— Хотя здесь не магия, — сказал я и в упор взглянул на него, — но вам этого говорить не надо, верно?

Он смутился, отвел взгляд в сторону.

— Ваше величество... как посредник я знаю немного. Просто догадываюсь, что не в магии дело.

— А в чем?

Он бросил на меня взгляд искоса.

— Возможно, ваше величество знает лучше.

— Я знаю, — согласился я, — а вы, значит, только догадываетесь?

Он тупо промолчал, потому любой его ответ дает мне какой-то ключ, и чаще всего не тот, какой он хотел бы дать.

Всадники Милфорда спешились, передав коней самым младшим, пошли за нами через валуны и огромные камни, а также вывернутые глыбы расплавленной и застывшей земли.

Я присмотрелся, между камнями, которых все больше, едва заметная тропка, но пока обратил на нее внимание только я, да и то потому, что рассчитывал увидеть, в зависимости, есть она или нет, можно по-разному строить торг.

Жанна-Антуанетта, подобрав платье, старается не отставать, Милфорд перехватил мою гримасу неудовольствия и держится с нею рядом, подхватывает, помогает переступать через торчащие из камней прутья, пару раз даже подхватил на руки, перенес через опасное место.

Жанна-Антуанетта принимает эти услуги как должное, помочь слабой женщине — совсем не посягательство на ее честь и достоинство, даже если в это время мужские руки и касаются ее жопы.

У самого подножия горы наметился темный вход, перед ним площадка загажена высохшими экскрементами мелких зверьков, разбросанными костями еще более мелких.

У самого входа человеческий скелет в положении сидя прислонился к стене, но, как чудится, слишком уж напоказ, да и не остаются кости вот так красиво вместе, звери растащили бы далеко в норы.

Жак остановился у входа, во взгляде я увидел нерешительность и некоторое колебание.

— Ваше величество...

— Говори.

— Если бы вы соизволили посетить это место вечером, то могли бы увидеть маркиза здесь. Но сейчас такое прекрасное солнечное утро... придется спуститься по этой пещере... там очень глубоко.

— А что на дне?

— Основание этой горы, — пояснил он.

— А там тоже что-то типа зеркала?

Он взглянул настороженно, слишком быстро я все схватываю.

— Да, ваше величество.

— И маркиз появится... вернее, появится его изображение? Как в зеркале, только с этой стороны маркиза не будет?

Он сказал с запинкой:

— Ваше величество все сказали точно... Наверное, уже с таким сталкивались? Или слыхали?

Глава 14

Я, оставив вопрос без ответа, здесь спрашиваю только я, сказал с небрежностью в голосе и скучой на лице:

— Понятно. Там нет света, но есть благоприятный температурный режим. Термопреферендум, как говорят в народе.

Он посмотрел с еще большим страхом во взгляде.

— Так говорят у вас в народе?

— Вы против народа? — осведомился я, вроде бы не заметив многозначительное «у вас». — Народ — это наша кормовая база! А житницу надо холить, беречь и лелеять.

Он посмотрел с изумлением, торопливо нырнул в пещеру, а я пошел следом, хотя Бобик отпихнул меня и ринулся впереди.

Ощущение такое, что основание этой горы в самом деле лежит ниже уровня, на который обрушивалась ужасающая мощь Багровой Звезды. Похоже, изломанные пласти гранитного плато не рассыпались при чудовищном вспахивании, нагромоздились один на другой так, что оставили извилистый проход в недра.

А дальше можно догадаться, какой-то пастух в поисках потерявшейся козы добрался до самого дна. Или рассказал, что там проход в недра, тут же нашлись искатели сокровищ, опускались все ниже и ниже, пока не уперлись в стену, а там увидели нечто удивительное, оставшееся со временем последней Войны Магов.

Впереди послышался требовательный гавк. Я инстинктивно дернулся, готовый ринуться на помощь другу, но тут же понял, что Бобик просто торопит ленивых черепах, не хочет отрываться от них слишком уж.

Позади только четверо из разведчиков, Милфорд безнадежно отстал с Жанной-Антуанеттой, а Жак уверенно спускается по узкой норе, приходится то пригибаться, то втягивать пузо, иначе не пролезть между близко сходящимися стенами, кое-где пришлось перепрыгивать ручьи из все еще кипящего металла,

дважды пробирались по тропке вдоль отвесной стены над пропастью.

Наконец, уже изрядно уставший, вспотевший и раздраженный, я увидел летящего навстречу Бобика. Жак пугливо метнулся в сторону, едва не сорвавшись в пропасть, а Бобик бросился мне на шею и начал уверять на своем хореографическом языке, что дальше тупик, стена, пойдем обратно, даже помчимся, здесь ну ничего интересного...

— Сперва посмотрим, — сказал я ему, — проверим.

Жак уловил брошенный на него взгляд, вздрогнул.

— Да-да, там ждут.

— Экран всегда включен?

Он посмотрел дикими глазами:

— Простите?

Я отмахнулся:

— Говорю, с той стороны постоянно наблюдают за пещерой?

Он торопливо кивнул:

— Да-да, ваше величество.

Бобик снова метнулся в ту сторону, показывая, что уже совсем близко, я пошел следом, а Жак на этот раз потащился сзади.

Думаю, когда в Зачарованном Месте поняли, что смотрят из своего закапсулированного мирка в наш, то сперва только жадно смотрели в отчаянной надежде увидеть хоть кого-то в большом мире, от которого оказались отрезанными, а когда увидели первых, рискнувших спуститься в это уцелевшее место с остатками аппаратуры, то опрометчиво пытались войти в контакт, но, конечно, все здесь убегали, заслышав голос страшного подземного демона.

Наконец какой-то пастух, а то и приключенец в поисках кладов, не убежал, с ним удалось установить какие-то отношения. Возможно, как-то помогли, к примеру, указав, в какую сторону пошла потерявшаяся коза, еще в чем-то, таким образом удалось постепенно создать некое подобие собственной агентуры в этом мире.

Этот **Жак** один из таких, знает немного, послушно выполняет их повеления. Наверняка его убедили в их всемогуществе, это нетрудно, если сам на более высокой ступеньке развития, счастлив служить таинственным могущественным силам.

За поворотом увидел внизу Бобика, он повернул голову и призывающе гавкнул.

— Иду, — крикнул я, — проголодался? Сейчас скормлю тебе этого вот, что идет следом...

Жак замедлил шаг, сказал с дрожью голосе:

— Ваше величество, я понимаю, шутить изволите, но как-то уж серьезный у вас голос...

— Жизнь такая, — сообщил я. — Вы же враги общества! Вот и... К тому же ваша миссия окончена, а моя собачка проголодалась... Ага, вот это и есть зеркало?

На плоской, словно начисто срезанной стене из камня, если это камень, издали заметил изображение, сердце тут же застучало взволнованнее, узнавая мебель иного, совсем иного дизайна, растерявшего вычурность и многочисленные мифологические фигурки на ножках, с которых забодаешься выковыривать пыль, а тот типовой, простой в своей элегантности, что появится через полтыщи лет.

Чем ближе подходил, тем изображение становилось явнее, но все равно до нормальной четкости и яркости далеко.

— Цветопередача хромает, — заметил я, подходя ближе, — почти никакая... И что дальше?

Как ответить не успел, в глубине комнаты, которую рассматривая, появилась фигура человека, вижу смутно, однако нас он засек, тут же ринулся обратно.

Я ждал с замершим рядом Жаком. Изображение подергивается, все в одинаково сером цвете, словно я в эпохе первых шагов телевидения, наконец в туманной глубине комнаты показался еще один человек, быстрыми шагами пошел в нашу сторону, плотный, совершенно лысый, приблизился к самому экрану.

Жак сказал робким голосом:

— Император прибыл...

— Вижу, — резко бросил плотный, он взгляделся в меня глубоко посаженными глазами. — Позвольте представиться, ваше величество, Уламклайднер, старший координатор нашего мира.

— Почему не главный? — спросил я. — Или верховный?.. Народцу недостает?

На его лице мелькнуло замешательство, он проговорил, не отрывая от меня острого взгляда:

— Соображаете опасно быстро.

— Я император, — пояснил я. — У нас за трон какая конкуренция? Уж побольше, чем в вашем мирке... Так что же хотите на самом деле?

Он проговорил, все еще не отрывая взгляда от моего лица:

— Конечно же, счастья для всех людей...

— Ага, — ответил я глубокомысленно, — счастья...

Давно, мелькнула мысль, этот гад в зеркало не смотрелся. Рожа говорит яснее ясного, что люди для него то же самое, что муравьи, а то и мельче. Можно с

ними играть, ставить над ними опыты, стравливать в войнах и наблюдать с интересом, но заботиться об их счастье и благополучии?.. Бред.

Ему вполне может быть несколько тысяч лет, напомнил внутренний голос. Даже десятки тысяч, если учесть, что Багровая Звезда не в состоянии разрушать Зачарованные Места. Понятно, люди для него давно не люди, а так, статистика. А сюда рвется, потому что здесь сможет развернуться на просторах так, что и Великие Маги окажутся для него уже не великими и даже не магами, а так, сухими листьями на пыльной дороге.

— Счастье все понимают по-разному, — сказал я. — Давайте поконкретнее.

Взгляд его стал еще острее.

— Ваше величество, — сказал он с холодным напором в голосе, — скажу честно, большая удача, что можем разговаривать с вами и даже общаться. Хотя и через посредников.

— Ну-ну, — сказал я.

Он договорил:

— И потому что у вас столь высокий ранг, и еще потому, что понимаете больше, чем от вас ожидали.

— Я с детства сообразительный, — сообщил я. — Итак, хотите распространить свою власть и на это герцогство?

— Не власть, — уточнил он. — Больше свободы — это не больше власти, а меньше.

— В смысле, меньше от центра? — уточнил я. — От столицы и самого императора?.. Вообще-то больше прав и свобод народу на местах может быть и вполне разумным решением при известных условиях. Но предпочитаю сперва выяснить, что в этом герцогстве.

Возможно, это уловка, чтобы, как говорится, кого-то увяз... А длинная дорога начинается с первого шага...

Он старался держаться уверенно и неподвижно, но я отчетливо видел, как распирает его волнение, и еще раз отметил для себя, что у них там не густо с переговорщиками. Могли бы подобрать и покруче дипломата.

— Ваше величество, — произнес он, — никаких уловок. Мы в самом деле желаем процветания герцогству. Ничего в нем такого нет, что заинтересовало бы вас, ваше величество!.. Просто у нас, признаюсь, не хватит сил направлять развитие целого королевства, а вот малого герцогства... А так как вы уже в герцогстве, то первый важный шаг к сотрудничеству сделан...

Я покачал головой:

— Второго может не быть. Меня все еще интересует, что вас такого здесь заинтересовало. Вы допустили оговорку, на которую другой бы не обратил внимание...

— Простите?

— Вы сказали, — напомнил я, — в герцогстве ничего такого нет, что меня бы заинтересовало, но это не значит, что не интересует вас. Что это?

Он чуточку вздрогнул, проговорил замедленно:

— Ваше величество... вы знаете больше, чем знают ваши... приближенные?

— Отвечайте, — сказал я жестче. — Я держу карты открытыми, это заметно? Не покупаю кота в мешке, но и не продаю. Хочу знать, в чем ваш интерес. Может быть, вот прямо здесь, где землю попирает моя сапогастая нога с позолоченными шпорами, несметные залижи рутения?

Он вскинул брови:

— А что это?

— А-а, — сказал я, — у вас называется иначе?.. Это неважно, но вы скрываете истинную ценность этого герцогства, а мне для торга нужно знать его настоящую цену. А то еще бусы предложите!

Он спросил в непонимании:

— Бусы?

— Бусы, — повторил я любезно. — Безделушки. У дикарей покупали за них настоящие богатства. Итак, чем это герцогство так ценно?

Наверху послышался шорох, донесся ободряющий голос Милфорда. Бобику наскучило смотреть на экран и пугать застывшего рядом в ужасе Жака, метнулся обратно, спеша сообщить Милфорду, что мы уже рядом.

С той стороны экрана этот старший координатор осколка прежнего мира остановился на полуслове, что-то напряженно обдумывая, затем проговорил с мучительной заминкой:

— Ваше величество, это слишком щекотливая тема...

— Но придется, — сказал я с угрозой. — На самом деле, вы же понимаете, у вас нет рычага давления.

Он вскинул на меня взгляд:

— Но вы пришли...

— Не из-за маркиза, — сказал я негромко, чтобы не услышала Жанна-Антуанетта, уже доносится стук ее каблуков, — или поверили в мой благородный порыв?

Он ответил чуточку растерянно:

— Я не поверил. Но кто-то верит, вы же с рыцарского Севера...

— Плюньте им в глаза, — посоветовал я. — Даже на Севере король, будь хоть трижды благородным варваром, в первую очередь политик. А вот настоящего рычага у вас нет. Я выражаюсь достаточно доступно?

Донесся тонкий голосок Жанны-Антуанетты, они с Милфордом показались из-за поворота, Милфорд поддерживает ее с таким усердием, что почти несет.

Через пару минут они спустились к нам, избегая огромных камней и выступов стены, а я повернулся спиной к Уламклайднеру, сказал громко и прочувствованно:

— Я преклоняюсь перед вами, Жанна-Антуанетта! Какая из придворных дам решилась бы лично отправиться в неведомые дебри ради свидания с мужем? Которого подло и коварно захватили преступники и держат в заточении, подвергая постоянным жестоким пыткам...

Сзади запротестовали сразу в два голоса Уламклайднер и Жак:

— Ваше величество! Маркиз в полном здравии и в прекрасных условиях!

Я развернулся к Уламклайднеру лицом.

— Да?.. Вот его жена. Давайте сюда маркиза.

Он взгляделся в ее лицо, молча сделал знак в по-лутьму за его спиной. Я всматривался напрасно, то ли их телевидению недостает мощности, то ли особый оптический эффект, но отчетливо вижу только этого старшего координатора, а дальше все в дымке, что с каждым шагом становится плотнее.

Жанна-Антуанетта выпрямилась, измученное лицо даже порозовело чуточку, взгляд не отрывала от экрана и, не поворачивая головы, прошептала:

— Ваше величество... он выйдет оттуда?

— Оттуда, — подтвердил я, — но не выйдет, там только изображение... в смысле, стеклянная стена!.. Ага, вон идут!

Старший координатор при слове «изображение» метнул на меня взгляд, но смолчал, экран мигнул, как будто переключили канал, из плотной муты показались три фигуры, две обычные человеческие, одеты в некие серые мешки, зато между ними идет человек в ярко-оранжевом костюме и голубых штанах, заканчивающихся пышными буфами под коленами, а дальше белые чулки и блестящие туфли.

Тюремщиков маркиза я рассмотреть не сумел, скрыты плотной дымкой, одни силуэты, зато маркиз рядом с ними как павлин с серыми гусями.

Часть третья

Глава 1

Жанна-Антуанетта счастливо вскрикнула, сделала быстрый шаг вперед и, растопырив справа и слева платье, присела в церемонном поклоне.

— Милорд...

Мужчина в красивом порыве остановился и, сорвав с головы шляпу, грациозно помахал ею над выставленным носком остроносой туфли с золотой пряжкой.

— Миледи...

Роскошные перья трижды прошлись над туфлей, затем маркиз выпрямился и посмотрел на Жанну-Антуанетту счастливыми глазами.

— Я безмерно счастлив...

Жанна-Антуанетта вскрикнула:

— Милорд! Я сделаю все, чтобы вас освободить из рук отвратительных похитителей, что держат вас в жутком заточении!

Жак нервно дернулся, но смолчал. Милфорд, как и я, смотрит с интересом, но не чрезмерным, не забывая поглядывать и по сторонам. Когда рядом такое мое величество, то все остальные чудеса не совсем как бы и чудеса.

— Миледи, — ответил маркиз прочноувственно, — не волнуйтесь за меня. Берегите себя и ежедневно по утрам протирайте лицо настойкой, рекомендованной доктором Грабиусом Хайнером...

Маркиза взяли под локти и оттащили обратно в полтумчу. Экран опять потемнел, из тумана простило лицо старшего координатора.

— Как видите, — сказал он, — с маркизом все в порядке.

— Хорошо, — ответил я. — Можете прислать в мою канцелярию... а можно и прямо ко мне в кабинет подробное изложение ваших наглых требований. С обоснованием зачем и почему. Я изволю ознакомиться. Но больше потому, что я из любознательных императоров, а не потому что... ну вы поняли.

Он покосился в сторону, куда увели маркиза, ответил угрюмо:

— Понял, ваше величество. Подробное изложение наших скромных пожеланий скоро доставят в ваш кабинет.

— Как? — спросил я.

Он ответил уклончиво:

— Если позволите, то да, Жак.

Я повернулся к Жанне-Антуанетте:

— Маркиза, скоро освободим вашего мужа из отвратительных лап похитивших его мерзких и поправших все человеческие святыни злодеев!.. Все будут наказаны, а герои получат награды и титулы. А теперь начинаем трудный подъем взад. Милфорд?

Милфорд вздохнул, но ответил с необходимой перед императором лихостью:

— Обратно дорога уже знакома!

— Ну тогда вперед, — велел я. — Правда, без песни. Маркиза петь отказалась.

Жанна-Антуанетта стегнула по мне негодующим взглядом, дескать, сам попробуй петь, когда поднимаешься по крутой тропе, цепляясь за камни стен и страшась оступиться, но я петь не стал, просто обогнал их, стараясь догнать Бобика.

Похоже, мелькнула мысль, судя по настолько церемонной встрече Жанны-Антуанетты и ее маркиза, они не муж и жена, а супруг и супруга. Возможно, как и принято, спят в разных спальнях.

Что ж, тем больше заслуживают уважение ее усилия по его спасению.

Знакомая дорога всегда кажется короче, но не в случае, когда поднимаешься наверх, цепляясь за камни и стены.

Первый наверх взбежал Бобик, сделал круг, поймал что-то, но слишком мелкое, постыдился нести нам, выпустил и снова носился кругами, а когда я быстрее всех выбрался к радостно ржанувшему арбогастру, гавкнул и вообще унесся по все более расширяющейся спирали.

Спустя минут десять наверх выбрался Милфорд с Жанной-Антуанеттой, опустил ее на ноги у выхода. Она одной рукой ухватилась за его плечо, другой уперлась в каменную стену.

Милфорд придержал ее на всякий случай, и она сказала едва слышно:

— Ваше величество... Немного закружилось... Но уже все в порядке. Просто солнце в глаза...

— Отлично, — сказал я. — Отдыхайте, а затем Милфорд отвезет вас во дворец герцога. Я прибуду попозже.

Вышли оставшиеся разведчики, двое вывели Жака с уже связанными руками. Один набросил ему на голову черный мешок, гордясь знанием новых технологий.

Примчался Бобик, сразу же потребовал, чтобы я его погладил, это ж сколько мы не виделись, представить страшно!

— Бесстыжий, — сказал я. — Ты хоть знаешь, что у тебя самая беззаботная жизнь?.. Не то что у меня или маркизы... Жанна-Антуанетта, крепитесь, вы показали себя героиней... Теперь в теплую мягкую постель принцессы Розалиндии... так зовут старшую дочь герцога Гондиния? Хотя не понимаю, почему у герцога дочь принцесса... Или это иносказательно?

Она проговорила слабым голосом:

— Да, ваше величество, как скажете... А почему вы попозже? У вас конь обгоняет ветер!

— Да так, — ответил я медленно, все еще раздумывая, — тут всплыла несколько сумасшедшая идея... Да что там всплыла, вспорхнула! Может быть, даже безумная до непристойности...

Она ответила с достоинством:

— Ваше величество, я женщина пристойная и благородная.

— О да, — согласился я. — То, через что вы прошли, для спасения супруга...

Она сказала с некоторым удивлением:

— Но это же правильно? Меня с детства учили быть правильной. Это мужчины могут позволять себе сумасшедшие поступки, они для этого и рождены, а женщины должны за ними все исправлять.

— Хорошая позиция, — одобрил я. — Потому идете за мужчинами?

— Чтобы перевязывать им раны, — уточнила она. — Женщина должна идти за мужчиной. Так меня учили с детства.

Я сказал со вздохом:

— У вас были прекрасные воспитатели. Не знаю, как вам, но другим повезло, в том числе и маркизу. Можете перевести дух здесь, можете положиться на Милфорда, он отвезет обратно во дворец герцога, а я, как уже сказал, пока отлучусь...

— Надолго? — спросила она с подозрением.

— Не думаю, — ответил я. — Нужно кое-что уточнить. В том странном небесном дворце, что больше похож на заброшенный сарай, осталось кое-что недочтенненное...

Она зябко передернула плечами, став еще жалобнее и беззащитнее.

— Я стараюсь забыть!.. Но, боюсь, тот ужас будет сниться еще долго.

— Пройдет, — заверил я. — Вы здоровая женщина, не сочтите за оскорбление, кто бы подумал?.. Главное, каблуки не сломали? И даже ногу не натерли?.. Отдохните, я вернусь скоро.

Она сказала слабым голосом:

— Ваше величество, а можно с вами?

Я отшатнулся.

— Маркиза!.. После адски тяжелого спуска, а потом подъема?

— Ваше величество, — проговорила она, — вас ведет мужской азарт все узнать и всех покорить?

— Как вы могли подумать, — воскликнул я с укором. — Конечно же, меня ведет только идея освободить маркиза Антуана!.. Это долг чести, пусть даже у политиков нет чести, но есть комплексы, а они во-

пиют и взывают зело. Все ради Антуана, все для Антуана!

— Тогда, — сказала она слабым, но твердым голосом, — я с вами! Разве не позор, вы стараетесь спасти моего мужа, а я не стараюсь?

— Ничего себе не стараешься!

— Я должна больше, — заявила она тонким голосом умирающего от голода воробья. — Если могу, то должна. И обязана.

Я выговорил с трудом:

— Маркиза... Чем больше вас узнаю, тем больше восторгаюсь. А с виду такая восхитительная дура, что даже и не знаю, а вы, оказывается вон с каким громадным сердцем, у быка и то меньше... Хорошо, на этот раз нам идти далеко не придется, хотя это и дальше, чем мы были.

Она сказала дрогнувшим голосом:

— Спускаться еще ниже?

— Да, — подтвердил я, — намного ниже. Но только вверх... Маркус!

Высоко в ясном небе возникло сверкающее багровым огоньком пятнышко, тут же исчезло.

Я ждал, лишь через несколько секунд уловил, что дрожание воздуха над головой вовсе не от его перегретости. Хоть и не всеми фибрами, но какой-то частью ощутил, Маркус уже здесь и нависает над нами, массивный и тяжелый, как нейтронная звезда, полностью прозрачным себя сделать не может, но его защитный корпус теперь неотличимо имитирует цвет неба.

Мелькнула мысль, что, если взглянуть на него сверху, я бы увидел зелень и даже отдельные деревья, не различая, где настоящие, а где иллюзия.

— Пандус, — сказал я. — Одному.

Жанна-Антуанетта взглянула с подозрением, но я взял ее за талию и, с благопристойностью держа на вытянутых руках, опустил на едва заметную из-за прозрачности полосу, как только ее край уперся в землю у наших ног.

— Закройте глаза, — посоветовал я с чувством неловкости. — Маркус, спасибо, ты хороший...

Жанна-Антуанетта, как только ее ноги оказались пусты и на твердом, но в фуре над видимой землей, плотно зажмурилась в ужасе и распахнула глаза, когда за спиной зияющая щель схлопнулась с мягким чмокающим звуком, а трап ушел в твердый и надежный пол.

Маркус, уже зная, что делать, на этот раз приблизился к скайбагеру в том же месте, всего на пару минут приклеился нижним краем стены к его обшивке, и я ощутил от него тепло с ощущением, что все сделано, могу переходить вовнутрь.

— Жанна, — сказал я с подъемом, — поторопимся! Во имя Антуана.

Маркус, чувствуя что мне нужно, проделал дыру близко от того места, где мы стоим. Тащить за собой маркизу пришлось недолго, а как только оказались в скайбагере, я сказал заботливо:

— Вот там что-то вроде кресел... или лежанок... Жанна, я настаиваю! Наберитесь сил, а я еще раз посмотрю, нет ли здесь Антуана.

Она вскрикнула, широко распахнув глаза:

— Он же там... под высокой горой?

— Там отражение в зеркале, — объяснил я. — Маги могут посыпать такие как бы солнечные зайчики куда угодно. Он говорит с вами в одном месте, а вы видите за сотни миль!.. И он вас видит. Вполне обычное дело

для презренных магов. Но маркиз, вполне возможно, заперт где-то здесь! Я снова все обыщу, на этот раз ничего не пропущу, а потом решим... Отдыхайте!

Она сказала неуверенно:

— Ну хорошо... Мужчинам виднее.

— Золотые слова, — восхитился я. — Вы в самом деле идеальная женщина!

— Я побуду здесь, — ответила она слабым голосом, — что-то в самом деле ноги подкашиваются...

— Вы героиня, — сказал я. — Кто из придворных дам решился бы? Прошел бы столько?.. Да еще нести столько платьев?..

— Ваше величество, это одно платье.

Я сказал с нетерпеливой заботливостью:

— Отдыхайте, Жанна! У меня одна нога здесь, другая там, а третья снова здесь!

Она сказала бледно:

— Вы уж поберегите все три, ваше величество.

Для Клары если и существует время, то не в нашем эмоциональном понимании. Когда я сказал: «Привет, как дела?», ничуть не удивилась, словно мы только что разговаривали, хотя для нее могло пройти сто триллионов лет, если сравнивать ее и мое быстродействие.

Деловито перечислила, что за это время сделала, хотя, на мой взгляд, это почти ничего, только сумела проверить, что работает, а что нет, а не работает практически все. Скайбагер слишком сложное сооружение, чтобы поломка в одном месте не вызвала поломки везде.

Система накопления энергии полностью разрушена, только одна ячейка то ли уцелела, то ли повреждения такие, что сумела восстановиться, но только

в ограниченном радиусе, накопить мощь в прежних объемах не удастся.

— Нам пока хватит и малости, — заверил я бодро. — Тебе же хватает?.. Не мыслю, но существую?.. Ничего, так живет большинство населения. Неважно, какой у нас мощный мозг, кто им пользуется?.. Клара, у меня для тебя очень серьезное задание...

Она не ответила, только чуть мигнула дисплеем, хотя, конечно, не подмигнула, а подключила, скорее всего, еще какие-то сенсоры.

— Нужно отыскать некую гору, — объяснил я. — У тебя карты всей поверхности?.. С разных ракурсов?.. Гора очень заметная, отыщешь запросто.

— Чем заметная? — спросила она деловито.

— Рассечена пополам, — ответил я, — от макушки и до самой жопы. В смысле, до основания и чуть глыбже. Одна половинка исчезла, а вторая осталась...

— Это естественное состояние? — уточнила Клара.

— Вряд ли, — ответил я с осторожностью. — Что-то в самом деле рассекло гору. Одна половинка находится...

— ...найдено, — прервала она. — Вон в этой точке.

На экране появился вид с высоты птичьего полета, я сразу узнал гору, с основания которой переговаривался с Уламкрайнером, старшим координатором таинственного мира.

— Прекрасно, — сказал я с чувством. — Ты моло-дец, Клара. Теперь нужно найти вторую половинку.

— А она уцелела? — снова уточнила Клара. — Не рассыпалась?

— Видишь, — сказал я и указал на экран, — с той стороны горы чисто. Как выметено!.. Никаких завалов из камней. Значит, во время последней Войны Магов

нечто рассекло гору и раздвинуло ее на... на значительные расстояния. Мне нужно знать, где она сейчас. Возможно, там уцелело что-то такое, чем можно подключить к тебе добавочные модули. И ты станешь умнее, а главное, красивее!

Ее голос прозвучал так же бесстрастно:

— У меня нет данных о Войне Магов. Есть только запись, что вспыхнуло, на этом сообщение оборвалось.

— Войны будущего будут длиться секунды, — изрек я, — это аксиоматично. Но все же чувствую хоть и непроверенные, но заслуживающие доверия догадки.

— Какие?

— Типа того, — изрек я, снова чувствуя себя императором, — что во время Войны Магов гору рассекло пополам от макушки и до основания, половинка осталась в нашем мире, а вторую забросило куда-то на край света, а то и вовсе в иное пространство. Хотя это могло быть не пространство, а время?

— Догадки, — произнесла Клара сухо, — ценности не представляют.

— Смотря какие, — сказал я уязвленно. — Чьи-то не представляют, а я всегда говорю мудрые мудрости!.. Даже как бы изрекаю. Не с потолка же, а своими собственными глазами видел что-то типа бункера...

— Что такое бункер?

— Вот-вот, — сказал я, — не знаешь, что такое, а споришь! Бункер — это сложное инженерно-техническое устройство, даже сооружение, в условиях современной войны с помощью самых продвинутых методов защищенное от проникающей радиации и снабженное системой регенерации воды, воздуха, а то и синтезаторами пищи из... отходов. Может, и не

бункер, но обстановка там примерно та, что здесь образуется разве что через тыщу лет. Значит, там как-то уцелели!.. А раз есть и существуют, то надо их найти!

Она ответила равнодушным, как мне показалось, голосом:

— Как?

— Очень просто, — ответил я уверенно, — всего лишь просмотри все карты, что в твоей памяти, внешней, внутренней или распределенной, отыщи такую гору.

Я говорил и чувствовал, что изрекаю глупость, это же искать иголку в стоге сена, вторая половинка могла быть в самом деле давно разрушена, но, с другой стороны, здесь же уцелела, хотя, конечно, просто успела дожить до прилета филигонов, после них поверхность была бы перемешана... но уцелела, вот что главное!

Могла и там уцелеть. Всевозможные Зачарованные Места после того, как Багровая Звезда покидала обезображенную землю, оставались невредимыми. Значит, каким-то образом выпадают из привычного нам континуума?

Глава 2

Искала Клара долго, я начал ерзать, ну точно не квантовая, слишком тормозит, может быть, вообще ламповая, на перфокартах, ну разве так жить можно...

На цыпочках вернулся к двери, выглянул. Жанна-Антуанетта мирно спит, прекрасное качество женской психики при опасности впадать в спячку. Мужчины за это время спасут мир и разрулят, а они проснутся

посвежевшими, с блестящими глазками и готовыми к флирту.

И пока смотрел на маркизу, от дальнего пульта управления донесся голос Клары:

— Соответствие найдено. Не полное тождество, однако...

Я вернулся в зал едва ли не быстрее Бобика.

— На экран!

В розовой дымке возникла проплывающая внизу пологая с одной стороны гора, а второй нет вообще: от вершины и до основания абсолютно гладкая и ровная поверхность, еще более блестящая и как бы не затронутая беспощадными ветрами и прочими погодными явлениями.

— Хорошо сохранилась, — пробормотал я, с трудом сдерживая ликовение, что-то в этой картинке не совсем, слишком уж хорошо сохранилось. — Погоди, задержи вот так...

Изображение застыло, я всматривался так и эдак, но вид сверху есть вид сверху, даже есть ли там внизу такой же вход, не увидеть.

— Понимаю, — сказал я, — ваша техника еще не достигла вообще-то средних высот, чтобы силовой костюм упрятать в пуговицу или брошку, потому он для скайбагеристов в громоздком поясе. Но по бедности и это терпимо, хотя потом как-нибудь в свободное от флирта время мы с тобой что-нить разработаем покруче... А теперь расскажи, как это все работает.

Она спросила:

— «Это все» — что именно?

— Ты говорила, — напомнил я, — что когда накопишь энергии...

— Если накоплю, — уточнила она.

— И как?

Она ответила, как мне показалось, с оттенком тщеславия, должны же программы имитировать какие-то эмоции, это предусматривается, чтобы людям было приятнее с ними общаться:

— Накопил.

— Накопила, — поправил я. — Ты же самочка, умная, опрятная и заботливая!.. Потому и говори соответственно. Ты накопила... для перелета?

— Это не перелет, — ответила она.

— А как?

— Перемещение.

— Прекрасно, — сказал я. — Перемещение — хорошее слово. Наши войска не бежали в панике, а переместились на запасные позиции. Но могут во имя мира и торжества демократии переместиться и на руины вражеской столицы... И что, это все?

— Сообщения с поверхностью, — ответила она, — только через транспортный отдел. Большие группы на алгейтах, индивидуально только командир. В экстренных случаях его заместитель.

— Это обо мне, — заверил я. — Как админ, я еще и заместитель командира и первый после Творца. Ты уверена, что командир перемещался именно с помощью этого пояса?

— Это эрксон, — ответила она, — часть системы универнера. Главное назначение эркxона — перемещаться со скайбагера на поверхность планеты и обратно одному человеку. Я это уже объясняла. Был еще алгейт, перемещал большую группу. Но от него ничего не осталось.

— Это проверяю твою память, — объяснил я. — Заботливый я, понимаешь? Ты теперь моя, забочусь о

тебе, моя девочка!.. Теперь скажи, как обратно, но по-медленнее и в деталях.

— Вторая чешуйка справа от пряжки, — ответила Клара. — Первая устанавливает со мной связь, вторая создает поле для перемещения... Но только после того, как сообщу о готовности принять.

— Гм, — сказал я, — а если нажму вторую, не дожидаясь твоего ответа?

— В обшивке скайбагера, — ответила Клара невозмутимо, — появится небольшая вмятина с оплавленными краями. Но не волнуйтесь, заделаю, резервы позволяют, хотя вам уже не увидеть красоты этой работы.

Я вздохнул.

— Заботливая ты.

— Моя главная обязанность, — напомнила она.

— Ненавижу, — сообщил я, — казенное имущество портить!.. Будем на связи, ты такая практичная и правильная!.. Обшивку бережешь, похвально. А что случилось с алгейтом?

— Разрушен в момент вылета на землю.

— А люди?

— Перешли в хаотичное атомарное состояние.

— Атомарное, — сказал я со вздохом, — хорошо, сам бы перешел, но не нравится, что хаотичное. Люблю упорядоченное.

Она сказала неожиданно:

— Над этим работали. Но, насколько знаю, не успели.

Я покрутил головой.

— Ух ты. Если бы успели, никакая Война Магов не страшна. Где эти эрксоны?

— Существует только один экземпляр.

— Я тоже один, — сообщил я с императорской гордостью, — и уникален, как говорят генетические тесты. Я тебя назначил самым старшим после меня? Нет?.. Тогда назначаю сейчас. Бери под контроль весь скайбагер.

— Он уничтожен.

— Бери под контроль остатки, — сказал я бодро. — Не может быть, чтобы мы с тобой чего-то да не выжали!.. А там, глядишь, все и наладим. А еще не все, то наворотим еще больше, верь в человека, в него можно только верить. Подумаешь, научно-промышленный комплекс на орбите!.. Теперь о поясе, Клара. А если на пути между этим местом и местом прибытия в этот момент пролетит, скажем, птица?

— Будет взрыв, — ответила Клара. — Вы и птица из упорядоченного состояния материи станете несколько менее упорядоченным.

— Э-э... это как?

— Превратитесь в облачко раскаленной плазмы, — ответила Клара. — Рассеется быстро, окружающей среде не повредит.

— Ну да, — согласился я, — главное, чтобы среда не пострадала, зелененькая ты моя! Но все равно я почему-то против. Умом за раскаленное облачко, а вот инстинкты не хотят. А человек — это инстинкты, усиленные логикой и математикой.

Она произнесла холодно:

— Но вы и сейчас облачко плазмы. Только в чуть более упорядоченной форме.

— Вот в ней и останусь, — сообщил я. — Такова моя админская воля!.. Что насчет вероятности столкновения с птицами?

— Вероятность, — произнес ее голос со стороны экрана, — две ундециллионных процента. На пере-

нос тела потребуется менее двух стомиллионных секунды.

— Да, — согласился я. — За это время птица пролетит вряд ли. Рискну. Какой груз смогу взять?

— Какой удержите.

— Но перенос же мгновенный?

— Не мгновенный...

— Хорошо-хорошо, — перебил я, — за две стомиллиардных родилась Вселенная, знаю. Даже за одну. Ладно, правила есть правила. Я могу наметить точку на поверхности сам? Или должна быть фиксированная?

Голос объяснил, как мне показалось, с оттенком механической скуки:

— Перенос на фиксированную сразу же, но, если нестандартное расположение, потребуется долгая настройка.

— Хорошо, укажи фиксированные точки доступа.

Голос ответил бесстрастно:

— Их нет, поверхность планеты трансформирована. Я вздохнул.

— Да, это уже не новость. Тогда выберу место, а ты определишь, можно ли туда... Хотя вроде бы в правилах, что с любых высот в любое место?

— Нет такого в правилах.

— Ну да, — согласился я, — у вас же нет допуска на высший уровень. Это там, где мы, Высшие Админы... А если я прикажу?

— Тогда можно, — ответил голос. — Но на вашу ответственность. Вы же админ, вам можно все, что можно.

— Нельзя только то, чего нельзя?

— Да, — ответила Клара. — Но админу можно и то, чего нельзя.

— Прекрасно, — сказал я с воодушевлением. — Я всегда беру ответственность на себя, когда невозможно свалить на кого-то. Хорошо быть админом! Не то что императором. Теперь главный вопрос...

Я перевел дыхание, собираясь с мыслями, Клара замолчала в ожидании, хотя кто знает, что у нее за ожидание, если в стомиллионную долю секунды прощелывает секстиллионы операций. Для нее, пока я открываю рот, чтобы произнести первый звук, как бы проходят миллиарды лет, но, с другой стороны, их как-то приспособливают жить и в нашем времени, чтобы реагировали адекватно, а не жили от нас параллельно.

— Главный вопрос, — сказал я. — Мне нужно попасть к той горе, которую ты отыскала по моему запросу. Одну половинку нашел я, другую ты, мы с тобой идеальная команда!.. Хочешь, виконтессой сделаю? А то и вовсе графиней? Ладно, потом объясню преимущества. Оцени расстояние, затраты, взвесь последствия, но не моральные, эту хрень и терзания беру на себя...

— Затраты, — проговорила Клара, — восемьсот семьдесят тригов...

Мне показалось, что в ее бесстрастном голосе послышалось не то недоумение, не то озабоченность.

— Это много или мало? — поинтересовался я. — В сравнении с чем-то понятным?

— Это в сто семьдесят тысяч двести шестьдесят раз больше, — ответила она, — чем на перемещение в любую другую точку. На скайбагере таких запасов нет.

— А накопить?

— Можно, — ответила она. — Всего за сто семьдесят тысяч двести семьдесят шесть с половиной лет, если подключить все оставшиеся мощности, которых у нас нет...

— Сто семьдесят тысяч лет двести семьдесят шесть с половиной, — повторил я с неудовольствием. — Сто семьдесят тысяч двести семьдесят еще готов потерпеть, но эти мерзкие шесть с половиной откуда взялись?.. Ты точно не ошиблась? А то по моим выходит только сто семьдесят тысяч двести семьдесят... Нет, пойдем другим путем, как сказал великий вождь будущей древности... В самом деле, какие другие пути?

— Нет их.

— Так найди, — велел я строго. — Моя подруга и напарница должна все уметь делать, а не только, если догадываешься, о чем я. Взломать код, найти окольную лазейку, прикинуться своим, проскочить фуксом, блефануть... в общем, способов много, даже если их нет. Я же могу?..

Похоже, Клара проделала колossalнейшую работу, раз уж заговорила только через полчаса. Как я понял из сложных объяснений, мое перемещение произойдет по более древнему протоколу, что из-за некоторой опасности для перемещающегося был вскоре заменен более совершенным. Хотя и более затратным по энергии. Сейчас он под запретом, но оставлен на всякий аварийный случай. Восстановить можно только в самом экстренном случае, однако требуется личное вмешательство админа.

— Так и знал, — сказал я, — без меня ничего не делается!.. Да, разрешаю. Когда для меня и во имя меня,

то можно все. И то, чего нельзя. Но с моего личного одобрения!

Сердце стучит, как молоточки гномов, что торопились выковать Тору его орудие до рассвета. Похоже, другая часть горы в действительно хорошо защищенном месте, куда так просто не попасть, о чем прямым текстом и говорил тот Уламклайднер, главный то ли управитель, то ли царь, хотя сам себя скромно назвал координатором.

Но по древнему протоколу... гм... интересно, какова степень риска. Наверняка снова один из триллиона, а то и септиллиона? Все мы с каждой новой эпохой ценим жизнь человеческую все выше. Уже в мое время поднимали крик во всех мировых новостях, если кто-то где-то сломает ноготь...

— Готовь, — велел я. — Отправлюсь прямо щас.

Мелькнула мысль, что повадился кувшин по водуходить, там и голову сломит, но я в последнее время особенно осторожен, со мной точно ничего не случится, к тому же вооружен до зубов, о чем мало кто знает.

Хорошо бы, конечно, сперва поэкспериментировать, отправляя в Зачарованное Место разные сломанные части оборудования, потом запустить что-нить одушевленное, вроде кошки для проверки, их не жалко, но термин «одушевленное» не очень подходит к кошкам, откуда у них душа, если у богословов все еще нет единого мнения, есть ли душа у женщины, так как Господь вдохнул ее только мужчине, а Еву позже создал из адамового ребра, которое единственное из всех костей не имеет мозга...

Хотя мозг и душа скорее антонимы, чем синонимы, но если в ребре нет мозга, то души нет тем более, ибо душа по рангу выше, а мозг есть и у таракана.

Бесстрастный голос Клары произнес:

— Активируйте эрксон.

— Эрксон, — повторил я, — ах да, пояс! Ну да, конечно. Первая справа?.. Понял. Кстати, еще такой пустячок, но для меня почему-то важный: как возвращаться?

— Просто активируйте эрксон, — повторила Клара. — А дальше верну на это же место.

— Люблю науку, — сказал я с чувством. — И тебя, Клара, как ее символ!.. Даже бренд... Люблю чисто и одухотворенно, без всяких плотских мыслей, ну ты понимаешь... А если и не понимаешь, еще лучше, у нас с тобой чисто интеллектуальная связь и даже интимная близость.

В глазах сверкнуло, но так коротко, что я бы и не заметил, мы и вспышку молнии видим только потому, что отпечатывается в сознании и потому длится в тысячу раз дольше, чем на самом деле.

Вместо стен во все стороны ровное пространство, сверху льется чистый свет, который не назвал бы солнечным, но нет в нем и заметной искусственности, кожи лица коснулся свежий воздух с повышенной примесью озона, а за спиной, когда развернулся...

...та самая гора!

Точнее, ее половинка, вертикальный срез, внизу широкий вход, а перед ним чистая площадка. Никаких костей животных и человеческого скелета.

Только вот подрагивающий воздух как-то тревожит, я сделал несколько шагов в сторону, руку вытянул перед собой, как нашупывающий дорогу слепец.

Разумная предосторожность, иначе бы разбил нос. Пальцы всего через десяток шагов уперлись в твердую, как железо, невидимую стену.

— Понятно, — пробормотал я, хотя ничего еще не понятно, но обычно так говорим, когда подтверждается хоть что-то, а оно подтвердилось, когда на всякий случай вытянул руку.

В пальцы ничем не бьет, прозрачная стена мертвая, но абсолютно твердая, как если бы состояла из монолита толщиной в десятки метров. Да и не прозрачная, как сообразил не сразу, дает почти зеркальное отражение, визуально расширяя замкнутый мир...

Продолжая ощупывать, я прошел вдоль и вскоре обнаружил, что медленно загибается, образовав кольцо вокруг этой половинки горы. Не знаю, насколько стены этого несокрушимого поля простираются ввысь и вглыбь, но, похоже, это вовсе не те стены, о которых подумал.

Правильнее будет предположить, что я внутри исполинского шара с закапсулированным в нем пространством.

Скайбагер, понятно, создан до начала Войны Магов, для него была доступна вся поверхность планеты или хотя бы южный материк, а когда в результате страшных катализмов возникли деформации пространства-времени, то образовались некие законсервированные области, названные в народе Зачарованными.

Однако на древних картах нет зачарованных, вся поверхность планеты доступна, хотя на преодоление силового барьера потребовалось бы сто семьдесят тысяч двести семьдесят шесть с половиной лет, и это только для того, чтобы скопить энергии для пробоя.

Ты умница, Клара, мелькнула мысль. Стоило восстановить всю доступную память, дефрагментировать, а безнадежно испорченную отформатировать, чтобы

поместить новые данные, и уже в расширенном поиске раскопать древние протоколы, в которых предусмотрены возможности обхода, доступные только админам.

— Спасибо, Клара, — сказал я с чувством.

Ответа не ожидал, даже вздрогнул, когда прямо в ухе услышал бесстрастный голос:

— Я выполнила приказ.

— Умница, — сказал я. — Ты такую оборону проломила!.. Ишь, отгородились в крепости... Думают, несокрушимы. Нет такой крепости, которую не могли бы взять советские люди. А мы возьмем и те, которые они не смогут.

— Там сами пленники, — уточнила Клара. — Характеристик окружающего поля у меня нет, исследовать нечем, но есть данные, что это неразрушимо. И никто выйти не сможет.

— А сколько этот барьер продержится?

— Пока существует аксеймонт, — ответила она.

— А что это?

— Силы Вселенной, — пояснила она. — Пока не погаснут все звезды в этой галактике.

— Долго ждать, — согласился я. — Тогда я пошел.

Глава 3

Из глубины темного входа наружу пробивается рассеянный мягкий свет. Я двигался медленно, особой опасности не жду, магических ловушек нет, да и от кого в абсолютно изолированном месте ждать вторжения?

Хотя, возможно, ждали несколько тысяч лет тому. Тем более что эта сфера образовалась не сама по себе. Даже не как результат сшибки двух могучих сил, слишком уж невероятно, хотя и возможно. Скорее всего, в таких случаях заранее было предусмотрено, что при начале войны наиболее важные объекты прикрываются силовыми куполами, способными устоять перед самым мощным ударом.

Если это так, то все пошло настолько хорошо, что уже плохо. Силовой купол спас от катаклизмов, но слишком мал, чтобы обеспечить выживаемость и после того, как закончатся запасы воды и еды.

Или как-то выжили? С помощью оранжерей, гидропоники...

Ход изогнулся, чисто и красиво вырубленный в камне, а дальше пошел уже в металле, странное ощущение, что все литое, извечное, поверхность сияет, как зеркало.

«Все же как здесь живут», — мелькнула мысль. Я видел только Уламклайднера и немного мебели на переднем плане, за спиной маскирующая дымка, тогда еще мог думать, что в Зачарованном Месте миллионы жителей и уйма боевой техники, но сейчас вообще ломаю голову, как можно выжить в таком тесном пространстве, если даже как-то успели организовать оранжерею или гидропонику...

Была ли битва за ресурсы?.. Даже интеллектуалы и эстеты звереют, когда на всех одна буханка хлеба. И постараются избавиться от лишних ртов.

А каждый, естественно, самым нужным считает себя...

Дважды в туннеле видел в стенах характерные для дверных петель выемки, но от самих дверей не оста-

лось и следа, что и понятно, зачем они для горстки людей, родившихся, как и предыдущие поколения, в этом замкнутом мире...

В душе вместо злого торжества медленно разрастается чувство печали и разочарования. Даже не представляю, как они выжили, сколько их и как живут, как размножаются, все-таки вряд ли их здесь больше десятка...

В глубине туннеля простила в дымке и начала приближаться дверь. Я встряхнулся, сейчас не до сочувствия, философствовать будет выживший, потому у меня на первом плане понятная задача...

Пистолет отделился от пояса с почти неслышным щелчком, потяжелел в руке, что удивило. Видимо, спешно создает весомые патроны, а когда пальцы удобно так расположились на рукояти, я ощутил, что да, он готов к той работе, для которой и создан.

Дверь из металла, я провел по ней кончиками пальцев, зеркально гладкая, легонько потянул на себя. К изумлению и облегчению подалась легко, хотя от кого здесь запираться?

Из комнаты пахнуло чем-то знакомым, воздух кондиционированный, три спинки тесно составленных стульев, за средним спиной ко мне сидит обнаженный до пояса сгорбленный человек с очень худой спиной и резко выступающими лопатками, левая вдвое шире и массивнее правой.

Совершенно лысый, ушные раковины едва намечены, а так человек как человек, я даже с облегчением перевел дыхание. Близкородственное скрещивание могло за тысячи лет дать результаты и пострашнее.

Держа пистолет в готовности для выстрела, я сказал негромко:

— Ку-ку... Драсьте вам. Не ждали?

Он резко обернулся, вытаращил глаза. Лицо мучнисто-белое, как у клоуна, который правильный, в отличие от рыжего клоуна, один глаз выше другого, вместо горбика носа две крохотные дырочки, а на месте рта узкая бесцветная щель.

— Это называется, — проговорил я, — сюрприз... Я же сказал, что и здесь достану?.. Что, не говорил? Ну тогда сейчас говорю, что тогда говорил!.. А слово императора закон даже в прошедшем времени!

Он все еще смотрел вытаращенными глазами, смертельная бледность перетекла со щек на лоб и подбородок, а упрятанные в щелочки глаза начали выпячиваться наружу с таким усилием, что вот-вот лопнут.

— Кто, — проговорил он с великим трудом. — Как...

— Реальность, — ответил я, стараясь разжечь в себе праведный гнев. — Добьем врага в его логове!.. Если хочешь сохранить жизнь, то полная и безоговорочная капитуляция, ясно? Тогда пощажу, я вообще-то по характеру пощадливый. Ну?

В двух шагах от него распахнулась неприметная дверь. Вбежал, сильно хромая и волоча правую ногу, плюгавый человечек с огромной головой и кривыми ногами.

Я успел увидеть в его руках что-то похожее на гранатомет, а он с порога крикнул:

— Гезакус, повышенная активность...

Он охнул и развернулся ко мне, только сейчас увидев. Я выстрелил, голова разлетелась, как спелый арбуз, по которому с силой ударили толстой палкой.

Гезакус вскрикнул, плюгавый рухнул, не выпуская из рук устройства. Кровь из размозженной головы расплескало так, что потекла и со стен.

— Зачем? — спросил он с мукой в голосе.

Я указал стволом пистолета:

— Что у него в руках? Я просто успел раньше.

— Это теккер!.. У нас нет оружия!..

— А-а, — сказал я, — такое бывает в нестандартных ситуациях. Неизбежные потери среди гражданского населения, что учитывается статистикой, так что все в порядке. Итак, где маркиз?

Он продолжал смотреть вытаращенными глазами.

— Как... как вы здесь оказались?

— Где маркиз? — ответил я вопросом на вопрос. — Уже догадываюсь, он и не покидал пределов вверенной мне мною империи. Верно?

Он прошептал раздавленным голосом:

— Это же понятно... Но как вы...

— Это проекция, — объяснил я. — Трехмерная.

И очень тактильная.

Он вздрогнул.

— Проекция?.. Откуда?

— Откуда надо, — сообщил я и указал взглядом на пистолет. — Но вот этим пользоваться умею, как и положено проекции. Где маркиз?

— Он не покидал ни империю... ни герцогство, — прошептал он, как в прострации. — Сюда доставить невозможно...

— Догадываюсь, — сказал я, — где?

Белки его глаз, большого и малого, быстро наливаются красным, я видел, как лопаются мелкие кровеносные сосуды, заливая глазные яблоки недоброй багровостью.

— Что вы хотите...

— Отвечайте, — потребовал я. — Я бессердечная проекция.

Он сказал надсадным голосом:

— Я не скажу, пока...

В неприметную дверь вошел горбатый человек с вытянутым, как у коня черепом, на голове три огромные шишки, словно растут рога, в руках ящичек с тремя черными отверстиями по бокам.

Как только он направил одним на меня, я качнулся в сторону, уходя с траектории, и быстро выстрелил.

Пуля разнесла вдребезги ящик и ударила в живот горбуну с силой артиллерийского снаряда. Части тела распырялись по комнате, расплескав по стенам струи свежей крови.

Гезакус вскрикнул:

— Да что вы за чудовище?

— Я защищался, — ответил я.

— У нас вообще не оружия!.. Это измеритель частиц...

Я ответил с твердостью воина, стараясь задавить чувство вины:

— Я из мира чудовищ, называемых людьми. У вас тут давно крови не видели?.. И вообще актов насилия? В прямом и расширенном смысле?

Он крикнул:

— Прекратите!.. Я все скажу!

— Говорите, — предложил я. — И, кстати, где ваш Уламклайднер, он назывался старшим координатором вашего мышного гнезда?

— Он болен, — ответил Гезакус, — мы все больны... Сейчас ему восстанавливают внутренние органы. Но как вы сумели...

— Маркиз, — напомнил я угрожающим голосом. — Где... маркиз?

Он сказал торопливо, захлебываясь словами:

— Маркиз в безопасности! Но по ту сторону Вечного Барьера. Он в имении Больших Рыб, это всего двенадцать миль отсюда... но в том мире. С ним обращаются хорошо, ни в чем не стеснен, разве что запрещено покидать пределы... А теперь вы должны ответить...

Я взглянул с интересом.

— Перед законом? Закон здесь я!.. А вы здесь привыкли жить по законам того благополучного мира, который я, как положено деспоту, разрушаю и вообще повергаю в прах. Теперь и вы будете жить по моим законам. Жестоким, но справедливым.

Он взглянул исподлобья:

— Не будем.

В его слабом голосе пропустила некая новая нотка. Я показал пистолет.

— Вы с этим знакомы, знаю. И уже видели результат.

— Дикарь, — сказал он с отвращением. — Никто не должен обладать подобной мощью! Мы так ждали и надеялись, что нас освободят...

Я сказал с интересом:

— А что теперь?

— Лучше умереть, — выговорил он с трудом.

— Ну да, — сказал я насмешливо. — И отступиться от такой мощи?.. Да, понимаю, здесь не развернуться, но что-то же затеяли, подминая втихую под себя герцогство? Ладно, я сам такой. Разделим ношу? И сделаем мир лучше.

— Как? — спросил он. — Перебьем всех несогласных? А потом тех, кто восхищается вами недостаточно громко?

— Мы все разработаем, — сказал я успокаивающе. — Примем законы...

Он сказал крепнущим голосом:

— Нет таких законов, которых мы сами не могли бы нарушить!..

— У меня такой закон есть, — сообщил я.

— Какой?

— Есть, — повторил я. — Именуется совестью.

Он покачал головой, лицо отвердело, из безобразного стало почти величественным.

— Программа а-пятнадцать, — сказал он громко. — Запуск!

Я начал раскрывать рот, чтобы поинтересоваться, что это он запускает, как в помещении громко прозвучал механический голос:

— Программа самоуничтожения запущена. До полной аннигиляции пять секунд...

— Дурак, — вскрикнул я. — Клара!.. Быстро меня обратно!

Кровь с силой ударила в голову, сердце едва не взорвалось от частых ударов. Гезакус выпрямился, сейчас даже со впавшей грудью и с одним плечом выше другого показался красивым и величественным.

Он с торжеством посмотрел мне в глаза. Вспыхнул белый нещадный свет, то ли плазменный вихрь, то ли эффект переноса, я не успел охнуть, как подошвы с силой ударились о твердый пол командного центра.

Колени согнулись, я с усилием разогнулся, сердце колотится, как у зайца, что едва ускользнул от волка, во рту пересохло...

— Клара, — спросил я сиплым, как у простуженной вороны голосом, — как прошло возвращение?

— В пределах повышенной нормы, — ответил ее голос, — энергии затрачено три мегаклангенса. Почти столько, как и в ту сторону.

— Этот дурак взорвал там все, — сказал я с горечью. — Представляешь, он уничтожил там все! Весь их мир, каким бы крохотным ни был... И погибли все знания...

— Признаков силового поля не обнаруживаю, — сообщила она. — Странно. Барьер исчез!

— Потому что все уничтожено, — повторил я. — Да при чем тут он, всегда на кого-то... Я, дурак, уничтожил! Разве с ними можно было, как я уже привык... Давно не встречал фанатиков. И давно так не прокалывался. Скотина...

— Какого вида? — спросила Клара деловито.

— Редкостная, — сознался я. — Потерял... что я потерял? Да многое потерял, став императором. Чувство меры в том числе... Ладно, теперь получается, никакого Зачарованного Места в герцогстве больше нет. И те, кем руководили оттуда, в герцогстве остались не у дел... Но какой же я самоуверенный дурак!.. Там наверняка было две-три женщины, тщательно оберегаемые и воспроизведимые в каждом поколении, иначе как бы они... Идиот, можно бы всех спасти, если бы подошел осторожнее, по-человечески, а не по-свински, что присуще всем, что в пурпурной мантии правителя...

Ее голос прозвучал сухо и без интонаций:

— Ваша спутница проснулась.

— Пусть еще полежит, — ответил я с неохотой, — понежится. Что я за скотина... Как же быстро привыкаю к абсолютной власти! А он прав. Никто не должен обладать абсолютной. Хотя, конечно, хочется, это в нашей крови и в генах, от такого наследства не уйти. Иначе человек остался бы питекантропить... Хотя питекантропы тоже доминантили всех, потому и смогли подняться на вершину хай-тека...

Клара молчала, поток создания и ламентации вряд ли воспринимается простым машинным интеллектом, заточенным на обслуживание механизмов и простейшие расчеты. Жаль, более сложные системы, которые можно назвать мозгом скайбагера, разрушены полностью, у тех бы я черпал обеими горстями, надо мне или не надо.

— Клара, — сказал я, — поищи-ка еще места, которые окружены такими же силовыми полями. Возможно, там еще сохранилась жизнь? Мы хоть и смеемся над слюнявым гуманизмом, но крутые и сильные обязаны помогать слабым. Это даже не милосердие, а трезвый расчет. Общество из крутых и сильных доминантит, но в перспективе обречено, а развивается только с помощью слабых...

— Начинаю, — ответила она.

— А пока, — сказал я, — отправь меня взад на землю. Кстати, ты вроде бы говорила, что с помощью пояса могу и сам?

— Да, — ответил голос, — но при наличии ресурсов скайбагера.

— А как у тебя с ними?

— На одно перемещение хватит, — сообщила она. — А то и на два. Дальше буду копить.

— Прекрасно, — сказал я с облегчением. — А то мне совестно гонять Маркуса, что есть Багровая Звезда Зла, по таким мелочам. Хотя, конечно, я не мелочь, а царь природы, венец творения и вообще то, ради чего создавалась Вселенная, иначе зачем она? Но все-таки надо быть если не скромнее, к чему императору скромность, а экономнее, точнее, рациональнее. Ты как думаешь?

— Служу и выполняю, — ответила Клара.

— Я тебя повышу в звании, — пообещал я. — Ты единственная, кто выжил в жестоком бою, а это значит, враг так и не сломил нас, не добился полной и абсолютной!.. Мы все восстановим! За какие-нибудь пару тысяч лет.

Глава 4

Жанна-Антуанетта все еще спит, а если и просыпалась, то ненадолго, по бледному изнуренному лицу видно, насколько устала, измучена похищением маркиза и всем тем, что с ним связано.

Я приблизился, не решаясь будить, но она почуяла, женщины вообще-то чуткие зверюшки, распахнула прекрасные глаза, затуманенные сном они не фиолетовые, а ярко-синие, в них мелькнул испуг.

— Ваше величество! Что-то случилось?

— Только хорошее, — заверил я. — Как спалось?

— Ваше величество? Что насчет Антуана?

Я сказал успокаивающее:

— Не волнуйтесь, маркиза. За его поиски взялся я, великий и неподражаемый Ричард, у которого все, ну почти все, хорошо и прекрасно, если не считать нехорошего и не совсем прекрасного. Так что и у нас...

Она попыталась встать и присесть по всем правилам, но я удержал ее тело на ложе.

— Антуана, — вскрикнула она, — отыскали?.. Ой, простите, перебила...

Я отмахнулся:

— Такого дуба кружевным платочком не перебить, маркиза. Мы узнали, где его прячут. И сейчас же отправляю туда отряд самых лучших героев, ибо что мо-

жет быть важнее для империи и всего прогрессивного человечества, чем красивое и победное освобождение маркиза Антуана?

— Ой, ваше величество...

Она снова попыталась встать, я все еще удерживал из самых благих намерений, пусть женщина отдохнет, но она взглянула в мое лицо и вдруг вскрикнула с ноткой отчаяния:

— Ваше величество!

Я поинтересовался с сочувствием:

— Что не так?

— Я настаиваю! — сказала она плачущим голосом.

— Что случилось? — спросил я встревоженно. —

Маркиза, чего вдруг...

— Если избегаете меня, — выпалила она, — то и на моего Антуана можете махнуть рукой!.. А я для его спасения все сделаю!

У меня привычно мелькнула ироничная мысль, что это «все», о котором так жертвенно говорят женщины, на самом деле исчезающе мало, даже крохотно, только они могут называть это всем, так как у них ничего больше обычно нет, вот и носятся, как с сокровищем, но смолчал, поклонился и сказал торжественно:

— Маркиза!.. В случае необходимости нет, вы же бренд, а я для величия империи и так все сделаю, чтобы вы успокоились!

Она вскрикнула:

— Тогда овладейте мной!.. Я выспалась, сейчас мягкая, теплая... Наслаждайтесь, как хищное животное моим телом, втопчите его в пучину самой грязной похоти, чтобы я чувствовала, как стараюсь для спасения Антуана!

— А-а-а, — сказал я несколько ошарашенно. — Это как бы проясняет... Ваши чувства мне понятны. Мои, естественно, только мне, ибо я — это тот Самый... В общем, маркиза, если случка необходима для вашего успокоения, то я, как всякий самец, готов жертвенно пойти вам навстречу и выполнить все, что необходимо. Вот только...

Она рухнула на ложе дивана, раскинула руки и даже раздвинула, как догадываюсь по шевелению кружевного платья, ноги.

— Ваше величество?

— Отложим, — сказал я. — Ненадолго. Сейчас не время. Лучше вы того, остыньте и... поднимайтесь.

Я протянул ей руку, она смотрела с непониманием и обидой, но нельзя, чтобы длань императора повисла в воздухе, с некоторой поспешностью оперлась о нее двумя пальчиками. Поднялась тоже легко, несмотря на десяток платьев, что вообще-то одно, но там столько слоев, будто их тысяча, я бы точно запутался и позорно рухнул бы с дивана.

— Маркиза, — сказал я ласково, но с императорской твердостью, — вон там прекрасная площадка... Нет, не для, она помогает перемещениям. Позвольте, помогу взойти...

Она послушно поднялась на две ступеньки, хотя, как теперь понимаю, Клара может переместить нас с любого места в скайбагере, но принимать и отправлять ей чем-то легче или привычнее отсюда.

— Не споткнитесь, — приговаривал я. — Не бойтесь, здесь страшно, даже ужасно, понимаю, но безопасно. Теперь обнимите меня крепко-крепко.

Она взглянула на меня с укором в честных женских глазах.

— Это же неприлично, ваше величество. Женщина не должна проявлять инициативу... Это вы имеете право делать с нами все, что возжелаете. А со мной так и вообще!

— Так это вовсе не секас, — пояснил я, — а необходимый ритуал для спасения Антуана.

Она взглянула на меня большими честными глазами.

— Ради Антуана я сделаю все, ваше величество.

— Даже обнимете? — уточнил я. — Тогда все в порядке. Позвольте, я приподниму вас... По ритуалу в момент переноса могут стоять только мои копыта. Иначе не получится.

— Делайте все, — ответила она, — что хотите, только бы мой Антуан был спасен.

Я приподнял ее легкое тельце, стиснул в объятиях.

— Готово!.. Старт!.. Клара, ты не спиши?.. Где две миллиардные...

Пояс на миг сжало так, что я охнул, пахнуло горячей волной воздуха. Взамен отделанных дорогими породами дерева стен командного центра возникла стена из розовых кустов в мой рост.

Чистый воздух скайбагера сменился ароматами пряных духов и женских притираний. Нет, это запах роз, так похожий на притирания.

Я опустил Жанну-Антуанетту на землю, каблучки сразу вошли в рыхлую почву, торопливо пощупал пояс.

Все на месте, только пряжка заметно нагрелась, где-то что-то коротит, не взорвалось бы на мне, как на шахерезаде. Или шахиде.

Жанна-Антуанетта в ужасе и восторге, но все еще с непониманием огляделась по сторонам.

— Мы в императорском саду?.. В Волсингсборе? Вы волшебник, ваше величество!

— Да, — ответил я самодовольно, — когда я с вами, маркиза, то способен на весьма как бы чудеса... Всякие, разные, не при дамах будь сказано. Хорошо, вы не дама, а наша гордость! Пойдемте... Ага, вон уже бегут!

Я поспешил провел ладонью по пряжке пояса, не светится ли, не нужно простому народу герцогов и графьев давать пищу для сплетен и предположений, чего это у меня светится в том месте, когда я с маркизой.

Жанна-Антуанетта снова церемонно оперлась о мой локоть, так и вышли красивые и надменные с прямыми спинами из окружения кустов роз, словно там под их изысканные ароматы, подобранные лучшими сомелье, и под нежное пенье соловьев совместно справляли какие-то физиологические нужды.

Стража бдит, едва мы выбрались из зарослей на моченую аллею, послышался рев всевидящего Юстера.

К нам подбежали двое гвардейцев и неслышно двинулись сзади, ничему не удивляясь и ни на что не реагируя, кроме безопасности императора.

— Маркус, — сказал я шепотом, — Маркус, ты меня слышишь?.. Нет, это не проверка слуха. Можешь отпустить ту металлическую штуку, которую сейчас держишь. Да, отпусти. Заделай дыру в обшивке и пусть двигается по прежней орбите, то есть не придай ей какое-нить ускорение, а то нам только тунгусского метеорита не хватает... Хорошо, так и сделай. Я тебя люблю!

В ответ ощущил теплую волну по всему телу, что значит, он меня тоже любит и обожает, а что я уже на

земле, ничуть не удивился. То ли не умеет, как мы не умеем удивляться во сне, то ли считает мои перемещения делом естественным, это же так просто.

Во дворе гуляющие придворные останавливаются и кланяются, а те, кто успел увидеть издали, спешат навстречу, выстраиваются в две шеренги и ждут с радостно-сладкими улыбками на лицах.

Дамы низко приседают, хорошая гимнастика для коленных суставов и циркуляции крови, мужчины почтительно кланяются так, что хрустят шейные позвонки. Когда вот так во дворе и во множестве, этикет позволяет обходиться без помахивания шляпами над обувью, это обязательно для индивидуальных приемов, пусть даже принимаю целую толпу.

Жанна-Антуанетта идет красиво и гордо, даже не улыбается, так ведут себя на показах мод, а еще породистые кони на плацу. Я тоже что-то вроде королевского пингвина, неспешен и полон величия, только внутри стучит тоскливая мысль, что до ступеней дворца не меньше трех сотен шагов, в следующий раз можно попытаться прямо в кабинет. Для переноса в силовом вихре любые стены не преграды, если уж проскочил через силовой щит...

Альбрехт, как почуял, вышел навстречу, когда мы с Жанной-Антуанеттой поднимались по широким мраморным ступенькам.

Под оценивающими взглядами сотен придворных он церемонно склонился, сорвал с головы шляпу и красиво взмахнул дважды над выставленным вперед носком сапога.

— Ваше императорское величество...

— Герцог, — ответил я, подумал, что «принц» произвучало бы для наблюдающих за нами значительнее, — герцог, я вижу, вы никогда не спите даже днем, все бдите и блюдете. Это похвально, а моему величеству еще и угодно.

Он коротко поклонился:

— Все во славу вашей империи, ваше величество!

— Империя, — проговорил я, — изволит поручить вам важнейшее задание государственной важности и строгой конфиденциальности.

Он молча смотрел на меня с вопросом в глазах, только чуть скосил вправо и влево, напоминая, что когда сотни пар ушей слушают-внимают, то да, самое место для конфиденциальности.

— Ваше величество?

— Позаботьтесь о нашем имперском бренде, — велел я и слегка подтолкнул к нему Жанну-Антуанетту. — Это стратегическая ценность. Можно сказать, золотой запас империи!.. В некотором роде часть нашей казны. Я отлучусь ненадолго. Цените мое доверие!

Жанна-Антуанетта окинула его царственным взором, как высокопоставленного слугу, Альбрехт чуть поклонился ей, а у меня поинтересовался:

— Во сколько оцениваете этот золотой запас?

Я произнес строго и с достоинством:

— Герцог, я слышу в вашем еще трезвом голосе нотки мятежа. Нехорошо сразу прикидывать, кому продать и с каким дисконтом! Сказано же, это золото!.. Я бы сказал, что неоценимое сокровище, но тогда какой я император, если не могу оценить то, что мне принадлежит по местному праву?

Он спросил безучастным голосом:

— Отряд приготовить или сразу идти в жопу?

Я дернулся, сказал громко, чтобы лучше слышали любопытствующие:

— Герцог, это напраслина!.. Не так уж и часто я вас туда посыпал! Не нужно инсвенировать мне нелицеприятности, не совсем достойные высокого звания... или титула?.. звездного императора!

— Так как, — напомнил он деловито и не меняя выражения лица, — насчет отряда? Не отвлекайтесь на речи, ваше величество. Здесь только я, остальных можно не считать, а с меня ваши инвективы как с гуся вода.

— Пусть люди отдыхают, — велел я. — Со здешними вольными нравами все такие натруженные, что поубивал бы из жалости.

Он молча поклонился, я с облегчением обошел их с Жанной-Антуанеттой и почти бегом поднялся по лестнице на свой этаж. Стражи в коридоре молча выпрямились, не шевеля даже головами и провожая меня только взглядами.

Я вбежал в кабинет, бросив на ходу:

— Хрурт, никого не пускать!.. И Периальду скажи!

Он ответил бодро:

— Никого! — и тут же уточнил опасливо: — Даже вас?

— Никого, — повторил я, — без исключений!

Он плотно затворил за мной двери, а я подошел к зеркалу в стене во весь рост, внимательно всмотрелся в застегнутый на мне пояс командира скайбагера. Хорош и совершенен, никому в голову не придет, что выполняет еще какие-то функции кроме поддерживания штанов и пускания пыли в глаза.

И не просто золото и драгоценные камни, а ювелирнейшее изящество, даже мне приходится напоминать себе, что под изысканностью и роскошью отделки скрываются высокие технологии.

Те самые, что позволяют с помощью скайбагера посещать Зачарованные Места. Скайбагер из той же древней эпохи, когда не существовало Зачарованных Мест, а любые места были доступны. И сейчас он, удерживая в памяти все уцелевшие при катаклизме места, готов отправить туда с еще большей точностью, чем на нынешнюю поверхность, где потомки тех знакомых ему людей заново строят новый мир.

— Клара, — сказал я тихо, — ты говорила, энергии достаточно еще на одно перемещение?

Ее голос из пояса прозвучал едва слышно:

— Это верно.

— Тогда изволю переместиться, — сказал я, — в герцогство Клаурендское. Что, не знаешь?.. Да я сам не знал, но жизнь такая, не хочешь, а такое узнаешь... Займись этим животрепещущим. Я дам все координаты. Теперь я командир скайбагера, а заодно еще и Южного материка, хотя он об этом еще и не знает, так что мне весьма!..

Она ответила, как мне показалось по моей подозрительности, после паузы, то ли долго размышляла, доверять ли мне такую тайну, то ли по косвенным признакам проверяла, сохраняются ли в поясе командира прежние функции:

— Вы можете перемещаться в места, которые хорошо помните. А все координаты, которые знаете, уже знаю и я.

— Ого, — ответил я настороженно. — Чё, правда?

— Во мне хранятся, — сообщила она без всякого торжества в голосе, — оттиски всего, что вы видели, потому вам достаточно визуально представить место, затем нажать первую и третью чешуйки одновременно двумя пальцами и слегка сдвинуть вверх.

— Они сдвигаемы?

— В пределах миллиметра. Это фиксируется.

— Запомнил, — сказал я радостно, — а представить могу! Я такого себе напредставляю... Хорошо, Клара, только ты меня подстрахуй. Командир силен, если команда в теме. И когда доверяет команде, а команда командину... да мы с тобой мир перевернем, как сто тысяч Багровых Звезд!

Глава 5

Страшновато и радостно, сбывается мечта о свободном перемещении, пусть даже только по местам, где бывал и которые хорошо запомнил. Но в самом деле неловко гонять Маркуса, он же Багровая Звезда Зла, по разным пустякам, пусть даже он и научился мимикрировать под синее небо.

К тому же пояс дает возможность скрытого перемещения, я могу вот прямо из своего кабинета появиться... да где угодно появиться, хоть в молельне отца Дитриха!

Нет, к отцу Дитриху пока рановато, слишком деликатная и хрупкая проблема. Нужно сперва обдумать, как подойти, даже приблизиться со всей осторожностью. Здесь не дикии Папуасии, которым нетрудно проповедовать о рождении Христа. Когда-то и здесь, как понимаю по неким косвенным данным, была вера

Христа, но почему-то исчезла за последние века или тысячетелетия.

— Клара, — сказал я шепотом, — значитца, так... Представил лесок, где мы спустились в герцогство, хорошо представил... позиционировал себя в пространстве, чтобы не оказаться по грудь в земле... теперь правую и третью разом и чуть обе вверх...

— Все верно, — ответила Клара.

— Ты что-то должна делать?

— Нет, — сообщила она, — вы командир! Делаете все сами. Я только предоставляю ресурсы.

Я нажал, сдвинул и задержал дыхание. Ноги слегка согнулись в коленях, из-за чего тут же рухнули с высоты в четыре пальца. Подошвы уперлись во взрыхленную копытами землю, но сердце все же успело екнуть в страхе.

Я огляделся, да, отсюда двинулись, крикнул, уже не скрываясь:

— Зайчик!.. Бобик!

Мои четвероногие друзья передвигаются чуть ли не со скоростью моего пояса, именуемого эрксоном, я едва успел договорить их имена, как деревья затряслись, я видел, как трясутся вершины, некоторые с треском исчезают, а ко мне с огромной скоростью катится что-то вроде огромного валуна, размером с сарай.

Последние деревья на краю поляны разлетелись вдребезги, блеснув белыми щепками. Два огромных черных тела, блестящих, как застывшая смола, выметнулись из леса и ринулись в мою сторону.

Я собрался с духом и, задержав дыхание, выдержал написк Бобика, а тот все обнимался, старался лизнуть в нос, Зайчик шумно дышал над головой и хватал пастью мои волосы.

Отбившись от Бобика, вспрыгнул в седло Зайчик, не дожидаясь команды, все понял, повернулся в сторону проложенной им и Бобиком просеки и метнулся со скоростью падающего в атмосферу метеора.

Бобик ухитрился обогнать и первым примчался к дворцу герцога. Еще издали успел заметить, что вместе с местной охраной по широкому двору прохаживаются и оставленные для охраны люди Милфорда.

Молодец, мелькнула мысль, его команда все понимает, без дополнительных указаний делает то, что сделал бы опытный военачальник. Умеет Милфорд руководить, таких нужно продвигать и давать задания все сложнее и ответственнее.

На громовой стук копыт все оглянулись, местные в страхе ухватились за копья и сгрудились в кучку. Люди Милфорда с энтузиазмом окружили нас, счастливые и довольные.

Я не успел покинуть седло, как появился и Милфорд, быстрый и ясноглазый, сразу спросил встревоженно:

— Ваше величество... а маркиза?

— Цела, — заверил я. — Оставил на попечение герцога Альбрехта в столице.

Он округлил глаза:

— Ваше величество?

Я отмахнулся с небрежностью:

— Да заскочил по дороге в Волсингсбор, подумашь!.. Для бешеной собаки сто миль не крюк.

Он проговорил с великим почтением:

— Ваше величество... Вы не бешеная собака! Вы даже не знаю какая...

— Скоро и мы вернемся в столицу, — сообщил я. — Осталась одна пустяковая операция.

— Ваше величество?

— Вырвать из рук похитителей маркиза, — сказал я. — Всего лишь. Я знаю, где и в каком гнусном гнезде его прячут. Это близко. В имении Больших Рыб.

Его лицо приобрело хищное выражение, а глаза вспыхнули победными искрами жажды схватки

— Наконец-то!.. Хотя вообще-то, ваше величество, вы все узнали очень быстро!

— Собери всех людей, — велел я. — Не помешает окружить имение, чтобы и мышь не выскользнула... Кстати, где сэр Норберт?

— Бдит на строительстве причальной башни, — отрапортовал он. — Вы сказали, это наша главная цель...

Я сказал строго:

— Официально наша главная цель — освободить маркиза Антуана из лап мерзких бунтовщиков и мятежников. Все остальное как бы побочное, понял?

Он сказал быстро:

— Понял, ваше величество! Я все понял правильно.

— И пусть приведут того Жака, — сказал я. — Пойдет с нами, устроим очную ставку.

Жака притащили со связанными руками за спиной, на голове все еще черный мешок. Он покачивался, то ли в самом деле ослабел, то ли прикидывается, но конвоиры поддерживают его с обеих сторон и сопят достаточно грозно.

Я сказал с небрежностью:

— Мешок снимите, операция вошла в завершающую стадию. Пусть увидит нашу несокрушимую силу и разгром его презренных хозяев.

Мешок сдернули, Жак болезненно щурился и морщил лицо, а когда ему развязали руки, сперва протер кулаками глаза, потом лишь помассировал запястья.

— Посадить его в седло, — велел я. — Следить, чтобы не сбежал. В этот раз может попытаться. Созрел!

Жак сказал слабым голосом:

— Ваше величество, зачем? Я же не пытался...

— А потому, — ответил я зловещим голосом, — что сейчас мы едем к имению Больших Рыб... Жак, что-то ты сбленднул как-то нехорошо, хотя очень интеллектуально! Что-то случилось? Воздуха недостает?

Он с трудом выдавил из себя слабую улыбку.

— Все герцогство в вашей власти, ваше величество! Вы вольны ехать, куда изволите.

— Так и делаю, — согласился я. — А в имении Больших Рыб переверну все вверх дном, даже иголку не спрячут от моего нещадного ока злого правителя!

Он сказал с тоской:

— Да, перевернуть вы сможете все.

— Знаю, — ответил я. — Так что, возвращаясь к нашим баранам, где подло похищенный маркиз?.. Еще раз повторяю для туповатых, я знаю, он не в Зачарованном Месте, туда вам не попасть...

Милфорд и разведчики прислушивались со всем вниманием, двое ринулись к расседленным коням, я видел, как отдают приказы коноводам, а затем вместе с ними бросились к груде сваленных на траву седел.

Я продолжал рассматривать Жака взглядом гневного властелина.

— Говори! Ты знаешь, что я хочу услышать.

Он ответил тихим голосом:

— Я этого не скажу.

— И не надо, — сказал я. — Милфорд!.. Отряд готов? Выезжаем в имение Больших Рыб. Я уже сказал,

всего двенадцать миль, но хочу, чтобы и этот презренный предатель и заговорщик услышал. Да-да, когда я говорю, что нам все известно, то это значит, что нам действительно известно!

Разведчики лихо запрыгивали в седла, разворачивали коней, через минуту вокруг нас собрался весь отряд.

— Как только увидим имение, — сказал я, — центр остановится, пока правый и левый фланги не замкнут кольцо! Если кто-то попытается убежать — задержите. Будут сопротивляться — убейте на месте!

Милфорд уточнил:

— Только тех, кто с оружием в руках?

Я отмахнулся:

— Милфорд, не будь мелочным. Всегда есть и будут естественные побочные потери гражданского населения. Косвенные.

Милфорд повеселел, спросил с энтузиазмом:

— Ваше величество, а до скольких трупов позволено ошибаться?

— Ты педант, — заявил я свысока, — смотрите на проблемы шире!

— Понял, — ответил он счастливо, — нехорошо быть мелочными!.. Все сделаем, ваше величество!

Я повернулся к смертельно побледневшему Жаку:

— Ну что?.. Поехали?

Ответить тот не успел, двое крепких парней Милфорда скрутили ему руки за спиной и усадили в седло. Один ухватил длинный повод и взобрался на своего коня.

Недолгая скачка галопом, а когда впереди на равнине, за которой снова лес, показалось красивое двух-

этажное здание с балконами, колоннами и роскошным крыльцом с изящно выкованным навесом, я перевел арбогастра на рысь, и все с облегчением придержали взмыленных коней.

Милфорд двумя короткими взмахами послал часть обряда обходить справа, другую слева, а мы пустили скакунов шагом, давая возможность окружать имение полностью и тщательнее сомкнуть кольцо.

Жак нахмурился в седле, мрачный и молчаливый. Черный мешок на голову не надели, пусть видит, как четко проходит операция. Не знаю, что он думает, но о том, что вся таинственная страна великого волшебства уничтожена, должен догадываться, иначе бы я не вышел оттуда.

Я то и дело ловил на себе его устрашенный взгляд. И хотя уничтожил не я, я бы как раз сохранил, но раз уж так получилось, то как политик просто обязан приписать такое великое разрушение себе. Как для устрашения, так и для возвеличивания и упрочнения своей власти, ужасной и тотальной, от которой, как теперь все видят, нигде не скрыться.

Властелинов, что строили и возводили, мало кто помнит, а великих разрушителей знает каждый ребенок: Аттила, Чингисхан, Темуччин...

Выросли в размерах и начали приближаться расположенные вдали от имения сараи, овины и кузницы, это чтобы оттуда не долетали ароматы домашнего скота. Там же, судя по развшенному белью, прачечная, а еще в сторонке пекарня. Все, как везде, неожиданности встречаются вряд ли.

Милфорд на своем быстром коне выглядит рядом с моим Зайчиком, будто сидит на жеребенке, то и дело задирает голову в ожидании приказа.

— Возьми пару человек, — велел я, — пойдешь со мной. Остальным окружить и бдить!.. Вдруг кто из окна скаканет. Не все же благородные...

Милфорд повернулся, прокричал имена и команды. Оставшаяся с нами группка разбилась по двойке и разлетелась в стороны, нужно проверить, в плотное ли кольцо взято имение, а я неспешно пустил Зайчика к главному зданию.

Глава 6

Бобик и здесь ухитрился поймать крупного кабанчика, что вышел из леса в надежде полакомиться на полях и огородах. Я добычу проигнорировал, и он сунул отчаянно визжащего зверя ошелому Милфорду.

— Бери, — сказал я подбадривающе, — а то уважать не будет.

Милфорд ухватил и некоторое время героически удерживал страстно брыкающего зверя, но кабан все же вырвался, тяжело рухнул на землю и попытался бежать к лесу.

Бобик с радостью догнал, ухватил в пасть и, подняв с легкостью над головой, снова сунул Милфорду на седло.

— Да загрызи ты этого кабанчика, — посоветовал я Милфорду. — Видишь, Бобик не понимает твоего гуманизма!

Один из разведчиков молча сунул острое лезвие ножа под левую лопатку кабана, другой с той стороны помог удержать брыкающегося зверя, пока кровь хлестала широкой струей, заливая бок испуганного коня.

Пока решали проблему кабана, мы с Зайчиком приблизились к зданию, по обе стороны крыльца палисадник с цветочными клумбами, уже увяддающими, словно ухаживающая за ними женщина больше ими не интересуется или здесь больше не живет.

Я прямо с седла прыгнул на крыльцо. Дверь распахнулась, выбежал встревоженный человек в одежде дворового слуги.

— Кто такие? Чего...

Я ухватил его за плечо и отправил вниз головой с крыльца в сторону примчавшихся Милфорда и двух его помощников.

Бобик тоже перестал наблюдать за схваткой с кабаном, уже неинтересно, одним прыжком оказался на крыльце.

— Не спеши, — велел я.

Слугу скрутили, Милфорд и еще один обнажили мечи и пошли за мной следом, но стараются держаться так, чтобы в любой момент могли выскочить вперед и прикрыть меня, словно я враз стал немощным и старым, как и положено властелину такой огромной империи.

Холл большой, по-крестьянски обставлен добротной мебелью под стенами. Гобелены и штандарты прилежно свисают с поручней второго этажа.

Никаких новшеств, что и понятно, здесь другие люди, всего лишь работающие на тех, кто руководил ими из Зачарованного Места.

— Наверх, — велел я. — Проверить второй этаж. Я пока посмотрю здесь...

Милфорд хищно улыбнулся, двое с мечами наголо ринулись с ним по лестнице на второй этаж, остальные с азартом бросились проверять ведущие из холла

двери справа и слева, где чаще всего располагаются подсобные помещения и кухня.

Через несколько минут из всех помещений, даже со двора в главный зал начали сгонять жильцов и гостей имения.

Я быстро окинул их внимательным взглядом, семнадцать человек, немало, но ни одной женщины.

Испуганные, кто-то с кровоподтеками, двое в разорванных рубахах, у одного кровь из разбитого рта, сгрудились в тесную группку, как овцы, разве что не блеют, но смотрят с таким же испугом, в котором кроме страха я увидел и то, что ожидал: крах надежд и осознание поражения.

— Прекрасненько, — сказал я со злобной радостью. — Значит, в самом деле рабочая база, а не культурный центр развлечений. Похоже, вы за прогресс, но супротив культуры?

Со двора притащили Жака, по моему кивку развязали ему руки и толкнули к его соратникам. Жильцы имения уставились на него с испугом, по их лицам только слепой не понял бы, что хорошо его знают.

Как все же остался чуточку в сторонке, то ли потому что чувствует вину в их неизбежной гибели, то ли потому что командир.

— Вот ваш связной, — сказал я, — а то и вождь этой ячейки бунтовщиков. Я точно не знаю его статуса, но вы знаете, и он подтвердит, что ваша песня спета. Хотя песня по задумкам была оригинальной, но исполнение все испортило.

Жак сказал своим мрачно:

— Этот командир... и есть император, который прибыл на Багровой Звезде Зла.

Его соратники колыхнулись, я вскинул руку:

— Кланяться не нужно, вы все равно приговорены, какая вам разница?.. Мятеж в любом королевстве карается четвертованием, а я по милосердию просто повешу. А то и вовсе велю срубить вам головы... А то и не велю, я же самодур, мало ли какая вожжа попадет мне под хвост!

Один в разорванной до пояса рубашке и с разбитым в кровь ртом сказал:

— Что делать, мы знали, что в случае провала будет такой конец...

— Но вам пообещали, — закончил я, — что никому до вас не добраться? Знакомо. Я рад, что среди вас нет женщин. Конечно, можно обвинить в ущемлении их прав, но, с другой стороны, казнить женщин некрасиво, хотя иногда хочется без важного повода...

Милфорд пробормотал сбоку едва слышно:

— Но их можно бросать солдатам.

— Так почему среди вас нет женщин? — спросил я.

Они продолжали смотреть на меня, даже не переглянулись, только тот в разорванной рубахе ответил с неприязнью:

— Непонятно? Из-за их полной неспособности хранить секреты.

— А-а, — сказал я, — значит, милосердие ни при чем?

Разорваннорубахий сказал с вызовом:

— Мы за равные права женщин! Но некоторые вещи лучше поручать мужчинам.

Я кивнул, спросил строго:

— Так, кто здесь старший?

На меня продолжали смотреть молча и с обреченным видом, но никто не ответил.

Я повернулся к Жаку:

— Ну?

Он тяжело вздохнул и сказал обреченным голосом:

— Император, знает о нас все... или слишком многое. И даже уверен, что маркиз здесь.

Я внимательно всматривался в их лица, они заметно мрачнели, у кого-то в глазах метнулся испуг, начали осторожно переглядываться.

— Объясняю, — сказал я с глубоким удовлетворением, — вы, ребята, проиграли. Нельзя в нашем прекрасном мире разговаривать с помощью угроз и шантажа. Тем более с вышестоящим товарищем. Вы рискнули, почему-то уверенные в полной безнаказанности... Да-да, понимаю, это не столько вы, как ваши хозяева...

Жак сказал мрачно:

— Они не хозяева.

— А кто?

— Соратники.

— Тем хуже для вас, — сказал я с жесткостью в голосе. — Мера ответственности выше, ясно?

Жак сказал тем же голосом:

— Никто не проиграл. Вам их не достать...

Я спросил с интересом:

— Жак, а я считал тебя умным, ты даже не понял, откуда я узнал про это имение? Сам Гезакус, заместитель Уламклайднера, старшего координатора Зачарованного Места, сообщил, что похищенный по его коварному указанию маркиз содержится в нечеловеческих условиях в этом имении. Не верится?.. Еще бы, ваши покровители выглядели по зеркалу такими могущественными!.. А сейчас зеркало померкло, не так ли?.. В смысле, связь с таинственными Хозяевами прервалась?

Жак вздрогнул, посмотрел расширенными глазами.

— Как оно могло померкнуть?

Я ответил с твердостью, хотя снова ощутил стыд и все большее раскаяние за легкомысленную эйфорию, что привела к трагедии:

— Можете проверить. Больше этого зеркала нет.

— Но...

Я сделал отматающий жест:

— Там все погибли. Так получилось. Я не хотел, если честно, и если бы мог остановить, остановил бы, но... что вышло, то вышло. Не всегда получается то, что задумано. А если и получается, то лучше бы не получалось.

Они все сбивались в кучку все теснее, словно стараются подпитаться общей энергией, но видно же, что воля к сопротивлению стремится к нулю, лица растерянные, как у остатков солдат разбитого войска, в глазах страх и непонимание, что говорить и как избежать гибели.

Жак пробормотал:

— Но почему... почему вы так считаете... ваше величество?

Я пожал плечами. Согнанные со всех концов имения все еще помалкивают, смотрят испуганно, зыркают друг на друга.

— Откуда? Очень просто. Я зашел к ним и всех немножко убил. И стер с лица земли то несчастное образование. Хотя и ненамеренно, но у меня часто бывает, когда... в общем, больше нет Зачарованного Места. Поэтому укажите, где именно маркиз? Где-то в подвале?

Жак промолчал, то ли обдумывает сказанное, то ли и сам не знает, наконец один из кучки согнанных сказал с трусливым вызовом:

— Вам этого не узнать!

По виду его я бы сказал, до него все еще не дошло, что все потеряно, а это оскорбительно, когда в чьи-то возможности верят больше, чем в мои.

— Правда? — спросил я с сомнением. — Сэр Милфорд!.. Приступайте. Начните с этого крепкого задним умом. Головы рубить, как принято по войсковому этикету, начиная с нижних чинов! Так этичнее и экономически выгоднее.

Милфорд улыбнулся, со значением в лице кивнул одному из соратников. Тот быстро ухватил того, на кого я кивнул, за шиворот, рывком поставил на колени.

Все смотрели испуганно, но без ужаса, еще не поняли, что происходит, а второй из разведчиков лихо взмахнул мечом, на мгновение задержал над головой, так страшнее и есть возможность увидеть с моей стороны отменяющий казнь жест, но я смолчал, и он нанес рубящий удар.

Хрустнули хрящи шейных позвонков. Голова тяжело сдвинулась с плеч и покатилась по каменным плитам, оставляя широкую полосу крови.

Разведчик выпустил из рук обезглавленное тело и отступил с непроницаемым лицом. Труп рухнул на пол, из обрубка шеи щедро хлестнула толстая струя крови темно-красного цвета.

На полу начала быстро разрастаться широкая лужа. Жак и остальные его соратники по заговору, застыв, как фигурки на саркофаге, смотрели неверящими глазами, ибо все было проделано буднично и просто, без гнева, криков и угроз.

Я поторопил:

— Следующего!.. Давайте активнее, надо успеть зарубить побольше, пока неустранный Жак не упал в обморок.

Тот же разведчик ухватил второго, пинком сзади под колени опустил ниже. Все согнанные в кучу с ужасом смотрели, как одной рукой ухватил мешающие ему длинные волосы пленника и, собрав в пучок, наклонил ему голову.

Меч второго подручного Милфорда блеснул коротко и буднично страшно. Голова отделилась от плеч, оставшись в руке разведчика. Тот поднял ее за волосы повыше, показывая всем, хищно оскалил зубы и метнул под ноги Жаку.

Жак в ужасе и отвращении отпрыгнул, вызвав довольноый хохот моих воинов.

Я сказал властно:

— Здесь их много, рубите по двое, а то обедать пора.

Милфорд уточнил:

— Ваше величество, скоро как бы ужин...

— Тем более, — сказал я в нетерпении. — Можно и сразу по трое. Чего тянуть?

Еще один из разведчиков сделал шаг вперед:

— Я буду рубить!

— И я, — сказал быстро еще один.

— Я старше, — напомнил первый.

Я махнул рукой:

— Главное, чтобы быстрее, вон их сколько.

Четверо дюжих воинов выдернули из толпы сразу троих, подтащили к обезглавленным трупам и умело поставили на колени.

Жак вскрикнул затравленно:

— Вы все равно не узнаете!..

— Ну-ну, — сказал я с интересом, — правда?

Он сказал с вызовом:

— Только я знаю!

— Вам отрубят голову последнему, — сказал я утешающе. — А пока полюбуетесь, как теряют головы ваши подчиненные, что пошли за вами. И которых вы привели к гибели!

— Но с моей смертью все равно не узнаете!

Я вздохнул.

— Ну и фиг с ним. Зато сделал все, что мог, маркиза это оценит. И мои подданные. Я всем показал, что я успешен, заговорщиков отыскал даже в их тайном логове, наказал по всей строгости закона, которого еще нет, но обязательно будет... Эй, ребята, хватит слушать своего лорда, хотя я прекрасен и умею говорить, как Нерон!.. Руби!

Ближайший ко мне разведчик замахнулся мечом, но в его движениях театральность стала заметнее, да и придержал стальную полосу над головой жертвы, сделав зверскую рожу.

Глава 7

Как я и ожидал, Жак закричал сорванным голосом:

— Хватит!.. Я все скажу!.. Только не трогайте, они в этом не участвовали!

Исполнитель приговора остановил взмах меча, но опустил острием на шею, давая несчастному ощутить смертоносный холод острой стали.

— Правда? — спросил я с сомнением.

— Я все замыслил, — прокричал Жак, — и осуществил здесь сам!.. Эти люди просто выполняют приказы! По эту сторону Зачарованного Места всем руководил я!

Я кивнул разведчику:

— Продолжай.

Тот, все поняв, прежним пинком под колени быстро опустил вставшего было на ноги пленника. Сверкнул меч, звук раздался отвратительно сочный, словно рубили свежую говядину, только чуточку хрустнуло, когда лезвие рассекло шейные позвонки.

Голова свалилась на пол, покатилась, оставляя кровавую дорожку из рассеченных артерий.

Разведчик выпустил тело, оно рухнуло на пол, из обрубка шеи тоже хлещет кровь струей, но из головы выплескивается почему-то больше.

Жак простонал:

— Хватит... Я больше не вынесу...

Я указал на Милфорда и его людей, сказал ровным голосом:

— Вот их жизни для меня ценные, а вы все только статистика. Погибнет вас сто человек или тысячи — ничтожная малость для империи. Так что, Милфорд... руби!

— Не-е-ет! — прокричал Жак. — Ваш маркиз упрытан в охотничьем домике!.. Всего три мили отсюда, сразу за первыми деревьями!.. Не убивайте никого больше!..

Милфорд знаком велел разведчику задержать меч над головой второго, я сказал проникновенно:

— Вдруг вы все еще не поняли, объясняю доступно, как демократ демократу. Сейчас вот мои люди отправятся в тот домик, и если не найдут маркиза, то всех вас сперва подвесят за гениталии повыше к потолку, пока плотники обстругивают колья, на которые затем насадят по одному друг против друга. Лично вас в виде особой любезности водрузим на кол последним. Поверьте, это красиво, когда хорошо заточенное дере-

вянное острье входит в анус, а через несколько часов, пока захлебываешься в крике, зреющим высовывается, покрытое кровью и экскрементами, у вас изо рта.

Он прошептал, едва не теряя сознание:

— Он там, клянусь.. Поскорее посылайте своих людей...

Я кивнул Милфорду:

— Выполняйте. Надеюсь, это существо, что собиралось править миром, дало верные координаты.

Он хмыкнул:

— Уверен. Стоило только на него посмотреть. Я возьму с собой запасную лошадь. Достаточно, как думаю.

— Верно, — одобрил я, — не на телеге же знатному маркизу ездить. В том охотничьем домике, думаю, минимальная охрана...

Он ответил быстро:

— Тогда пошлю за ним тройку воинов?

Я кивнул:

— Действуй.

Он быстро отдал приказы, один выскользнул наружу, почти сразу послышался удаляющийся топот четырех коней.

Я неспешно повернулся к Жаку, он чуть пришел в себя, по выражению лица видно, с каким напряжением работает его мозг, выискивая варианты, как вывернуться из ситуации, а возможности все еще есть...

Мне его сосредоточение не понравилось, и, чтобы сразу сбить настрой на борьбу, я обнажил меч и приставил ему к горлу.

— Быстро имена всех в герцогстве, кто участвовал в заговоре!..

Он побледнел, проговорил медленно:

— Я не...

Сообразительный Милфорд без раздумий и мерехлюндий схватил свой меч и, не вынимая из ножен, с силой ударил его в промежность.

Жак взмыл, согнулся пополам, я едва успел убрать лезвие, а он ухватился за гениталии и рухнул на пол, всхлипывая и причитая жалким голосом.

— Убери руки, — потребовал Милфорд. — Все равно тебе эти штуки в аду не понадобятся.

Жак прокричал стонущим голосом:

— Я все скажу!.. Только не бейте!

Милфорд весело взглянул на меня и отступил, держа меч наготове. Кто-то из разведчиков сказал с презрением:

— Как легко сдаются. Что за люди?

— Интеллигенты, — пояснил я, — их отбирали и выращивали по всему герцогству несколько поколений. У них жестокость ну совсем вытравили, а как без нее жить культурному человеку? Потому можно даже не прибегать к допросу третьей степени, а просто топнуть ногой.

Милфорд добавил:

— Сразу пустит лужу и все расскажет.

Несколько разведчиков тут же приступили к вытряхиванию имен сообщников, кто и где работал по их приказам в герцогстве, имена, адреса.

Среди захваченных нашелся еще и некий Герник, который знал едва ли не больше, чем сам их идейный руководитель в герцогстве Жак, и сейчас, торопясь и захлебываясь словами, сдавал всех, торопясь опередить соратников.

Со стороны леса в оконном проеме показались четверо всадников в ряд, трое разведчиков и маркиз, что выделяется среди них, как павлин среди серых гусей: в яркой одежде, на голове голубая шляпа с разноцветными перьями, а когда грациозно покинул седло, в глаза бросился широкий золотой пояс, почти как мой, только украшен ярче и заметнее.

Штаны заканчиваются под коленями широкими буфами, дальше белоснежные чулки ведут в изящные туфли с небольшим каблуком, пряжка украшена чем-то блестящим, на голове белый парик с безукоризненными буклями, разве что лицо из-за пребывания в плену не припудрено, хотя под правым глазом все же прилеплена мушка, но значения ее я с ходу не припомнил.

Он сделал вперед два быстрых шага, красивым жестом сорвал с головы шляпу и, подпрыгнув, низко склонился и широко взмахнул ею над выставленным вперед носком блестящий туфли, а затем сделал еще несколько сложных па с подпрыгиванием и помахиванием шляпой.

Разведчики с интересом смотрели на раскланивающегося маркиза, как люди смотрят на танцующего перед утками селезня.

Я дожидался, когда он закончит сложнейший ритуал приветствия, у маркиза все движения отточены до блеска, наконец он остановился и сказал проникновенно сладким и утвившим голосом:

— Ваше величество!.. Ваш командир отряда сообщил, что я своим освобождением обязан лично императору Ричарду... Это настолько неслыханная честь, что войдет во все летописи моего рода...

Я отмахнулся:

— Маркиз, как сюзерен, я обязан бдить и защищать права и свободы каждого гражданина империи. Каждый должен знать и чувствовать на своей шкуре, что он под защитой закона и будущей Конституции и что от этой защиты никуда не денется. И я это весьма подтвердил на этом вящем примере. Вы этот пример для империи, маркиз!

Он красиво поклонился.

— Ваше величество! Это войдет...

Я прервал:

— Пока отдохните пару минут, а то и три, мы тут закончим, и вскоре увидите великолепные стены ближайшего Волсингейна.

Он понял, снова со всевозможной элегантностью поклонился и отошел в сторону. Взамен подбежал брызжущий энергией и воинским весельем Милфорд.

Я кивнул, разрешая говорить, он шепнул, указывая взглядом на Жака и его команду.

— А с этими что?.. Отпускаете?

— Да, — ответил я. — Отпускаем душу на волю.

Он кивнул, все поняв, посмотрел на одного из соратников. Тот выхватил меч, Жак не успел ничего понять, как острие красиво вошло вертикально сверху в шею, так убивают благородных, а до этого убивали в Риме осужденных к смерти патрициев.

Жак, не успев ничего ощутить, свалился трупом под ноги. Разведчик вытер лезвие меча о его одежду и красиво бросил клинок в ножны.

Соратники Жака в ужасе наблюдали за казнью. Тот, что в разорванной рубахе и с разбитым ртом, пролепетал:

— Вы же обещали...

— Что обещал? — поинтересовался я.

— Отпустить...

— Я и отпустил его душу на волю, — пояснил я. — А дальше она тупенько предстанет перед небесным судом, где мудрые и справедливые решат ее участь. А тело что, все равно померло бы когда-то!.. Не сейчас, так через двадцать лет — какая разница? А вот с вами еще не решил... Если поклянется работать на меня и выполнять только мои приказы...

Он тут же воскликнул:

— Клянемся!.. Только не убивайте нас!

Я поинтересовался:

— Тебя как зовут?

— Жермингаль...

— Назначаю старшим, — сказал я, — раз уж ты сам взял на себя опасную роль переговорщика. Если по-честному, то мне ваша работа даже нравится. В смысле, одобряю. Нужно пытаться строить коммунизм хотя бы в отдельно взятом герцогстве! Раз уж ему удается быть отдельным и ни с кем не соприкасаться, чтоб не подхватить чуждых болезней демократического общества. Я на всякий случай еще больше сокращу, несмотря на багерную связь, контакты с внешним миром. Но теперь руководить процессом буду я. Понятно?

Он проговорил несколько ошалело:

— Ваше величество... это неожиданно... просто невероятно... но мы рады...

— Чему?

Он сказал торопливо:

— Так мы были все же нарушителями! Другого варианта у нас не было, а теперь уже все так иначе, что голова кругом... Вы император, а значит, мы не против власти...

— Именно, — согласился я. — Но власть моя крепка и не зыблется. Я вообще самодур и деспот, ибо только железом и кровью проводятся гуманитарные реформы и смягчаются нравы. Так что помните о том, что увидели!.. Начнете что-то незаконное, у вас адвокатов не будет! Все решит военно-полевой суд в моем одухотворенном лице. А как сажают на кол, могу на комнибудь из вас показать, если интересуетесь.

Милфорд сказал бодро:

— Да-да, это интересно! Покажите им, ваше величество!.. Да и нам будет весело. Им тоже радость...

Заговорщики, теперь уже бывшие, заволновались, Жермингаль вскрикнул:

— Нет-нет, вы достаточно красочно все обрисовали. И так ночь спать не будем...

Остальные тоже с бледными лицами поглядывали на распростертого в луже крови обезглавленного Жака, вздрагивали, кто-то зажал себе ладонью рот, глаза у всех вытаращены в ужасе.

Я сказал величественно:

— Все свободны. На самом деле, конечно, никто из нас не свободен, все мы кому-то и чему-то обязаны, над всеми довлеют долги перед обществом, а над самыми несчастными еще и супружеские. Потому будем работать. Кто не работает — тот не ест, и хотя сейчас все в империи жрут в три горла, не работая, но мы эту кормушку сломаем на хрен! Чтобы в поте лица своего добывали хлеб свой. Мир хижинам, война дворцам! Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!

Они смотрели трусливо, но кое у кого глазки заблестели. Я в чем-то угадал их тайные разговоры о несправедливом устройстве общества, а то, что у меня

возможностей больше для реформ, уже убедились очень наглядно.

Поворачиваясь к выходу, я сказал небрежно:

— Подготовите для меня ваш устав, правила, права и обязанности. На хорошей бумаге, ясным и четким почерком! А также цели и какими средствами собирались добиваться. Обещаю ни к кому не применять никаких санкций за откровенность!.. Пишите все как есть. Я сам радикал и продвинутый экстремист. Люблю реформы, хоть и не допускаю. Если со стороны, не допускаю...

Он торопливо кланялся чуть ли не после каждого моего слова.

— Да, ваше величество... как скажете, ваше величество... совершенно верно, ваше величество...

Я сказал брезгливо:

— Как только наладят багерную связь, прибудешь лично с полным текстом вашего Устава, Правил и всех мероприятий и законов, которые собрались внедрить в здешнее отсталое, на ваш взгляд, общество!.. Хотя оно и в самом деле отсталое.

— Все сделаем, ваше величество!

Я пошел к двери, на пороге оглянулся:

— Уберите трупы павших за лучшую жизнь, замойте неправедно пролитую кровь и начинайте работать на светлое будущее!

Перед домом на вымощенной камнем площадке разведчики уже гарцуют на конях, бодрые и довольные, все закончилось полной победой.

Милфорд догнал меня, когда я поднимался в седло арбогастра.

— Ваше величество, — спросил он тихо, — а что насчет причальной пирамиды?

— А что с нею? — спросил я.

— Вы сказали багерную связь не то ограничите, не то прикроете вовсе...

Я отмахнулся:

— На багеры и так только по пропускам... Будут проходить над герцогством, как и раньше, но шлюз разрешим открывать только в особых случаях.

Он сказал догадливо:

— Для сбора налогов?

— Верно, — ответил я. — И как напоминание, что император не дремлет!.. И если что-то восхитят, хотелки сразу оторвем и бросим в компостную кучу, чтобы червяки там лучше плодились на корм курам.

Он оглянулся на группу разведчиков, что окружили роскошно одетого маркиза, он просто невыносимо вельможен в белоснежном парике и с двумя рядами идеально уложенных локонов с обеих сторон, грациозный и с пластичными движениями, как древний грек.

— Ваше величество, что с маркизом?

— Отправьте в столицу, — распорядился я. — Жанна-Антуанетта места себе не находит!..

Милфорд сказал со значением в голосе:

— Маркиз, как я слыхал, предпочитает жить в своем имении. Там большое хозяйство, нужна его рука...

— Сперва в столицу, — повторил я. — Триумфально, но без торжеств. Просто как доказательство успешной силовой операции. Обыденное, для нас как бы вовсе и вовсе плевое через левое плечо. Но можно и через правое, хотя церковь и против. А потом пусть хоть в имение, хоть к любовницам. Главное, Жанна-Антуанетта успокоится.

— И воссияет, — согласился он. — Ваше величество все делает без промаха!

— Не льсти, — ответил я. — На самом деле облажался по-крупному. Но империи об этом знать не обязательно.

Глава 8

Бобик, угадав направление или же подслушав наш разговор, мощно подпрыгнул на всех четырех и стремительно ринулся по дороге к столице герцогства, где богатая кухня и где угощают самым льстивым образом, смиренно и с поклонами отдавая самое вкусное и прожаренное мясо.

Арбогастр недовольно фыркнул, но покосился огненным глазом на смиренную лошадку, вздохнул и смирил свое естественное желание догнать Бобика и показать ему, что не так уж он и быстр, как бахвалится.

Милфорд, в свою очередь, поглядывал на Зайчика с завистью лошадника, что прекрасно понимает, могучее сложение этого громадного и массивного коня ничуть не мешает его скорости.

— Ваше величество, — поинтересовался он, — обратно на Багровой Звезде?

— Предпочел бы на багере? — ответил я вопросом на вопрос.

Он отвел взгляд в сторону.

— Вообще-то, если честно, то да, ваше величество. Всем страшно на Маркусе. Просто верят вам, потому идут, стиснув зубы. На багере, хоть и чужое волшебство, тоже не совсем, но хотя бы не дышит и не шевелится, а в Маркусе — как в желудке чудовища.

— Скоро наладят, — напомнил я. — Все каменщики герцогства спешно возводят причальную пирамиду!

Он сказал живо:

— Я слышал, что за промедление будут вешать без суда и следствия?

— Да, — подтвердил я. — Велел пустить слух, что я, как всякий тиран, злобен и полон подозрительности. И как только хоть кого-то заподозрю в намеренном затягивании сроков, то велю вешать всю бригаду!

Он хохотнул.

— То-то так стараются!.. Слова какие выучили... За саботаж и государственную измену!

— Все во славу Господа, — сказал я. — Все средства оправданы для достижения великой цели.

— Ночами при факелах камни таскают, — подтвердил он. — С другой стороны, багер багером, но если являемся на Багровой Звезде... сразу и оружие побросают!

— Нет в жизни полного счастья, — подтвердил я. — Всегда чего-то недостает.

— Да, — подтвердил он с таким видом, будто хотел добавить, что либо жопы холодные, либо сиськи маленькие. — Но мы ищем!

Подъезжая к городу, заметили вывешенные со всех окон и балконов яркие полотнища с цветами империи. На перекрестках улиц выступают жонглеры и фокусники, что едва завидели нас издали, сразу закричали: «Слава империи!»

Мне славу еще никто не кричит, еще не успели узнатъ, кто есть кто, но сметливое население уже догадалось прибегнуть к безотказному средству уменьшить риск императорского гнева, и на улицы выкатывает бочки с вином, старается угостить так неожиданно

явившиеся из империи войска, женщины выносят на белых полотенцах пироги и сладости, улыбаются и кокетничают, сама доброта и радушие.

Всадники остались во дворе, к ним подбежали перехватить коней и помочь расседливать, я подумал и направил арбогастра по мраморным ступенькам во дворец.

В воротах пришлось пригнуться, хорошо хоть, проем широк, не пришлось ноги забрасывать на седло, въехал грозно и надменно, оглядывая всех неспешно и с угрозой в насупленном лице.

В холле народ бросился врассыпную, но остановился у стен в ожидании повелений или приказов, кто знает, чего ждать от императора, посетившего не признающее его власти герцогство.

— Вперед, Зайчик, — сказал я и потрепал его по плотной, как отполированный камень, блестящей шее. — Если что, превратим это место в твою конюшню...

Он недовольно ржанул, я сказал успокаивающе:

— Не главную, а так, загородную!.. Будешь срать, где захочешь...

Несколько слуг ринулись в сторону главного зала, а когда мы степенно вдвинулись в него под высокой, хоть и недостаточно высокой, аркой, увидели под противоположной стеной на возвышении трон.

Герцог сидит, пригорюнившись, а ему нашептывают в правое и левое ухо двое из слуг, прибежавших из холла.

Зайчик, громко цокая копытами, вошел в зал, слуги мгновенно испарились, а танцующие перед герцогом три женщины опасливо отодвинулись, но танец не прервали, для них герцог все-таки главное.

Женщины точно не из придворных, те бы точно двигались как куклы, а эти чуть веселее, хотя тоже боятся нарушить приличия, пусть даже простые горожанки или вообще из бродячего театра, впрочем, явно тоже угостившиеся вином, потому бесстрашные.

В руке герцога большой и богато украшенный драгоценными камнями кубок, а за спинкой трона виночерпий с объемистым кувшином в руках внимательно следит, как его светлость потребляет, надо успеть долить, не давая осушить до дна — плохая примета.

Увидев меня на коне и во всем величии завоевателя и попирателя, виночерпий сгорбился и застыл, а герцог поспешил подняться, опираясь обеими руками о подлокотники.

Это далось с таким трудом, что руки задрожали, а лицо мучительно искривилось. Я милостиво вошел в ситуацию и властным жестом опустил его обратно.

Он торопливо поклонился, уже сидя, все еще не выпуская из руки кубок.

— Ваше вели.. ик!.. чество...

— Сидите, сидите, — повторил я отечески. — Настроение получше? Неизбежное следует принимать философски.

— Да, ваше величество, — ответил он покорно, — но... слишком уж как-то все... не совсем так... как ожидалось...

— Неожиданное, — изрек я с высоты седла, — случается в жизни чаще, чем ожидаемое. И это неожиданное, гм, не всегда как бы плохо. Вон, когда обсуждали, какой род смерти самый лучший. Цезарь раньше всех вскричал: «Неожиданный!» Вы как насчет такого ответа?

Он посмотрел на меня опасливо, хотя трон на помосте, я в седле все равно выше.

— Ваше величество, для меня это не будет... неожиданным...

Я покачал головой, постарался смягчить голос:

— Герцог, когда железо бьет по кремню, вспыхивает искра, что может сжечь город или обогреть сотни домов!.. Считайте, что вы от такого удара... как бы вот заискрите.

Зайчику надоело стоять неподвижно, он сделал два шага на ступеньки, герцог застыл с ужасе, когда к нему потянулась огромная конская голова с багровыми глазами и осколенными зубами.

Арбогастр его небрежно обнюхал, деликатно взял из руки кубок и с задумчивым видом начал жевать.

— Зайчик, — сказал я строго, — Заюшка, ну сколько тебе играть?.. Сдай взад, не пугай людёв... Герцог?

Зайчик отступил на прежнее место. Смятый в лепешку, а потом в комок металла кубок уже исчез в его пасти, арбогастр даже глазки прикрыл от удовольствия, расхрустывая камешки.

Герцог с трудом оторвал от него ошелелый взгляд, проговорил, с еще большим усилием ворочая языком:

— Это неожиданность... но главная со мной уже случилась... ваше величество...

— Какая же?

— Старость, — проговорил он с трудом и понурился, в самом деле показавшись старым и немощным. — Только что вроде бы мчался на горячем коне и вдруг вижу, как на меня обрушилось все то, над чем смеялся, и что никогда-никогда не должно было меня коснуться...

Я указал широким жестом на испуганных женщин, что сгрудились в сторонке и слегка двигают бедрами, не сходя с места, все еще изображая танец.

— Но женщины никуда не делись? А советника найдете другого. Нормального, не строящего заговоры. Чем вас так уж соблазнили?.. Ладно, можете не отвечать. Сепаратизм вообще привлекает мечтателей... Увы, суровая реальность против. Хотя ваши заговорщики натолкнули на мысль.

Он поднял на меня испуганный взгляд, свободная от кубка рука тоже ухватилась за подлокотник.

— Ваше величество?

— Да так, — ответил я, — есть некоторые планы продолжить дело ваших заговорщиков. Как только разберусь в деталях. Можем попытаться построить нечто особое в отдельно взятой земле, отгородившись от вражеского влияния и окружения. Если получится, ваше герцогство станет примером для других, как надо жить.

Зайчик громко фыркнул, приподнял хвост, тут же началась мощная дефекация. Горячие каштаны красиво покатились по мраморным плитам пола.

Герцог, стараясь не смотреть на страшного коня, спросил опасливо:

— А если не получится?

— Станет примером, — пояснил я, — как не надо. Отрицательные примеры тоже необходимы для любого общества, дорогой герцог. Сразу станет понятно, какие пути тупиковые и что туда не нужно даже созваться. А на месте вашего герцогства либо хорошая трава вырастет овцам на радость, либо что-то еще нужное тем, кто переберется через горы и обнаружит пустые земли...

Он зябко передернул плечами, багровое от выпитого вина лицо начало бледнеть.

— Как-то лучше бы на примере соседа...

— Не берите в голову, — посоветовал я. — Пейте!..
Это признак гражданского мужества и сопротивления.
Вино и женщины — вот что утешает проигравших.

Он грустно покосился на арбогастра, в пасти которого исчез кубок, в горячих каштанах, щедро раскатившихся по полу, вряд ли обнаружатся алмазы.

— Ну да... Женщины — наше все...

— Когда нет квантовых ожиданий, — подтвердил я, — то да. Женщины универсальны.

— Или не все? — спросил он. — Если не все, то что?

— Нечего, — подтвердил я, — разве что другие танцы.

— А какие? Все равно танцы...

— Очень верно, — согласился я. — Все в нашей жизни танцы.

Он пригорюнился, из груди вырвался тяжкий вздох.

— Какие-то невеселые.

— Блюют достоинство, — определил я. — Достойные люди — всегда скучные люди. А нам нравится веселье, пусть и самое дурное... У вас что, шутов нет?

Он грустно махнул рукой:

— Раньше были.

— И куда делись?

— Потом люди императора объяснили, что шуты — только если сам правитель дурак. Мода, мол, новая. Все тогда поспешно от шутов избавились. А как без них жить? С ними было все ясно: вон дурак, а мы умные. А что сейчас? Брожение умов, все умничают, чтобы в шутах не оказаться. Могу я осмелиться поинтересоваться...

— Да, — ответил я, — можете. Интересуйтесь. Вообще-то отвечаю сразу. Ввиду особой стратегической важности данного герцогства... представляете?.. беру его под особую монаршую опеку. Нет-нет, не вставайте, тут крутые ступеньки, если еще помните...

Он сказал опасливо:

— А что... за опека?

— Буду присматривать, — сообщил я. — А багеры будут к вам возить моих людей. Создадим некую свободную экономическую зону, полностью закрытую от внешнего вмешательства!.. Передайте поклон герцогине!

Он посмотрел снизу вверх несколько странно, что и понятно, не всем доступен сокровенный смысл моей мудрости, да он чаще всего недоступен и мне, а я величественно, как авианосец, повернул Зайчика в сторону выхода на просторы двора.

Западный небосвод уже весь залил багровым огнем, оранжевое море перемешивается с багровыми волнами, мир прекрасен, а во дворе тусуются люди Милфорда.

Он направил своего коня рысью ко мне, а я с высоты ступеней и седла распорядился:

— Держите уши на макушке. Здесь молчат и кланяются, но мы покончили с их свободами, и они это помнят.

Он сказал уверенно:

— Не попадемся. Какие будут указания?

— Провести рекогносцировку, — ответил я. — Что знали те из общества, должны знать и мы. И даже больше, потому что мы — это мы! А не всякие там они.

Он поклонился:

— Все сделаем, ваше величество.

— Что успеете, — уточнил я. — Задерживаться не будем. Как дела с причальной пирамидой?

— Пока строят причальную башню, — доложил он. — Так быстрее. Потом расширят до пирамиды с удобными ступеньками. Вы бы видели, как стараются!

Я сказал недобро:

— Еще бы. Я же сказал, уберемся отсюда только на багере!

Глава 9

Сэр Растер, хранитель традиций армии и рыцарского духа, прав в своих убеждениях: особенно насчет доминирующего положения на завоеванных землях, его нужно закреплять самыми наглядными и доступными местному населению примерами.

Интеллигентная мягкость и вежливость воспринимается как слабость даже теми людьми, которых трудно заподозрить в слабоумии, потому я как должное воспринял, что герцогиня смиленно и покорно пришла ко мне на ложе и этой ночью.

Если моя гибкая совесть и пыталась что-то попискивать, то мощный голос pragmatичного политика заглушил ее победным питекантропьем ревом. По совести с совестливыми, если таких где-то вдруг встречу, а пока только сила с моей стороны и угроза применения еще большей силы и разрушений.

К счастью, особо доказывать не приходится, здесь эти законы узнали раньше меня и подстраиваются под них прежде, чем я успеваю рот раскрыть.

Потому без особых угрызений совести отнасиловал герцогиню, во всяком случае ей никаких угрызений

не выказывал, а потом грубо отвернулся и сделал вид, что заснул, причем в самом деле заснул моментально.

Утром за церемонным завтраком сидел в кресле герцога, что с высокой спинкой и его гербом, а герцог и герцогиня по другую сторону стола в креслах по-проще.

Завтрак шел вяло до тех пор, когда между первым и вторым блюдами в зал вошел скромно одетый управитель и что-то прошептал герцогу на ухо.

Я видел, как встрепенулись герцог и герцогиня, что расслышала управителя тоже, как радостно заблестели у них глаза, а на впалые щеки герцогини вернулся румянец.

Герцог сказал через стол повеселевшим голосом:

— Ваше величество, спешу доложить, насколько мы ревностно выполняем ваши повеления!..

— Ну-ну? — сказал я с интересом.

— Только что закончено строительство башни, — сообщил он, — что позволяет принимать пассажиров и грузы с багера! А также отправлять...

Я посмотрел на обоих внимательно.

— Да-да, главное сейчас отправлять. Милфорд!..
Когда следующий багер?

Милфорд, наблюдавший за нами от двери, прокричал:

— Через шесть часов, ваше величество!

— Прекрасно, — ответил я. — Через шесть часов отбудем. Герцог, понятно, будет сожалеть о нашем столь быстром уходе, однако мы обещаем не спускать с герцогства глаз, что его, несомненно, очень обрадует вплоть до ликования.

Щеки герцогини порозовели еще больше, украдкой бросила на меня взгляд, который я с ходу интер-

претировать не смог, но ненависти или злобы в нем точно не увидел.

Я с небрежностью создал вино в фужерах из тончайшего стекла, герцог напрягся, колдунов уважают, но страшатся.

Когда темно-красное вино заполнило все три фужера по золотые полоски, я с торжественной неспешностью поднял свой на уровень глаз.

— За ваше здоровье!.. И за процветание нашего герцогства.

Герцог ответил с осторожностью:

— Спасибо, ваше величество...

Я перевел взгляд на герцогиню, ее щеки уже покраснели, на миг вскинула на меня взгляд, но голос прошелестел совсем тихо:

— Да, спасибо...

— Р-рад, — сказал я, — что во всех проблемных вопросах мы нашли почти взаимопонимание. Я бы сказал даже полное, но такими скороспелыми заявлениями грешат политики мелкого ранга, а нам такие дипломатические промахи непозволительны. Но достигнутое взаимопонимание будем углублять, крепить и расширивать. На сем покину ваш гостеприимный дворец...

Я величаво поднялся, герцог тоже поспешно встал, а герцогиня, поднимаясь, прошелестела тихим голосом:

— Ваше величество, вы шесть часов намерены ждать у башни?

— Но ведь багеры никого не ждут? — напомнил я, но, взглянув на нее, сказал с небрежностью: — С другой стороны, если уеду прямо щас, то тем самым выкажу молчаливое неудовольствие приемом...

Герцог промолчал, герцогиня скромно потупилась, а я помахал рукой застывшему у двери одному из разведчиков.

— Передай Милфорду, через пять часов выступаем! Курс на причал. Проверьте, чтобы никто ничего не забыл. Вряд ли сюда еще вернемся, а если вернемся, то и герцогства не оставим на карте...

Но говорил я весело, чтобы понимали, император шутит, но все же намек понятен, все должно быть согласно моей воле, тогда возвращаться в праведном гневе не будет необходимости.

Герцог и герцогиня остались со склоненными в покорности головами, я чувствовал по дороге к дальней двери, что не шелохнулись.

Разведчик у двери бросил строгий взгляд на двух лакеев герцога, что дежурят с левой стороны, оба торопливо распахнули обе половинки и тоже застыли с согнутыми спинами.

С крыльца видно, как конные разведчики красиво и молодецки гарцуя на поджарых конях, свысока поглядывая на снующих вдоль стен пышно одетых и разноцветных слуг.

Один промчался через двор и, скрежеща конскими копытами, лихо остановил его на скаку перед ступенями.

— Ваше величество!.. Был приказ через пять часов быть у причальной?

— Через пять часов выступаем из дворца, — уточнил я. — Нечего там ждать целый час!

Он поддакнул:

— Вы ж император!.. У нас тут поговаривают, что вы как-нибудь выберете время и пересмотрите маршруты багеров!.. а то ишь разлетались не так, как вам угодно...

Я поежился, но ответил бодро:

— А это мысль! Спасибо за подсказку. Новое время — новые маршруты! Надо как-нибудь выбрать время...

За спиной пахнуло теплом, я ощутил, как открылась дверь, а затем услышал едва уловимый запах женских духов.

Не поворачиваясь, чувствовал, как герцогиня подходит ближе, затем прозвучал ее тихий голос:

— Ваше величество... вы завершили все дела? Не стоит все пять часов ждать на крыльце.

Я ответил так же тихо:

— Что предлагаете, герцогиня?

— Отдохнуть после трудов и свершений, — сказала она совсем тихо. — На этот раз в моих покоях...

— Принято, — ответил я.

Когда вернулись в холл, я церемонно подал руку, демонстрируя учтивое отношение к женщине, герцогиня коснулась ее кончиками пальцев, и так двинулись через залы.

Герцога не увидел, так что ситуация не прояснилась насчет, чья это инициатива. Возможно, сама герцогиня была автором идеи, хотя, скорее всего, по моей подозрительности могло быть и совместным решением супругов.

Герцогиня всю дорогу молчала, а когда поднялись в ее покой, я на минутку остановился за порогом, быстро оглядываясь. Опасности пока не чую, в приличных размеров зале, что служит чем-то вроде приемной, хотя зачем она жене герцога, никто не спрятался, не говоря уже об отсутствии магических ловушек...

Герцогиня уже отпустила мою руку, сделала пару шагов по направлению к одной из дверей, остановилась и повернула голову в мою сторону.

— Да-да, — сказал я, — иду. У вас так мило...

Она прошла к двери из красного дуба, что украшена еще и затейливой резьбой, коснулась ее кончиками пальцев.

Дверь приоткрылась, показывая богатое убранство спальни с роскошным ложем и дюжиной различных подушечек на трех перинах лебяжьего пуха.

Я поинтересовался с легким смешком:

— Предлагаете начать отдых со спальни?

Она повернулась и прямо посмотрела мне в глаза.

— Мне нравится ваша грубость, ваше величество, и ваша бесцеремонность. Но на этот раз, прошу, не сдерживайте в себе зверя.

Через пять часов я вышел из здания на крыльце. Милфорд с отрядом в седлах за спиной уже держит под уздцы Зайчика, а Бобик ринулся ко мне с обвинениями, что я заперся в спальне герцогини, он меня и там все-таки нашел, но внутрь не пустили, какая несправедливость, как я мог, как я мог так поступить?

Я поцеловал его в лоб, почесал за ушами, уверяя, что люблю только его, а все женщины мира разве могут ответить мне такой же любовью? Потому у настоящих мужчин они на заднем плане, а работа и четвероногие — на первом.

Милфорд придерживал арбогастра, пока я поднимался в седло, пусть в этом и нет необходимости, потом лихо вспрыгнул на спину своего коня, не коснувшись стремян.

— Ваше величество?

— Выступаем, — ответил я.

Разворачиваясь в сторону ворот, увидел, как на втором этаже в окне, где спальня герцогини, слегка колыхнулась штора.

Я приподнял руку в прощании, застоявшийся арбогастр красиво поднялся на задние копыта, передними замолотил по воздуху, затем мощно рванулся по дороге из города.

За спиной слышен грохот копыт, разведчики стараются не отставать, а я придерживал Зайчика, приятно слышать этот успокаивающий гул, в нем сила и сдержанная мощь, под такой шум спится спокойнее, чем под дождь...

Башня простила на фоне безоблачного неба неприятно хиная и кривая, густо окружена строительными лесами, со всех сторон облеплена, как дохлая жаба муравьями, плотниками и каменщиками.

Нас заметили, из группы охраняющих стройку всадников отделился на статном коне сэр Норберт и помчался в нашу сторону, ровный в седле, как свеча.

Милфорд сказал с уважением:

— Он и ночевал здесь! Без него так бы не управились...

— Достойный командир, — согласился я. — Всегда безупречен.

— Как и его усы, — сказал Милфорд. — Вон с той стороны делают помост, чтобы можно было и коней завести на самый верх.

— Проверь насчет готовности, — велел я. — Негоже гонять могучую Звезду Зла по мелочам. Бояться перестанут.

Он отсалютовал и унесся, я выждал, когда подъедет Норберт, сказал первым:

— Благодарю, сэр Норберт!.. Работа идет быстрее, чем я ожидал.

Он ответил вежливо, но без улыбки:

— Пришлось стимулировать.

— Как?

— Когда увидел, что работают без охоты, велел сперва построить виселицу на пять человек. И объявил: каждый день буду вешать тех, кого сочту самыми медленными.

Я сказал с одобрительным смешком:

— И работали так, что вы даже не смогли определить, кто работает быстрее, а кто медленнее?

Он кивнул с тем же непроницаемым выражением.

— Двух все же пришлось повесить. Они нашептывали, что с постройкой причала придет конец их вольностям.

— Понятно, — ответил я. — Вы на их примере показали, что вольностям в самом деле конец. Как на верху площадка?

— Пока маловата, — сообщил он, — отряд не поместится. Но багер задерживается здесь достаточно, чтобы успели подняться и загрузиться до последнего человека.

Глава 10

В кабинет заглянул Хруерт, сперва посмотрел, чем я занимаюсь, потом сказал таинственным голосом:

— К вам тот толстый... граф Варессер!

— Впусти, — велел я.

Лорд-канцлер переступил через порог с вынужденной неспешностью, неспешный и все еще неповоротливый, все еще с резной тростью в руке, однако только для важности и величия, вельможный и с мощными седыми усами вразлет с бодро загнутыми кверху кончиками.

Парик эпохи империи Германа, локоны по всей голове, ниспадает до плеч, а две пряди справа и слева на грудь, белоснежный воротник, такой же белый платок от шеи и почти до пояса, в общем, как носили предки, настояще олицетворение старомодного покоя и благополучия, лорд-канцлер и должен выглядеть так, мы в старине инстинктивно видим стабильность и надежность.

Я тоже ощутил исходящее от него спокойствие и величие державного значения. Мне кажется, лорд-канцлер империи и должен быть крупным, массивным с тяжелой и широкой челюстью, хотя и aristokratischeski удлиненной, с вельможным лицом и мохнатыми седыми бровями.

Он поклонился, не доходя двух шагов до стола, я сказал приветливо:

— Сэр Джулиан!

— Ваше величество, — произнес он прочно, — позвольте поздравить вас с очередной победой...

Я отмахнулся:

— Да какая это победа? Пустячок.

Он покачал головой:

— Не скромничайте, ваше величество. Вы проявили великую мудрость и далеко идущий расчет, что просто удивительно для вашего возраста.

— Правда? — спросил я с интересом. — Да вы садитесь, дорогой граф. А в чем же еще и расчет?

Он с рассчитанной неторопливостью сел, императора нельзя заставлять ждать, но и грунное тело не заставишь двигаться быстрее, положил шляпу на колени и прямо взглянул мне в глаза.

— Ваше величество! Все при дворе и в столице уверены, что вы ринулись спасать мужа вашей любовницы, чтобы та не утопала в слезах! Это красиво и благородно. Об этом все судачат, придумывают подробности, преувеличивают детали.

— Гм, — сказал я, — а на самом деле?

Он хитро улыбнулся.

— На самом деле в том герцогстве, как я понимаю, что-то важное для империи, не так ли? Вы крупный государственный деятель, ваше величество. Потому сразу вознамерились прибрать к рукам стратегически важные земли, чем-то уникальные и особенные!.. И сделали это, пока все восхваляют ваше человеколюбие, внимание к своим подданным и защиту их интересов!

Я посмотрел на него, как баран на ворота Царьграда.

— Чё, вот такой... расклад?

— Да, — ответил он почтительно. — Даже если некоторые и начнут догадываться об истинных ваших мотивах, что вряд ли, кто их будет слушать? Вы с таким совершенством все проделали, что все в восторге. Какая эффектная дымовая завеса скрыла истинные цели!.. Вы настоящий государственный деятель, ваше величество! И теперь, чтобы не выглядеть глупцом, даже те, кто догадался, будут говорить, что вы все это

проделали ради того, чтобы утереть слезы прекрасной женщине!

— Ага, — сказал я чуточку заторможенно, — ну да, а чё такого... Я же гуманист, младших братьев никогда по голове, а только по жопе... Репутация — это тоже капитал. Это хорошо, что понимают в лучшем смысле слова...

— Как и должно быть, — подтвердил он. — Это войдет в анналы!

Я насторожился:

— Куда войдет?

— В анналы, — повторил он. — В историю, так сказать.

— А-а, — протянул я — Ну если войдет, а не попадет, то пусть. Это попасть в историю не весьма зело. А войти с барабанным боем...

Он сказал с удовольствием:

— Кому нужна правда? Правда всегда серая и скучная. А вот красивая романтическая история делает жизнь лучше. Особенно для бедных!

— Да, — согласился я, — бедным нужна красивая сказка про золушек, пещеры Али-Бабы, Синдбада и всякие говорящие щуки и медные лампы...

— И никто не вспомнит, — сказал он, — для чего все это было. А вот волнующая повесть, как вы ринулись спасать мужа своей любовницы... о, да менестрели сами слезами изойдут, сочиняя сердцервущие песни! История, ваше величество, пишется не историками, а бардами и менестрелями, увы... Так что вас там заинтересовало? Спрашиваю ввиду государственных интересов, ваше величество.

Я вздохнул.

— Еще не разобрался, дорогой лорд-канцлер. Просто насторожило, что заговорщики пытались взять под контроль земли этого герцогства. Ничем не примечательное, золотых или серебряных копий нет, медь тоже добывают на другой стороне империи...

— Возможно, — предположил он, — именно из-за размеров и некоторой изолированности?

— Возможно, — согласился я. — Но все равно не мешает проверить насчет недр. Займусь при случае.

Он сказал с готовностью:

— Ваше величество, я в свое время занимался проблемами княжеств и герцогств! У них есть особенности, потому тот, кто подойдет к ним с той же меркой, как к прочим королевствам империи, может принести вред... им, а также империи.

— Решено, — ответил я, — займитесь.

Он поклонился с выражением благодарности, хотя всего-навсего взвалил на его плечи добавочную нагрузку, но, с другой стороны, это еще и признак доверия.

— А еще, — сказал он доверительно, — как я понял по прибывшим с багера, вы с очередной победой?.. Я имею в виду, вы не только освободили маркиза... Моя поздравления, ваше величество!

Я откинулся на спинку кресла, помолчал, поздравлений еще наслушаюсь, сэр Джулиан терпеливо ждал, наконец я проговорил с неохотой:

— Маркиза освободил, но по дурости и самодовольству разрушил попутно величайшее сокровище, за которое можно было отдать весь этот трон!.. Но я, скотина, так собой любовался, ни на что не обращал внимания...

Он вздохнул с сочувствием, но произнес абсолютно деловитым голосом:

— Кто еще знает о вашем провале?

— Никто, — буркнул я. — Там были... слишком узкие ворота. Только я прошел.

Он еще раз вздохнул, но сказал с заметным облегчением и сочувствием:

— Ваше величество, тогда все просто. Помалкивайте о своих промахах, так все делают. Всякий выставляет напоказ только победы. И пусть провал колossalный, как вы говорите, а успех мизерный, но все должны видеть только успех. Вся жизнь так устроена! Мало ли сколько у нас было попыток? Но засчитываются только успешные.

Я перевел дыхание, тяжелая холодная жаба в груди вроде бы начала понемногу уменьшаться в размерах.

— По уму все верно говорите, — согласился я, — только все равно гадко.

— Потому, — объяснил он, — что за «хорошо» или «гадко» отвечает не ум, ваше величество. Сейчас вам нужно эту случайную удачу, как вы говорите, подать как великую победу в результате вашего гениального замысла. Народ это любит. Особенно если по такому случаю во дворце будут пир, карнавал и танцы, а на улицах народные гулянья.

Я ощутил, что начинаю оживать, сказал с одобрением:

— Хорошая идея, сэр Джулиан!

Он подумал, добавил рассудительно:

— Раздать награды... одарить титулами... в честь вашей гениальной победоносности...

— Хорошая идея, — повторил я. — Находчивый вы человек, лорд-канцлер!.. Нужно будет составить список представленных к наградам. Обязательно включить в него сэра Альбрехта, а то я уже заботился вспоминать, герцог он или принц. Пусть будет принц!.. Но без дарения обширных земель с замками, угодьями для охоты и деревнями для первой брачной ночи. Обойдется. Будет служилым принцем.

Он спросил в недоумении:

— Но вроде бы сэр Альбрехт не участвовал? Я его постоянно видел здесь...

— Ну и что? — спросил я. — Разве система впервые наказывает невиновных и награждает непричастных? Мы должны соответствовать мировым стандартам и общепринятой практике. А то вдруг станем такими правильными, что самим будет противно!

— Ваше величество!

— И все рухнет, — добавил я. — Слишком правильно устроенное общество обязательно рушится! Предварительно прогнив с ног до головы и обратно. Нужно обязательно оставлять место для недовольства и тщательно контролируемого бунтарства.

Он посмотрел с великим уважением, а я ощутил, что не льстит и не прикидывается, а на самом деле я сморозил что-то умное или державное.

— Ваше величество! — произнес он прочно. — В вас чувствуется опыт управления державами большими, чем здесь!.. Вы правы, абсолютно правильные какие-то подозрительные, словно что-то замышляют. Но все-таки для награждений нужно какое-то обоснование...

Я сделал удивленное лицо.

— В самом деле нужно? Какой же я тогда самодур если не могу самодурничать?.. Ладно, тогда за выслугу лет!

— А он разве старый? — поинтересовался он с сомнением. — Выглядит молодо для своего возраста. Обидим хорошего человека.

— А за реформы в армии?

— Нашей? — уточнил он. — В ней пять тысяч лет не было реформ.

— Тогда за гуманизм и победы в правах женщин?

Он взглянул с недоумением, обронил осторожно:

— Он в таких делах не замечен.

Я подумал, вздохнул.

— Скрытный гад. Тогда за элегантность?.. Он как никто умеет сочетать наш северный стиль с изысканностью местной моды, а это как бы мостик дружбы между народами. Даже между цивилизациями. Наша, естественно, выше, а ваша так себе, но богаче и разнообразнее.

Он подумал, сказал с осторожностью мудрого человека:

— Только сформулировать нужно как-то поторжественнее и с надлежащей многозначительностью. Вы правы, что-то насчет дружбы народов и расцвета культуры. Под эту хрень, как вы часто говорите, можно подверстать все, а также вскользь упомянуть ваше благотворное влияние на здешнее общество.

— А оно было?

Он покачал головой:

— Ваше величество! Такие формулировки тем и хороши, что в них никто не вчитывается. Это как чириканье птичек за окном или милое щебетанье женщин про их наряды и фасоны. А вот то, что идете от по-

беды к победе, это настолько замечательно, что просто страшно...

— Ого, — сказал я с интересом, — у вас знают притчу о перстне Поликтета?

В его глазах вспыхнул огонек любопытства.

— С детства обожал притчи. А что с тем перстнем этого... не знаю такого, но явно человекуважаемый?

— Да, — подтвердил я. — Царь Коринфа, богат, мудр иуважаем. Ему способствовал такой нескончаемый успех во всех делах, что мудрые советники уже начала опасаться. Один сказал, что надо бы хоть какую-то неудачу, чтобы не искушать судьбу. Поликтет подумал и согласился, добавив, что он отправил месяц назад караван кораблей с товарами, но о них ни слуху ни духу, а на море разыгрались две страшнейшие бури... Но только договорил, как из порта донеслись вопли радости, корабли вернулись все целые и с богатой добычей... В общем, что он ни делал, чтобы причинить себе вред, но его богатство только умножалось. Наконец снял с пальца самый ценный перстень с огромным бриллиантом и швырнул с балкона в море. Но когда готовили ему обед, прибежал повар и принес этот перстень, найденный в желудке пойманной рыбы...

Сэр Джулиан спросил заинтересованно:

— И что с тем царем?

— Правильный вопрос, — сказал я с одобрением. — Советник в ужасе бежал от такого правителя, а на Поликтета в самом деле вскоре посыпались несчастья, разорился, в пожаре сгорели дворцы, его самого свергли с трона, тяжело болел, окончил жизнь жалким нищим где-то в бедной рыбацкой хи-

жине. Но мне пока что везет просто сказочно. Настолько, что наглею очень быстро, даже сам заметил!

— Ваше величество?

Я сказал с горечью:

— Все чаще подумываю, а не становлюсь ли сволочью? Им чаще всего дается все легко, потому что переступают любые запреты.

Он поинтересовался:

— И к какому выводу пришли?

— Еще не пришел, — признался я. — Все время кладу гирьки то на одну чашу весов, то на другую. Колеблются! То одна выше, то другая.

В его взгляде пропало замешательство.

— Ваше величество... а такое разве можно гирьками?

Я подумал, пожал плечами.

— А вот не знаю... У вас озабоченный вид, что-то случилось?

Он тяжело вздохнул, вытащил платок и вытер покрасневшее и сильно морщинистое лицо.

— Между королевствами Вотадиния и Элмес вспыхнула настоящая война. Я надеялся, помирятся, но там закусили удила. В королевстве Селковия совершен переворот, трон захвачен узурпатором Галвиделом...

Я вздохнул, он моментально умолк.

— Дорогой граф, — сказал я, стараясь не показывать раздражение слишком явно, что-то слишком легко завожусь, — меня эта хрень ну никак не интересует!.. Возможно, очень хорошие люди свергли кровавого тирана? Или мы всегда и при любых раскладах за легитимную власть?.. Короли всех стран объеди-

няйтесь?.. Не дадим всяким там либералам вякать за права человеков?..

— Там не кровавый тиран, — начал он и умолк.

— Но почему, — сказал я едко, — надо обязательно стоять на защите режима?.. Дорогой граф, не один король, так другой, какая разница?.. Человек, придумавший ветряную мельницу, выше всех королей, вместе взятых!.. Я у вас на Юге ветряк видел только однажды за все время, а водяных, как я понял, вовсе нет?.. И это цивилизация?

Он посмотрел несколько странно.

— Сэр Ричард...

Я отмахнулся:

— Ладно, проехали. Хотя еще к этому разговору вернемся. Как только разгребем невидимые миру завалы этой с виду благополучнейшей империи!.. А сейчас да, пусть видят, что мы заботимся о каждом жителе империи!.. Все в ней были свидетелями, как вся мощь громадной державы пришла в движение и встала на защиту простого человека, маркиза Антуана Элефей-нийского!.. Что пьете, граф?

Он покачал головой:

— Ваше величество, я не пью на работе. И вам бы не советовал... угощать по доброте души. Императоры выше угощений, это их роняет. Вы должны держаться отстраненно, всех на расстоянии... Кстати, члены Высшего Императорского Совета настоятельно просят вашего позволения собраться по одному важнейшему делу империи. Причем как возможно быстрее.

Я ответил с некоторым удивлением:

— Хорошо, сэр Джулиан! Через часок устроит?..

Я пока отхожу от... эпопеи по спасению маркиза Ан-

туана Элефейнийского, как мы только что договорились, очень героической и даже эпической, так что свободен и в любое время с интересом выслушаю проблемы Императорского Совета.

— Уверен, — сказал он со значением, — сразу же и примете правильное решение. Время не на нашей стороне!

Глава 11

Часа два после его ухода разбирался с делами. Весь конгломерат двадцати восьми королевств и сотен княжеств, герцогств и баронств держится только на скрепляющей мощи Великих Магов, и как только выйдут из глубоких пещер, мир вернется к тому состоянию, что и было. А нас, завоевателей с Севера, смахнут, как баба веником муравьев с порога.

На какой-то миг ощущил, как по всему телу прокатилась теплая волна, словно на меня дохнул Бобик, ставший размером с дворец. Ощущение тут же исчезло, но я успел уловить, что пришло со стороны Маркуса.

Попробовал сам восстановить, не получилось, снова вернулся к тягостным размышлениям, что же делать, как предотвратить тяжелую и затяжную войну с Великими Магами.

Покинул кабинет, но в коридоре с замершей в неподвижности охраной ничуть не веселее, мысли тоже толкуются, как в вязком болоте, спустился в нижний зал.

Еще только показался на верху лестницы, как внизу вся масса якобы прогуливающихся развернулась в мою сторону. Мужчины склонились в подобостраст-

ных поклонах, женщины с цветущими улыбками плавно присели, демонстрируя грацию и подвижность суставов.

Жанна-Антуанетта оказалась в переднем ряду, полагаю, совсем не случайно. Все знают, где находится император и с какой стороны появится, потому за место встать поближе идет ожесточенная борьба, хоть и без мордобоя.

Я медленно спускался по ступенькам, быстрее двигаться императору несолидно, изобразил благосклонную улыбку с долей рассеянности во взоре, все о народе думаю, о народе.

От лестницы через зал образовался проход, через который предстоит пройти к выходу во двор.

Я сошел с последней ступеньки, Жанна-Антуанетта сделала шагок вперед, я автоматически подставил локоть, уж не знаю точно, есть ли в регламенте обязанность прогулки с официальной любовницей, но лучше перестрахуюсь, не так уж это и трудно.

От нее пахнет мило и вкусно, вся светлая и чистенькая, сияет, как утреннее солнышко. Я поглядывал искоса и чувствовал, что в самом деле совершенство, природа миллион лет пыталась совершить шедевр, и вот удалось, но вряд ли сумеет повторить в обозримое время.

— Ваше величество, — прощебетала она чистым нежным голоском, — весь двор только и говорит, как вы спасали маркиза Антуана! А я так счастлива, так счастлива, что теперь готова вам петь!

— Пойте, — ответил я благодушно, затем уточнил: — Хвалу?

Она пояснила тем же музыкальным голоском:

— Вы тогда сказали насчет вперед и с песней, но тогда было не до песен, а теперь вот чувствую вину и обязанность...

— Ага, — сказал я, наконец-то вспомнив, — маркиза!.. Вы же образец красоты, зачем вам еще и петь?.. Вдруг испортите? Может быть, вы поете так, как я играю на арфе?

— А вы играете? — спросила она с сомнением.

— Как князь Кутузов, — сказал я гордо, — Таврический. Был такой певец на иерихонской трубе... Как запел, так стены крепости и рухнули!.. Не нужно петь, маркиза, я освобождаю вас от такой жуткой обязанности!.. Песни, что звучат в походе, не должны звучать в стенах дворца. Отдыхайте, маркиза, набирайтесь сил. Скоро вам блистать на всенародном празднике, подумать только, в честь освобождения маркиза!

— Ой, — сказала она с восторгом, — всенародном?

— Да, — подтвердил я, — в пределах города. Во дворце бал, на улицах веселье.

В сторонке заметил Карла-Антона, деликатно ждет, когда замечу и потом подзову или не подзову, через плечо сумка, это значит еще какие амулеты идентифицированы.

Жанна-Антуанетта перехватила мой взгляд в его сторону, чарующе улыбнулась и отступила, красиво присев и растопырив платье в стороны.

Я пригласил его жестом идти рядом, император может прогуливаться с кем угодно, к тому же Карл-Антон, как известно всему двору, очень высокого происхождения, что тщательно скрывает.

— Карл, — сказал я, — вы там как, еще не определились со своей биографией?.. Будут втихаря допы-

тываться. Народ любопытный, хоть и бароны. Рекомендую нехотя признаться кому-то, что вы младший сын герцога или князя, но из-за дуэлей вынуждены были бежать из родных краев. Это так красиво и романтично...

— Ваше величество, — запротестовал он, — а не лучше пока помалкивать? Пусть думают, что хотят.

— Лучше, — согласился я. — Дамы вами еще больше заинтересуются. Они любят таинственность.

Он поморщился, интерес со стороны женщин — потеря ценнего времени для того, кто умеет читать и любит исследовать тайны южного материка.

— Ладно, — ответил он, — взвешу. Я уже дал задание Зельду, чтобы выяснил, чем то герцогство отличается от других. Как только, сразу прибуду с докладом!.. А сейчас, ваше величество, хотел бы показать еще пару десятков амулетов! Есть любопытные. Хотя, конечно, как мы все понимаем, все по-настоящему ценные Маги взяли с собой.

— Попозже, — пояснил я. — Через час заседание Верховного Государственного Совета по вопросу какой-то чрезвычайной важности. Вон уже прибывают экипажи...

— Экипажи?

Я отмахнулся:

— Повозки, я имею в виду. Колесницы с крытым верхом. Не придирайтесь, Карл!.. Какие-то старые словечки невзначай прорываются...

— Да уж, — заметил он с многозначительностью. — Очень интересные словечки. Хорошо, я подожду здесь, ваше величество. К вам идет сэр Альбрехт...

Альбрехт на ходу кивнул волшебнику, дружески и одновременно покровительственно, Карл-Антон поклонился вежливо, Альбрехт взял меня за локоть и отвел чуть в сторону.

— Ваше величество, — прошептал он негодяющее, — что там за слух пошел, что готовится указ о возведении меня в принцы? С какого перепугу?

— Укрепляю вертикаль власти, — ответил я с достоинством. — В целях крупных государственных интересов!.. Так надо, герц... уже, можно сказать, прынц! Мы победим, сэр Альбрехт!.. Даже в этом затхлом и застойном обществе я видел живой символ триумфа человека!

Он уточнил:

— Это когда сэр Растер, стоя на краю пропасти, помочился в нее?

Я посмотрел косо, Альбрехт снижает мои возвышенные речи, как и приостанавливает ту хрень, что иногда несу, уходя в далекие вбоквельы. Как никто, четко видит грани, через которые не стоит переступать ни вправо, ни влево. Тем более императору с его просто дикой властью.

— Принц, — сказал я с укором, — а почему не...

Он сказал громким шепотом:

— Простите, ваше величество, но я вижу, прелестная леди Мишелла стремится поговорить с вами. Другой бы я не уступил, но леди Мишелла самая деликатная при дворе и ненавязчивая...

Я повернулся, от своих подруг отделилась леди Мишелла, трепетная и восхитительная, вся от лент в высокой прическе и до туфелек в голубом цвете,

только голубое платье перепоясано чем-то золотым, не то шнурком, не то цепочкой.

Альбрехт удалился, взамен подошла леди Мишелла, торопливо присела и ждала, пока я не сказал отечески:

— Леди Мишелла? Встаньте. Вы что-то хотели сказать?

Она грациозно поднялась, взглянула снизу вверх дивными глазами.

— Ваше величество! Герцогиня Самантелла сказала, что сегодня моя очередь идти в вашу постель...

Я посмотрел на нее с интересом.

— Но вас от меня уже тошнит?

Она вскрикнула:

— Ваше величество!.. Просто прошу вас... очень прошу!.. на эту ночь взять мою подругу Эльзивеллу. Вы ее видели, она очень хорошенькая и просто мечтает...

Я дернулся, все еще не врубаясь, переспросил, не веря своим ушам:

— Вы хотите, чтобы я взял в постель леди Эльзивеллу?

Мишелла торопливо кивнула, в глазах страх и даже какое-то непонятное отчаяние, но продолжала старательно улыбаться, а голосок держать мило щебечущим:

— Вы абсолютно правы, ваше величество.

— Ничего себе, — пробормотал я в озадаченности, — а почему меня уверяли, что женщины конкурируют, отпихивая друг друга локтями?.. Или это только со мной? Дескать, а чего за такого дурака конкурировать...

Она возразила с такой страстью, что вокруг нас на-калился воздух:

— Ваше величество!.. Несправедливо так говорить!.. Все конкурируют за место поближе к вам.

— Но тогда...

Во взгляде ее прекрасных глаз я рассмотрел глубо-кую печаль.

— Ваше величество... вы же мужчина, скоро начнете отодвигать ваших нынешних любовниц, заменяя новыми. Но в число новых моя лучшая подруга может не попасть! Потому настойчиво добивается, чтобы я по-зволила хотя бы на одну ночь подменить себя!.. Но, конечно, я не могу этого сделать без вашего разрешения...

Я всмотрелся в нее пытливо.

— А как к этому относитесь лично вы, Мишелла?

Она ответила чуть не со слезами на глазах:

— Ваше величество! Умоляю, пусть подменит меня на одну ночь!.. А дальше уже как изволите. Возможно, она и останется вместо меня.

— Нет уж, — ответил я решительно. — Враг не пройдет, победа будет за нами. Ни за что.

— Ваше величество!

В ее удивительных глазах было столько чистого света, что я сглотнул, не в силах спорить, выдавил с неохотой:

— Только для того, чтобы сделать вам приятное, Мишелла.

— Ой, спасибо, ваше величество!

Я пробормотал озадаченно:

— Да уж и не знаю как отнестись к этой «спа-сибе».

С балкона второго этажа мощно заорал Периальд:

— Ваше величество!.. Там в Малом Зале уже собрались какие-то очень важные, вам таким никогда не стать... Говорят, вас дожидаются!

— Иду, — крикнул я. — Скажи, щас буду.

Мишелла присела, придерживая кончиками пальцев растопыренное платье, я кивнул ей и с обреченным вздохом начал подниматься по ступенькам.

Глава 12

Большой Государственный Совет, возглавляемый лорд-канцлером Джулианом Варессером, собрался в зале на втором этаже, как и обычно, это шепнул сэр Норберт, что уже расставил в коридоре своих людей, частью в виде охранников, частью замаскированных под слуг.

Я перешагнул порог, за мной тут же захлопнули двери и встали стражи, а я неспешно двинулся к креслу с высокой спинкой, которое должен занимать председательствующий, на ходу быстро просматривал собравшихся.

Наши держатся отдельной группкой: сэр Келляве, в доспехах с головы до ног, все еще не расстается с тяжелым мечом, блистательный Альбрехт, он за исключением прекрасной кирасы не отличим от самых модных придворных в щегольских камзолах, правда, сапоги сменил не на туфли, а на что-то среднее между туфлями и сапогами, но с предельно низкими голенищами.

Сэр Норберт бездоспешен, меч у оруженосца, что дожидается в коридоре, одет для своей профессии безупречно, то есть удобно, элегантно и настолько

просто и бесцветно, что через пять минут уже и не скажешь, какой на нем камзол и, вообще, что у него за одежда.

Сэр Рокгаллер, военный комендант Волсингейна, все больше чувствует себя заботливым градоначальником, потому давно сменил тяжелые и неудобные доспехи на роскошнейший наряд знатного вельможи, чем снискал одобрение и поддержку всех придворных и ключевых фигур во властной пирамиде империи.

Справа и слева от моего кресла с высокой спинкой расположились сэр Джулиан, Грейгер Армстронг, граф Никлас Томандер, даже принц Кегельшир, которого я меньше всего ожидал увидеть в числе членов Высшего Совета, еще несколько знатнейших вельмож, которые помимо своей вельможности еще и занимают важные государственные должности.

Как только я опустился в кресло, поднялся сэр Джулиан, могучий и величественный, заговорил мощным и раскатистым, но в то же время бархатистым голосом:

— Ваше величество! Пока вы доблестно и великолюдно освобождали из рук врага маркиза Антуана, мы несколько раз обсуждали в узком кругу, а потом и в более широком, проблему укрепления безопасности империи.

— Хорошее занятие, — одобрил я.

— Мы хотели бы, — продолжил он, — с вашего разрешения обсудить одну важнейшую проблему. А задно порекомендовать ряд мер по ее благополучному разрешению.

Я кивнул, по уши переполненный благожелательностью, какую бы проблему канцлер не назвал важ-

нейшей, я то знаю, что все ерунда, да он наверняка знает, но все мы должны считать, что на Высшем Государственном Совете решаем проблемы, без которых вообще жить нельзя.

— Да, сэр Джюлиан? Слушаю очень внимательно.

Он уперся обеими руками в край стола, глаза блестят молодо и с задором, продолжил так же отечески мощно-увещевательно:

— Ваше величество, вы молоды и отличаетесь горячим нравом, что ведет вас от победы к победе, но в сложнейшем управлении империей успели допустить ряд...

Он замялся, подыскивая нужное слово, я подсказал:

— Промахов?

Мои лорды нахмурились, сэр Джюлиан покачал головой:

— Точнее сказать, упущеных возможностей.

— Э-э, — сказал я с интересом, — ткните меня носом. Наверстаем! Я люблю расширение своих возможностей. Даже больше, чем удалой пир с большой дракой.

Он проговорил торжественным голосом:

— В великих делах державы, да еще такой крупной, даже, не побоюсь этого слова, величественной, не бывает мелочей. Каждый пустячок, каждое крохотное упущение могут привести к огромным и плачевным последствиям. Ваше величество?

— Абсолютно верно, — подтвердил я, — вы правы, дорогой лорд-канцлер.

Он продолжал отеческим тоном:

— Вы воин, а это значит, человек, недостаточно опытный в государственных делах.

— Смелее, сэр Джулиан, — сказал я. — Недостаточно опытный, это слишком мягко сказано. Все верно, я частенько делаю промахи. В оправдание могу сказать только, что спешу их исправлять как можно быстрее.

Лица членов Государственного Совета заметно посветлели, наверняка ждали, что буду возражать и говорить о своей гениальности.

В этом состоянии благожелательности дела идут просто прекрасно, снова ощущил теплую волну по всему телу, словно на меня дохнул не только исполинский Бобик, но и арбогастр, размером с гору.

Маркус, сказал я мысленно, я тебя люблю, ты хороший... Как только закончу здесь, мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним...

Сэр Джулиан оглядел собравшихся орлиным взором, а затем величественно, как плавающий айсберг, повернулся ко мне.

— Ваше величество, — сказал он увещевательным голосом, — у вас уже три любовницы, с этим вы поспешили, увы. Осталось всего одно место. Вы такого не замечаете, но во дворце и по всей столице за последнее вакантное место разгорелась ожесточенная борьба...

Я переспросил скептически:

— Это важно?

— Ваше величество, — сказал он проникновенным голосом, — это то, что на поверхности. Но глубже кипит схватка за сферы влияния. Сцепились могучие кланы! Каждый старается продвинуть свою избранницу. Если она займет оставшееся место, это автоматически усилит позиции тех, кто за нею стоит!.. А вы, уж простите, хоть и гениальный стратег в военных

действиях, раз уж впервые в истории дошли со своей армией до Южного материка, но абсолютно несведущи в изощренности местных интриг!

Я пробормотал:

— Ну, с этим трудно спорить. Особенно насчет моей гениальности.

— Мы подготовили, — сказал он, — и рассмотрели несколько сот кандидатур.

— На место в Государственном Совете? — спросил я.

Он ответил строго и значительно:

— На единственное вакантное место, ваше величество!.. У вас по штатному расписанию идет герцогиня Херствардская, леди Мишелла и маркиза Жанна-Антуанетта Пуансон... Старшая любовница, младшая и официальная... Осталось только одно место, потому мы поторопились с этим заседанием, пока вы по неосведомленности не совершили опрометчивого шага...

— Э-э, — произнес я в затруднении, — значит, Совет собрался по этому поводу?

Лорд-канцлер почти всплеснул руками, во всяком случае начало жеста было обещающим.

— Ваше величество! Вы не представляете опасности необдуманного шага! Вы император, и каждое ваше слово, жест, взгляд или приподнятая бровь становятся предметом жарких дискуссий и предположений, что бы это могло значить!.. Потому какая женщина будет делить с вами постель — очень важно. Это вы можете предполагать, что сами выбрали понравившуюся вам, но не предполагаете, какой труд был приложен и в каких сферах, чтобы все подготовить к этому моменту...

Сэр Норберт, что слушал внимательно, хоть и с некоторым брезгливым выражением, обронил:

— Лорд-канцлер прав. Могут подставить шпионку. Даже не могут, а наверняка проведут эту операцию. Я вообще-то не уверен и насчет леди Мишеллы, хоть она в самом деле очень милая.

Я запротестовал:

— Сэр Норберт, Мишелла вне подозрений! Я ее выбрал, когда она еще не знала, что я и есть император.

— Никто не вне, — ответил он суховато. — Возможно, к ней позже нашли ключи. Такое бывает, вспомните Жанну-Антуанетту! Хорошо, сразу призналась вам ввиду особенностей женского ума, что равен утиному в двухнедельном возрасте, но могла бы выполнять их задания.

Сэр Джулиан поклонился сэру Норберту:

— Моя благодарность, сэр! Вы все прекрасно обрисовали. Чтобы не углубляться в детали, сразу сообщу, что, перебрав сотни кандидатур, вычленили десяток, а оттуда после длительных дискуссий выбрали двух...

Он говорил на полном серьезе и с такой важностью, что я тоже начал проникаться серьезностью ситуации.

Принц Кегельшир произнес с чопорностью:

— Ваше величество, мы решили предоставить вам кандидатуры принцессы Герсенды и королевы Эрмессинды. Первая — дочь короля Ротхера, сюзерена Бергольма, а вторая — жена короля Адантера, он правит огромным и стратегически важном королевством Эммагальдом, что выходит к озеру Иссинейское, хотя оно таких размеров, что омывает земли шести королевств!

— Ого, — сказал я, — это же море, хоть и озеро. Но одно смущает... Вы предлагаете мне взять в любовницы жену короля? Живого?

— Живого, — ответил сэр Джулиан почти тельно, — иначе бы она именовалась вдовой. Кстати, я сам за ее кандидатуру! Их королевство обладает немалым флотом, а это важно в стратегическом смысле...

Я покачал головой:

— Не знаю, по мне, как-то нехорошо брать в любовницы жену живого короля...

Грейгер Армстронг воскликнул:

— Ваше величество, не убивать же хорошего человека ради такой малости?

— А он точно, — осведомился я деловито, — хороший?

— Но вы же говорили, — напомнил он, — любого человека нужно считать хорошим до тех пор, пока не докажет обратное?

Альбрехт пробормотал едва слышно:

— А почему и нет, если это доставляет неудобство императору?

Все промолчали, только сэр граф Никлас Томандер тихонько покашливал и поглядывал на меня поверх листа бумаги в его руках.

Я сказал с укором:

— Сэр Альбрехт, вы инсвиируете мне вообще-то черт знает какую людоедность!.. Нет, я против. Нехорошо обижать человека, даже незнакомого, просто потому, что мне восхотелось его жену.

— Не вам, — уточнил лорд-канцлер со строгой важностью, — а империи. И не восхотелось, а понадобилось. У империи только интересы и притязания, а не хотения. Это другой уровень приоритетности и важности интересов. Интересы державы всегда выше личных, ваше величество. Если надо, то надо.

— Для вас, ваше величество, — уточнил сэр Альбрехт. — Для крестьянина, конечно, личный огород важнее всего на свете. Хотя, конечно, и для него жена соседа... гм...

— А для императора, — добавил лорд-канцлер, — вся империя — личный огород. Если нужно, то нужно. Все мы в тисках сложной и очень сбалансированной системы, которой подчиняются жены королей, сами короли и даже вы, ваше величество!..

Я взглянул на него в упор.

— Почему я, властелин Багровой Звезды Зла, должен подчиняться?

Он терпеливо уточнил:

— Потому что это проще. Что предпочтительнее для достижения великой цели, разрушить ряд королевств или переспать с какой-то женщиной?..

Я пробормотал:

— С какой-то?.. Ну да, в постели все одинаковы, хотя и разные. Почему бы и нет... Однако не хочу обижать короля Адантера! И, уж поверьте, не стану.

Лорд-канцлер воскликнул с досадой:

— Ваше величество!.. Какие обиды?.. Все давно расписано, регламентировано и узаконено. Хотите, покажу документы и законы, хотя там слой пыли выше ваших сапог!

— Верю на слово, — ответил я. — Но давайте этот важный для державы вопрос пока отложим. Это не горит, а вот насчет целостности империи надо решить быстрее.

Никлас Томандер сказал с некоторым намеком на лесть:

— Императору Скагерраку не удавалось признать свою власть в тех королевствах и прочих землях, где

не возжелали строить причальные пирамиды!.. Или где разрушили раньше, чем прислали императорские войска.

— Нам удастся, — пообещал я. — И без всяких постелей с женами чужих королей!

— Почему чужих? — спросил сэр Джулиан. — Они ваши, если входят в вашу империю. Вы можете представить королевствам и лично королям разные привилегии, но сперва все свои вольности и права королевства смиренно сдают новому императору, а уж потом распределяете, кому что и сколько. На этом мир держится, ваше величество!.. Багровая Звезда может помочь захватить власть, но удерживать ее могут только законы и строгое их соблюдение.

Члены Совета заговорили громче, на их лицах я отчетливо читал неприятие моих слов, почти бунт, я покусился на устои, к тому же в самом деле из-за неzapолненной вакансии могу подставить всю империю под удар.

Хрень какая, подумал я с досадой. Безобидная, но хрень. Надо прервать как-то повежливее это заседание, что-то в упор не вижу в нем катастрофической важности. Это им заметно, в империи все было отложено еще три-четыре тысячи лет тому, еще тысячу сглаживались оставшиеся заусеницы, сейчас все идет настолько гладко, что любое малейшее отклонение от общепринятости вызывает ужас в стабильнейшем обществе...

Со стороны двери раздался оглушающий треск, все вздрогнули, кто-то вскочил в испуге.

Обе половинки распахнулись с такой силой, что с грохотом врезались в стену. В зал, нарушая все правила, вбежал, громыхая металлом, гигант в стальных

доспехах с головы до ног, сильно помятых, и с опущенным забралом, которое, похоже, заклинило от сильного бокового удара.

— Сэр Ричард, — вскричал он громовым голосом тамплиера, — тревога!.. Неведомые маги подняли из бездн темный ужас и потребовали покорности и сдачи!

Я покосился на соратников. Сэр Альбрехт гордо выпрямился, Нортон подкругтил ус, а прямолинейный сэр Келляве опустил ладонь на рукоять меча.

Лучше бы длилась безобидная хрень, мелькнула тоскливая мысль. Зажрался...

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая.....	150
Часть третья.....	274

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ
УДАР В СПИНУ

Ответственный редактор И. Минаков

Редактор Е. Тагирова

Художественный редактор А. Старикив

Технический редактор О. Куликова

Компьютерная верстка Е. Джелилова

В коллаже на обложке использованы фотографии:

Borka Kiss, Forewer, Abramova Kseniya, dess63, Olga_i, Jelena Aloskina /
Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»

122308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Фонд «ЭКСМО» АКБ Баспасы, 123308, Москва, Россия, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар баласы: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-дизайн: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Казахстан Республикасында импортчысы наименование «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Казахстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арзы-тапташтарды

кабылдаушылар: «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский қаш., 3-а, литер В, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92. E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Енімнің жарнамалық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо» www.eksmo.ru/certification

Өндірілген мемлекет: Россия. Сертификация қарастырылған

Подписано в печать 03.09.2018. Формат 84x108¹/32.

Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 6000 экз. Заказ Е-2346.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: korpro@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумагами-бумажниками
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanpo@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanpo-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКОВЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7 (812) 601-0-601, www.bukoved.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
Москва, ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Нижний Новгород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmo-nn.ru

Санкт-Петербург. ООО «СЭКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@sekzo.ru

Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» г. Екатеринбург. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2а. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: petrova.e@ekat.eksmo.ru

Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре.
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7(846)207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rd.eksmo.ru

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.

Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov_mag@rd.eksmo.ru

Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nst@yandex.ru

Хабаровск. Обособленное подразделение в г. Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Тюмень. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Абая (ТЦ «Перестройка»).

Телефон: +7 (3452) 21-53-96 / 97 / 98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru

Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сорокинская, д. 7, лит. «Е». Телефон: +861 234-43-01(02).

Республика Беларусь. ООО «ЭКСМО АСТ СНГ энд Си». Центр оптово-розничных продаж

Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,

пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlets». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.

Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: eksmo@yandex.ru

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, д. 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-59-80 (91, 92). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Украина. ООО «Фор Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербовая, д. 17а.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chitai-gorod.ru.

Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: lmarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-098471-8

9 785040 984718 >

ISBN 978-5-04-098471-8

9 785040 984718 >

Р290

Фэнтези

Длинные Руки
удар в спину

